

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (9)

2009

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Падиарова А. Б.</i> Социальное неравенство как фактор здоровья нового поколения россиян.....	2
<i>Козина Е. С.</i> Государственная (муниципальная) служба в организационном обеспечении управления системой социальной защиты населения региона.....	13
<i>Поляков Р. Ю.</i> Девиантное поведение курсантов военных вузов.....	23
<i>Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В.</i> Социально-экономические условия формирования жизненных стратегий сельских жителей.....	30
<i>Василенко О. В.</i> Потребительский риск: здоровье, деньги, душевное равновесие.....	38
<i>Афанасьева Ю. Л.</i> Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи.....	44
<i>Малютина О. В.</i> Развитие новых форм социальной активности жителей крупного города (на примере г. Самары).....	52

ПОЛИТИКА И ПРАВО

<i>Логинов А. В.</i> Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти.....	59
<i>Кузьмин И. Ю.</i> Современные особенности нормативного регулирования информационного общества в Российской Федерации.....	69
<i>Саломатин А. Ю.</i> Судебная власть в конституционно-политическом механизме постмодернизирующегося государства (сравнительно-правовой очерк).....	78
<i>Цыбаков Д. Л.</i> Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе.....	86
<i>Горбачева С. В.</i> Проблема классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ.....	92
<i>Кузин В. Н., Свечников Н. И.</i> Политико-правовые итоги земской реформы в России во второй половине XIX в.	97

УДК 316.334:37

А. Б. Падиарова

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ЗДОРОВЬЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния различных видов неравенства на физическое, психическое и духовное здоровье нового поколения россиян. В статье проводится сравнение состояния здоровья детей из семей различных социальных слоев. На основе полученных данных выделены особые группы риска в плане здоровья, в которые попадают представители различных социальных слоев.

Ключевые слова: социальное неравенство, здоровье нового поколения, факторная модель здоровья.

Abstract. This call for paper is devoted to the analysis of influence of various kinds of inequalities on physical, mental and spiritual health of new generation. In call for paper comparison of a state of health of children from families of various social layers is spent. On the basis of the received data special are certain groups of risk by way of health in which representatives of various social layers.

Keywords: social inequality, the new Russian generation's health, the factor model of health.

Трансформация российского общества, происходящая на протяжении последних десятилетий, затронула все стороны жизни россиян. Происходящие социальные перемены изменили здоровье всего населения России в худшую сторону, о чем свидетельствуют данные статистики: заболеваемость, доля инвалидов, смертность за время реформ выросли, а продолжительность жизни сократилась. Но в большей мере реформы отразились на здоровье нового поколения, чье становление пришлось на период активного расслоения общества и радикальной смены образа жизни.

Сегодня новому поколению россиян, выросшему в условиях становления рыночной экономики и смены национальной идеологии, от 15 до 23 лет. Это возраст, когда завершился детский период с его стабилизацией функциональных систем и психики и начался подростково-юношеский период, в течение которого формируются психическая и духовная зрелость, навыки социальной адаптации.

Темпы снижения показателей здоровья в детском и подростковом возрасте в России практически по всем параметрам оказываются намного выше, чем в любых других возрастных группах. В связи с этим в последние годы усилилось внимание российских социологов к здоровью подрастающего поколения. Различные аспекты здоровья современных детей, подростков и юношества нашли отражение в исследованиях И. В. Журавлевой, И. Б. Назаровой, В. С. Тапилиной, Л. С. Шиловой, О. В. Шиняевой. Однако исследований, посвященных факторам снижения здоровья нового поколения россиян,

не так уж и много. Это объясняется тем, что традиционно проблемы здоровья считались проблемами старших групп населения. В современной России наблюдается парадоксальная ситуация, когда острые проблемы здоровья перешли от пожилого населения к детям и подросткам [1, с. 36].

За годы реформирования в России отмечено нарастание критических тенденций в функционировании всех основных органов и систем молодых россиян (это подтверждают как объективные показатели, так и данные самооценок), зарегистрирован рост явлений социальной дезадаптации. Положительные оценки своему здоровью дает все меньшее количество детей и подростков; причем по мере продвижения от столицы вглубь страны доля негативных оценок возрастает [2, с. 54]. Таким образом, региональный уровень здоровья в одной и той же возрастной когорте является сегодня важным направлением в социологии здоровья.

Рост заболеваемости современных российских детей и подростков становится причиной резкого снижения их шансов на успешную адаптацию в обществе. При этом в современной России дети представителей низших слоев, чей уровень жизни за годы реформ не улучшился, изначально имеют худшие шансы не только на социальную успешность, но и на поддержание своего здоровья. В то же время социологических исследований, посвященных влиянию социального неравенства на динамику здоровья молодых россиян, практически нет.

Нами было проведено исследование «Здоровье нового поколения россиян в социальном контексте» (январь–март 2008 г., выборка 1150 человек в возрасте от 15 до 20 лет). Мы исходили из возрастных границ нового «рыночного» поколения россиян, но ограничились верхним пределом в 20 лет; к этому возрасту здоровье достигает своего максимума. Основными критериями формирования репрезентативной выборочной совокупности стали типы населенных пунктов (областной центр, малый город, поселок городского типа, село), типы семей (по количеству иждивенцев в семье), возраст респондентов. Ульяновская область не случайно выбрана нами в качестве территориального объекта исследования. В советское время уровень здоровья разных возрастных групп населения области соответствовал средним российским показателям. За время реформ область перешла в разряд дотационных регионов, в которых дифференциация населения достигла больших размеров.

В своем исследовании мы исходили из социологического видения здоровья, которое отличается от медицинских концепций. Согласно этому подходу здоровье – это многоаспектный феномен, соединяющий элементы биологического и социального характера; в структуре здоровья функционируют относительно самостоятельные компоненты – соматический, психический и духовный, каждый из которых обладает своей природой и механизмом развития. Соединение разных компонентов здоровья реализуется в его интегративных свойствах, к которым относятся работоспособность, адаптивность, мобильность индивидов, социальных групп и поколений [3, с. 46].

В социологический инструментарий были включены следующие характеристики основных компонентов здоровья молодого поколения: 1) для анализа соматического здоровья и его динамики – уровень физического самочувствия, частота заболеваний, характер отклонений; 2) для изучения психического здоровья – гармоничность психического самочувствия, умственная работоспособность, эмоциональное состояние; 3) для определения уровня ду-

ховного здоровья поколения – характер ценностно-смысловых ориентаций, уверенность в завтрашнем дне, осознание себя субъектом собственной жизни, способность к самоконтролю.

В факторной модели здоровья нового поколения на долю социальной среды приходится 50–55 %, на экологическое состояние среды – 18–20 %, роль наследственности оценивается в 15–20 %, здравоохранения – в 10–15 % [4, с. 50]. Применительно к нашему исследованию фактор «социальная среда» не только самый значимый, но и комплексный по содержанию: образ жизни – ведущая составляющая социальной среды – зависит от принадлежности к определенному слою и состояния социального неравенства в конкретном регионе, населенном пункте.

В научной литературе проблема зависимости здоровья от уровня социального неравенства поднималась как зарубежными, так и отечественными социологами. В конце XX в. в Германии в рамках национальных и региональных опросов была установлена «четкая связь между социальной принадлежностью и количеством сердечно-сосудистых заболеваний»: риск заболеваемости у представителей низшего слоя в 2–3 раза выше по сравнению с высшим слоем; в качестве основных дифференцирующих факторов были выделены образование, приходящийся на семью доход и профессиональное положение респондентов [5, с. 56]. В ходе исследования Института социологии РАН «Малообеспеченность в современной России» (2005–2006) также были получены результаты, характеризующие влияние социального неравенства на здоровье: «здоровье представителей среднего класса лучше, чем у других слоев населения. И хотя разница эта не очень велика, но статистически значима у всех возрастных когорт» [6, с. 94].

Социальное неравенство имеет комплексный характер, в современной России оно охватило все сферы жизни. Очевидно, что различные его проявления по-разному влияют на здоровье. Применительно к формированию жизненных ресурсов нового поколения наиболее ощутимыми являются такие виды неравенств, как материальное, образовательное и территориальное. Именно их воздействие на здоровье молодежи, выросшей в условиях нарастающей дифференциации, мы проанализировали.

Материальное неравенство семей наших респондентов мы идентифицировали по двум основным критериям – уровню среднедушевого дохода и качественной оценке материальных возможностей семьи, а также по одному дополнительному критерию – типу семьи (количеству иждивенцев). В целом по выборке (среди городского и сельского населения области) больше половины семей отнесены к бедным и малообеспеченным (53 %); каждая четвертая семья (23 %) – к базовому слою; каждая шестая (17 %) – к среднему; только 7 % – к числу состоятельных и обеспеченных. Эти типы семей обладают разными условиями и качеством жизни. Данное обстоятельство влияет на здоровье молодых людей.

Физическое здоровье (по самооценке и самочувствию) более стабильно среди молодых людей, чьи семьи принадлежат к базовому и среднему слоям: среди них больше практически здоровых и меньше больных (табл. 1). В группе риска попадает молодежь из бедных и состоятельных семей: в первых значительно меньше, чем во всей возрастной когорте, здоровых; во вторых почти в два раза больше больных с затяжными и хроническими заболеваниями.

Последнее обстоятельство может быть связано с более частыми обращениями к врачам детей из обеспеченных семей, они более информированы о наличии у них заболеваний. Но вывод о лучшем здоровье молодежи из среднедоходных групп совпадает с приведенными нами такими же данными относительно взрослого населения.

Таблица 1

Влияние уровня жизни на самооценку физического здоровья, в %

Характеристики физического самочувствия	Принадлежность к социальному слою по доходу					
	Всего	Бедные	Малообеспеченные	Базовые	Средние	Состоятельные
Здоровы	45	35	42	52	55	41
Нездоровы (бывают временные расстройства)	42	50	44	36	33	35
Больны (затяжные, хронические заболевания, инвалидность)	13	15	14	12	12	24

В ходе анализа частоты заболеваний нами была выявлена прямая зависимость от уровня жизни семьи: чем ниже уровень жизни семьи, тем выше уровень частоты заболеваемости детей. Частые заболевания являются преимущественной характеристикой молодежи из малообеспеченных, бедных семей; это позволяет предположить неблагоприятные условия их текущей жизни и слабую защищенность от факторов риска.

Заболеваемость менее одного раза в год и раз в полгода признается медиками естественным процессом в жизнедеятельности растущего организма и не является признаком серьезных отклонений в развитии организма: детей и подростков с такой частотой заболеваемости в среднем и базовом слоях – более половины; среди бедных – только каждый третий (табл. 2).

Результаты нашего исследования подтверждают устойчивую взаимосвязь между углублением материального неравенства и ухудшением состояния здоровья нового поколения россиян. Среди тех респондентов, кто отмечает за последние годы улучшение материального положения семьи (таких по области 28 %), выявлена наименьшая частота заболеваемости. Среди улучшивших свое материальное положение болеют реже одного раза в год 25 %, среди не изменивших уровень жизни – 15 %, а среди тех, чье благосостояние ухудшилось, – лишь 1 %. В целом у каждого четвертого ребенка из семьи, у которой понизился материальный статус, отмечается заболеваемость каждые 2–3 месяца. Это означает, что такие дети находятся в хроническом, непрерывном болезненном состоянии: период между выздоровлением и новым заболеванием минимален, его не хватает на восстановление сил после перенесенной болезни.

Данные медицинской статистики и нашего опроса показывают: молодежь из малообеспеченных слоев начинает приобретать существенные нега-

тивные отклонения в здоровье значительно раньше, чем их более благополучные сверстники, – в 7–10 лет, что существенно снижает их жизненный потенциал. Для выходцев из бедных и малообеспеченных слоев населения наиболее распространенными являются заболевания органов пищеварения (29 %), органов дыхания (21 %), сердечно-сосудистой системы (16 %). У детей из состоятельных семей отмечаются более частые нарушения зрения (17 %), аллергические заболевания (15 %), а также нарушения устойчивости психики и нервные заболевания (22 %).

Таблица 2

Влияние уровня жизни на частоту заболеваемости, в %

Частота	Всего	Уровень жизни семьи			
		Средние	Базовые	Малообеспеченные	Бедные
Один раз в год ($k = -0,5$)	21	34	26	20	15
Один раз в полгода ($k = +0,5$)	24	20	26	19	20
Один раз в 2–3 месяца ($k = +0,7$)	14	12	13	25	27
Каждый месяц ($k = +1$)	4	2	2	10	11
Трудно сказать ($k = 0$)	37	32	33	26	27
Индекс частоты заболеваний $\max = 1$	0,16	0,04	0,11	0,28	0,33

Изучение в ходе опроса влияния материального неравенства на показатели *психического здоровья* нового поколения позволило выявить следующие закономерности. Повышение уровня жизни семьи сопряжено с понижением показателей психического здоровья детей из данных семей. Молодежь из обеспеченных семей (выше среднего) чаще своих сверстников отмечает непродуманный режим дня (50 %), большие учебные нагрузки (56 %), наличие вредных привычек (27 % против 17 % по выборке). Данные показатели образа жизни способны ухудшить состояние психики. Подростки и юношество из состоятельных семей чаще отмечают чувство одиночества (44 % против 29 % в среднем по выборке), внутреннее напряжение (33 % против 25 %), наличие беспричинных приступов тревожности.

На текущее психическое здоровье оказывает влияние такой индикатор материального положения семьи, как наличие собственной комнаты у молодых людей. Респонденты, не имеющие элементарных условий для самообследования (треть от общего состава исследуемой когорты), в 1,5–2 раза чаще, чем более обеспеченные, бывают в подавленном настроении. Собственная комната выступает лишь одним индикатором качества жизни. Но о том, что этот показатель существенен, свидетельствует такой факт: среди имеющих собственную комнату гораздо больше полностью счастливых молодых людей – 31 %; среди тех, у кого своей комнаты нет, таких всего 13 %.

Духовное здоровье нового поколения во всех социальных слоях сегодня находится в кризисном состоянии. Это связано с тем, что молодое поколение

оказалось в ситуации поиска новых ценностей и моделей поведения, передача духовного наследия от поколения к поколению была затруднена. Ценностное сознание нового поколения – важнейший показатель духовного здоровья.

Результаты нашего исследования показывают: среди молодых представителей всех социально-экономических слоев материальные ценности признаны ведущими, но по мере снижения материального статуса родительской семьи происходит нарастание значимости достатка (табл. 3).

Таблица 3

Ценностно-смысловые ориентации нового поколения, в %

Каким ты видишь себя через 10 лет?	Всего	Уровень жизни семьи				
		Состоятельные	Средние	Базовые	Малообеспеченные	Бедные
Материально обеспеченным	57	58	52	59	62	67
Здоровым, сильным	49	43	47	55	58	20
Свободным, независимым	39	44	42	37	37	26
Профессионалом в работе	38	36	39	36	39	53
Человеком с крепкой семьей	34	27	32	34	43	40
Образованным человеком	34	26	40	34	25	35
Общительным человеком	33	44	35	32	30	27
Инициативным человеком	20	27	19	21	20	13
Патриотом своей страны	10	2	8	12	10	13
Справедливым	9	5	9	13	8	7

Можно сказать, что материальное благополучие – единственная ценность, которая объединяет сегодня все социально-экономические слои нового поколения в одну общность. В структурном резерве ценностного сознания этого поколения – здоровье: около половины молодых людей видят в здоровье смысло-жизненную ценность, однако среди выходцев из бедных семей такую позицию разделяет лишь каждый пятый. Очевидно, что молодежь, не обеспеченная материально, чаще других разделяет инструментальное отношение к своему здоровью (если нет другого капитала, в ход идет здоровье).

Для средних и состоятельных слоев молодежи, кроме перечисленных ценностей, существенную роль играют свобода, независимость и общение; для бедных и малообеспеченных – семья и профессионализм в работе. Для средних слоев весома ценность образования, в связи с этим можно предположить, что молодые люди из семей со средним достатком чувствительны к образовательным каналам формирования культуры вообще и культуры здоровья в частности. Такие ценности, как справедливость, чистая совесть, патриотизм, на сегодняшний день можно признать неактуальными для молодежи из всех социальных слоев: универсальные смыслы, призванные объединять разные поколения одного общества, у новой российской молодежи находятся в «хвосте» ценностного сознания.

Образовательное неравенство семей наших респондентов и их самих мы классифицировали по двум критериям – уровню образования родителей (образование отца и матери) и уровню образования молодых людей (тип учебного заведения, в котором они учатся или которое закончили). В целом среди занятого населения области около половины жителей (49 %) имеют

общее и начальное профессиональное образование, чуть более трети (34 %) – среднее специальное образование; каждый шестой (17 %) – высшее образование. Доля наиболее образованной части жителей не столь велика. Следует отметить, что это характерно не только для Ульяновской области. Удельный вес занятого населения с высшим образованием в соседнем Татарстане – 20 %, в Свердловской области – 18 %, в Приморском крае – 24 % [7, с. 141]. Но в совокупности с теми, кто имеет среднее специальное образование, просвещенная группа составляет половину занятого населения, что уже весьма существенно для продуманной организации жизни и сохранения здоровья семьи.

Как образование родителей влияет на здоровье молодых людей?

Наиболее сильные корреляции наблюдаются между показателями здоровья представителей нового поколения и образованием их матерей. Исторически сложилось так, что в России ответственность за здоровье всех членов семьи всегда лежала на женщине. Традиционной чертой поведения матерей являлось признание высокой ценности здоровья. С конца 1990-х гг. массовой стратегией поведения российских женщин становится эксплуатация собственного здоровья: дополнительная и часто множественная занятость, отказ от отпусков, постоянное напряжение, ухудшение условий труда. Особенно такое отношение характерно для женщин, чей социальный статус за годы реформ понизился или оставался низким; их образование чаще соответствует общему среднему и начальному профессиональному.

Образовательный потенциал матери и общая социокультурная среда семьи оказывают влияние на ухудшение психического самочувствия, эмоционального состояния и умственную работоспособность молодых людей (табл. 4).

Таблица 4

Влияние образования матери на психическое здоровье детей, в %

Характеристики психического здоровья	Уровень образования матери				
	Всего	Высшее	Среднее специальное	Начальное профессиональное	Среднее
Беспричинные приступы тревожности	39	32	38	44	57
Невозможность сосредоточиться на умственной деятельности	37	33	36	49	40
Постоянное внутреннее напряжение	25	20	24	24	38
Чувство одиночества	28	29	25	34	22

В семьях, где оба родителя имеют высшее образование, 70 % детей указали, что они легко справляются со стрессовыми ситуациями и обычно пребывают в спокойном душевном состоянии. Подобная закономерность является скорее результатом не более высокой культуры здоровья, а более высокой культуры общения и взаимопонимания в семье.

Сопоставление уровня *физического здоровья* молодежи и уровня ее образования показало: практически здоровыми себя считают 45 % школьников, 43 % учащихся профессиональных технических училищ, 40 % учащихся колледжей и техникумов и 33 % студентов высших учебных заведений. Таким

образом, к 18 годам, когда достигается максимум здоровья, здоровыми ощущают себя менее половины представителей нового поколения, далее уровень здоровья падает. И это новая тенденция: в исследованиях XX в. после 18 лет фиксировалось ровное сохранение достигнутого статус-кво до 30 лет, а потом спокойное снижение с временными остановками [8, с. 71].

Получение образования сегодня стало процессом, опасным для здоровья. В сфере высшего образования это усугубляется тем, что для многих представителей нового поколения процесс освоения учебных программ представляет непреодолимые трудности. Среди первокурсников различных вузов более двух третей отметили, что учеба дается им с трудом (60 % – «это тяжелый труд»; 10 % – «очень тяжелый труд»).

Учащиеся высших учебных заведений чаще остальных отмечают наличие широкого спектра недомоганий. Наиболее распространенными из них являются: плохой аппетит (21 %), вялость (26 %), сонливость (29 %), бессонница (29 %), головная боль (31 %), раздражительность (26 %), плохое настроение (28 %). Среди школьников, учащихся ПТУ и техникумов уровень указанных недомоганий значительно ниже. Это позволяет сделать еще один вывод: высшее образование не формирует навыков самосохранения и культуры собственного благополучия. В такой ситуации освоение учебных программ и реализация жизненных планов становятся возможными лишь ценой собственного здоровья. В группах работающих студентов количество регулярных недомоганий значительно увеличивается.

Очевидная взаимосвязь *духовного здоровья* с образованием респондентов проявилась в следующем: чем выше уровень образования, тем более уверены в успешности своего будущего молодые люди. Только каждый пятый студент вуза испытывает страх за свое будущее, среди учащихся техникумов – каждый третий, а среди учащихся ПТУ – каждый второй. Можно констатировать: образовательное неравенство тесно связано с неравным ощущением себя в обществе, более высокий уровень профессионального образования дает большую уверенность в своих жизненных ресурсах. Сформированность базовых ценностей, внутреннего духовного стержня более присуща студентам высших учебных заведений.

Влияние образовательного неравенства на здоровье нового поколения противоречиво: несмотря на то, что показатели физического и психического здоровья снижаются по мере подъема на более высокую ступень образования, образовательный ресурс дает уверенность в будущем и сформированность базовых ценностей. Показательны также положительные тенденции изменения здоровья детей из семей с высоким уровнем образования родителей.

Территориальное неравенство в сегодняшней России проявляется в двух формах: неравенстве развития различных регионов страны и неравных возможностях жизни в населенных пунктах разного типа. Результаты нашего исследования мы сравнили с результатами аналогичных исследований в других регионах страны (табл. 5) [9, с. 157].

Выявленное снижение показателей здоровья детей в Ульяновской области (больных в 2 раза больше, чем в Оренбургской области, и в 4 раза больше, чем в Москве) указывает на углубление территориального неравенства в России, а также на то, что последствия кризиса в стране острее всего проявляют себя в регионах, население которых отличается более низким уровнем жизни, а экономика – неопределенными перспективами развития.

Состояние здоровья детей из разных регионов России, в %

Как ты оцениваешь свое здоровье?	Регион		
	Москва	Оренбургская область	Ульяновская область
Здоровы	52	49	45
Нездоровы (бывают временные расстройства)	45	43	42
Больны (затяжные, хронические заболевания, инвалидность)	3	6	13

Тип населенного пункта как критерий другого уровня территориального неравенства демонстрирует достаточно четкие различия здоровья нового поколения в крупных и малых городах, поселках городского типа и селах. Более половины молодых людей (53 %), живущих в поселках городского типа, считают себя практически здоровыми. Среди жителей малых городов и сел таковых оказалось по 46 %, среди жителей областного центра 33 %. Крупный город, несмотря на его развитую социальную инфраструктуру, более губительно действует на физические компоненты здоровья нового поколения (рис. 1).

Рис. 1 Зависимость уровня здоровья от места проживания

Наиболее низкая подверженность заболеваниям различных органов и систем отмечается среди молодежи малых городов и поселков городского типа: почти в 2 раза реже здесь отмечаются заболевания органов дыхания (12 %), зрения, слуха (10 %), органов пищеварения (16 %). Это перечень тех заболеваний, которые являются наиболее распространенными среди большинства детей и подростков крупных городов.

Состояние *психического здоровья* молодежи из различных типов населенных пунктов подтверждает обозначенную тенденцию: из всех опрошен-

ных молодые жители малых городов чувствуют себя наиболее свободными от стрессовых ситуаций, реже испытывают внутреннее напряжение. В то же время молодежь из сел и малых городов уступает молодым жителям областного центра по показателям социальной мобильности и адаптивности. Молодежь областного центра более уверена в себе, с большим оптимизмом смотрит в будущее, отмечает наличие хороших перспектив. Это является частью культурного потенциала городских семей, ощущения своей самооценности.

Особой проблемой для сельской молодежи сегодня является информационное неравенство в вопросах здоровья. Для 61 % сельских подростков единственным источником информации о поддержании здоровья являются родители, 24 % называют родственников, 16 % – учебные предметы в учебном заведении. Для сравнения, для подростков, проживающих в областном центре, родители становятся источником информации в 30 % случаев; родственники и учебные заведения – лишь в 8 %. Просветительская роль родителей, безусловно, важна, но этого недостаточно. Большой проблемой для села является отсутствие широкого доступа к чтению специальных газет и журналов, прослушиванию радиопередач, ресурсам интернет-сайтов, специальным изданиям (справочникам, буклетам).

Итак, новое поколение российского общества вступает в свою самостоятельную жизнь не только с уже более низким потенциалом здоровья, но и с более стремительно падающим. Весомым фактором в этом процессе является углубляющееся и расширяющееся социальное неравенство. Проблемы со здоровьем испытывают молодые представители всех социальных слоев, но велик разброс как отклонений здоровья, так и его ресурсов.

По совокупному индексу (комплексное состояние физического, психического, духовного здоровья) более благополучная картина здоровья складывается не в самых состоятельных семьях, а в семьях со средним уровнем жизни. Это позволяет говорить о том, что по мере роста благосостояния населения усиливается влияние не только уровня жизни, но и его качества.

Исследование здоровья молодежи показало, что такие индикаторы, как место жительства (тип населенного пункта), состав семьи (количество иждивенцев, полная/неполная семья), являются не просто социально-демографическими характеристиками, а показателями определенных типов неравенства, влияющих на условия жизни и поведение в сфере здоровья. Более высокая оценка здоровья и навыков самосохранительного поведения наблюдается у молодежи, проживающей в малых городах и поселках городского типа. Для жителей сел особенно остро встает вопрос информационного неравенства.

Все большее влияние на состояние здоровья молодых россиян в последние годы оказывают социокультурные факторы: культурные традиции, уровень образования и характер труда родителей, культура здоровья и восстановления собственных ресурсов. Отсутствует прямая зависимость между ростом благосостояния семьи и улучшением здоровья детей. Фундаментом построения новой модели укрепления здоровья молодого поколения является соединение культуры семьи и необходимого уровня жизни. Более благополучными являются молодые люди из семей, где родители имеют высшее образование, а среднедушевой доход превышает прожиточный минимум региона хотя бы в три раза. Они более уверены в будущем, более ценят каждого члена семьи, у них лучше сформированы навыки самосохранения.

Список литературы

1. **Римашевская, Н. М.** Здоровье человека – здоровье нации / Н. М. Римашевская // Экономические стратегии. – 2006. – № 1. – С. 36–41.
2. **Журавлева, И. В.** Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева. – М. : Наука, 2006. – 238 с.
3. **Шиняева, О. В.** Здоровье школьников как социальная проблема / О. В. Шиняева. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 128 с.
4. **Лисицин, Ю. П.** Концепция факторов риска и образа жизни / Ю. П. Лисицин // Здравоохранение РФ. – 1998. – № 3. – С. 48–54.
5. **Штайнкамп, Г.** Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии / Г. Штайнкамп. – 1999. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 50–71.
6. **Тихонова, Н. Е.** Состояние здоровья среднего класса в России / Н. Е. Тихонова // Мир России. – 2008. – № 4. – С. 90–111.
7. Мониторинг доступности высшего образования в регионах России. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 178 с.
8. **Венедиктов, Д. Д.** Общественное здоровье: пути оценки и прогнозирования / Д. Д. Венедиктов // Общественные науки и здравоохранение. – М. : Наука, 1987. – С. 68–79.
9. **Максимова, Т. М.** Состояние здоровья, условия жизни и медицинское обеспечение детей в России / Т. М. Максимова. – М. : ПЕР СЭ, 2008. – 367 с.

Падиарова Анна Борисовна
аспирант,
Ульяновский государственный
технический университет

Padiyarova Anna Borisovna
Graduate student,
Ulyanovsk State Technical University

E-mail: progiv2005@mail.ru

УДК 316.334.37

Падиарова, А. Б.

Социальное неравенство как фактор здоровья нового поколения россиян / А. Б. Падиарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 2–12.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ (МУНИЦИПАЛЬНАЯ) СЛУЖБА В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной структуры государственной (муниципальной) службы в процессе управления системой социальной защиты населения в рамках двух подходов: институционального и поведенческого.

На основе анализа основных элементов института государственной (муниципальной) службы как института социальных услуг, а также исследования ее кадрового потенциала определены направления внедрения новых технологий работы с персоналом в управлении системой социальной защиты населения с опорой на кадровый мониторинг.

Ключевые слова: государственная (муниципальная) служба, управление, социальная защита, социальные услуги, мониторинг.

Abstract. The article is devoted to the analysis of government department's social structure in management of social people defense system within institutional and behavioral ways.

On basis of main element analysis of government department's social structure and researching its active potential are found the direction of introduction new technologies in personnel management of social people defense sphere paying attention to personnel monitoring.

Keywords: The state (municipal) service, management, social protection, social services, monitoring.

В соответствии с законодательством государственная (муниципальная) служба – профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти (местного самоуправления).

Новая социально-политическая и экономическая реальность предъявляет новые требования к формируемой системе государственного и муниципального управления, предоставляя ей расширенный круг возможностей влияния на развитие региона, меняя традиционное разделение функций управления.

Поиск путей повышения эффективности функционирования муниципальной службы обозначил актуальность и импульс развития новой отрасли социологического знания – социологии государственной и муниципальной службы. Предметом социологии в данном случае являются публично-правовые отношения по поводу производства управленческих решений, т.е. процесса перевода социальной информации на язык нормативных актов, реализации управленческих решений, т.е. трансформации юридических норм в социальное поведение людей, и последствий, связанных с изменением общественной жизни.

Изучение взаимодействия института государственной и муниципальной службы с обществом обосновало необходимость развития социологического обеспечения управления как одного из средств, устанавливающих эффективную обратную связь с управленческим процессом.

В обобщенном виде основная функция государства выступает как сохранение, развитие и упрочение российского социума, повышение уровня и качества жизни граждан [1].

Цели и задачи государственной и муниципальной службы в конечном итоге определяются потребностями и волей социума, его первосубъекта – народа. Ее социальная роль, социальный статус обусловлены характером социально-экономического строя, типом государства, режимом правления, количественным и качественным составом служащих, внутренним устройством, системой ее правового регулирования. Критерием функциональности государственной службы может выступать выделение определенной функции на основе вычленения значимости социальной проблемы, т.е. социального приоритета.

Таким образом, предметом социологии государственной и муниципальной службы являются публично-правовые отношения по поводу производства управленческих решений (процесса перевода социальной информации на язык нормативных актов), их реализации (трансформации юридических норм в социальное поведение людей) и последствий, связанных с изменением общественной жизни.

Социологические основы государственной и муниципальной службы – это основы взаимодействия данного института с государством и обществом, основы проявления статусно-ролевых закономерностей государственных служащих. Предметное поле данной отрасли социологии подразумевает двухуровневую структуру научного знания – макро- и микро-. Первый уровень касается институционального аспекта государственной службы, а второй – поведенческого.

Формирование социального института объективно обусловлено потребностями общества. В России государственная служба очень долгое время представляла собой традиционный правовой институт, обслуживающий государство, который не справлялся с нарастающим динамизмом общественной жизни.

Однако по мере укрепления гражданского общества в нашей стране возрастает социальная ориентация государства, изменились функции госслужбы, что обусловило необходимость административной реформы, в том числе реформы местного самоуправления.

Институциональный подход позволяет выявить основную общественно необходимую функцию государственной и муниципальной службы – управленческую, а также ее основные составляющие: информационно-аналитическую, плано-прогностическую, подготовку решений (в том числе в виде целевых программ), организацию и выполнение принятых решений, контроль [2, с. 27].

Важно осознать, что управленческая функция проявляется в различных динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между людьми, личностью и обществом, социальными группами.

Функционирование института государственной (муниципальной) службы в развитии можно представить как десятизвенную цепь:

– общество, играющее роль по отношению к государственной службе не просто среды существования и источника пополнения персонала, но и а) заказчика на определенный набор актуальных для населения услуг; б) источника ресурсов (налоги), идущих на удовлетворение нужд граждан;

- проблемы, которые общество генерирует, но само без поддержки государства разрешить не может;
- проекты, программы, планы реализации насущных требований общества;
- соответствующие организации самого разного плана для формирования программ и их реализации;
- финансовые ресурсы, выделяемые через бюджеты различных уровней на реализацию планов и программ решения актуальных проблем общества;
- принятие решений по целесообразному и эффективному расходованию ресурсов в рамках программ, отражающих интересы граждан;
- исполнение принятых решений;
- персонал муниципальной службы: с одной стороны, как следствие «объективных» потребностей, интересов и запросов общества, с другой – как «субъективный» фактор дееспособности и эффективности государственной и муниципальной службы в целом и ее отдельных звеньев;
- контроль за исполнением планов и программ, за функционированием всей системы управления;
- информация и информатизация, выступающие связывающим, системообразующим элементом государственной и муниципальной службы [3, с. 87].

Таким образом, государственная и муниципальная служба является динамичной структурой, функционирующей в меняющейся социальной среде, выполняющей специфическую функцию управления обществом, системой социальной защиты населения. Она приводится в движение людьми, и понять механизм работы этой организации невозможно исключительно в рамках институционального подхода. Отсюда необходимость поведенческого аспекта предметной области социологии государственной и муниципальной службы.

Вследствие открытости института государственной и муниципальной службы, гарантия чего достигается предоставлением всем гражданам равного доступа к нему, его социальную структуру необходимо рассматривать исходя из различных социальных характеристик служащих:

1. Социально-демографические характеристики, такие как пол и возраст служащих. Синтезируя половозрастные показатели, возможно определить творческий потенциал управленческого аппарата, его адаптированность к новым социально-экономическим условиям, инертность в решении возложенных задач, готовность к нововведениям и т.п.

2. Социально-профессиональные характеристики – образование, социальное происхождение, предполагающие разницу в убеждениях, ценностных ориентациях, жизненных целях. Эти различия, безусловно, сказываются на характере группового взаимодействия, структуре власти, коммуникаций в административных учреждениях.

3. Квалификация и стаж работы. Являются определяющими признаками профессионализма, его высокого или низкого уровня.

4. Социально-психологические (личностные) характеристики. Отражают общее состояние сознания людей. Сюда входят социальные установки, интересы, ориентации в сфере публично-правовых отношений.

В литературе выделяются два интегральных критерия – уровень профессионализма и степень мотивации.

Профессионализм – это высший уровень психофизических и личностных изменений специалиста, которые происходят в результате длительного

выполнения служебных обязанностей и обеспечивают эффективность решения управленческих задач.

Мотивация – побуждение чиновника к активной деятельности, вызванное стремлением к самореализации, удовлетворению определенных потребностей.

Таким образом, основным элементом подключения индивида к структурам государственной и муниципальной службы выступает профессиональная социализация – процесс осознания человеком своей профессиональной роли, места в социально-профессиональной структуре, выработки самосознания государственного служащего, включения в публично-правовые отношения. Данный процесс осуществляется прежде всего в системе непрерывного профессионального образования, в том числе переподготовки и повышения квалификации. Оценка уровня профессиональной социализации служащих – необходимое условие выработки адекватной концепции управления персоналом административного учреждения.

К сожалению, в настоящее время не уделяется должного внимания социологическому обеспечению государственной и муниципальной службы. Не обеспечивается эффективная обратная связь с управленческим процессом, которая способствует приобщению государственной и муниципальной службы к ценностям разнообразных групп населения, чтобы учитывать их интересы; создает атмосферу доверия со стороны общественности; сохраняет или изменяет имидж административного учреждения; усиливает заинтересованность служащих в делах организации.

Главной причиной не востребоваемости социологического потенциала в практике государственной и муниципальной службы является отсутствие конкурентной среды в сфере управления социальным процессом.

Подобная ситуация вообще выносит реальный объект управления – социум – за рамки интересов деятельности служащих. Последним грозит опасность превращения в замкнутую структуру с доминированием внутренних интересов и полным безразличием и некомпетентностью относительно интересов внешней социальной среды.

Изменение описанной ситуации связано с реальной демократизацией управления, с созданием альтернативных государственных и муниципальных структур общественного управления и самоуправления. В таких условиях государственная и муниципальная служба просто вынуждена будет бороться за «потребителя своих услуг», а следовательно, ориентироваться, изучать и отслеживать действительные интересы социальной среды, реальное положение объектов своей деятельности.

Определение государственной и муниципальной службы в качестве института социальных услуг выводится из системы внутренних ее институтов (рис. 1).

Реалии же сегодняшнего дня зачастую таковы, что различные структуры государственного и муниципального управления, производя управленческие акты, практически не ориентируются на действительное состояние своего объекта управления, т.е. на состояние той социальной среды, на которую эти акты направлены. Отсюда слабая эффективность, а порой и полная нереализуемость управленческих воздействий государственных структур.

Одним из необходимых «мостиков», который только и может создать отношение управления между учреждениями государственной и муници-

пальной службы и конкретной социальной средой, способно стать социологическое обеспечение, т.к. именно социология имеет в своем арсенале знания о закономерностях функционирования социальной среды и способы изучения процессов, происходящих в ней.

Рис. 1 Государственная (муниципальная) служба как система социальных институтов

Однако, по данным многочисленных исследований, социологическое обеспечение управленческой ситуации и органично связанной с ней ситуации с кадрами в регионах оценивается как не вполне удовлетворительное, общественные процессы во многом развиваются стихийно, кадры слабо подготовлены и мотивированы к осуществлению инновационной управленческой деятельности.

В нынешних социально-экономических условиях усложнение социальной структуры общества, появление различных гражданских движений и инициатив заставляет искать новые механизмы взаимоотношений государственных органов власти с населением и организациями, выражающими его интересы.

Развитие идет по двум направлениям: с одной стороны, предпринимаются усилия по повышению качества услуг, оказываемых населению государством, с другой – формируются новые механизмы вовлечения граждан в процесс принятия и реализации государственных решений. Это способствует

ет эффективному использованию ресурсов для решения социальных проблем, более точному определению приоритетов государственной политики в сфере социальной защиты населения.

Постепенно начинают формироваться новая культура и новый стиль работы государственных органов власти с ориентацией на запросы и нужды населения, отмечается повышение ответственности за распределение услуг и ресурсов. Оценка их деятельности зависит от уровня удовлетворения граждан государственными услугами, степени их доверия к государству и реальной возможности участвовать в разработке и принятии решений. Большое значение придается расширению консультативной и информационно-аналитической работы с общественными организациями и населением.

Проблема повышения эффективности управленческой деятельности в условиях формирования новых механизмов взаимоотношений с обществом ставит вопрос о кадровом укреплении аппарата властных структур, в том числе органов, учреждений и организаций социальной защиты населения, как на региональном, так и на местном уровне.

Качество социального обслуживания и защиты населения в значительной степени зависит от профессиональной компетенции специалистов, занятых в этой сфере. На новом этапе реформирования государства и общества требуется новая генерация служащих – поколение созидателей, ставящих главной целью своей деятельности достижение лучших условий жизнедеятельности людей, общего блага народа.

Стратегия кадровой политики в социальной защите определяется перспективами развития отрасли и зависит от степени социальной ориентированности государства, признания обществом высокой социальной стабильности и социальной защищенности [4, с. 24].

Основная цель государственной кадровой политики на ближайшую перспективу состоит в развитии системы управления кадровым потенциалом отрасли, позволяющей на основе рационального планирования подготовки и распределения кадров, использования мотивационных механизмов и методов социальной защиты работников обеспечить органы и учреждения социальной защиты населения персоналом, способным на высоком профессиональном уровне решать задачи качества социальной помощи населению, добиваться перспективного развития отрасли на принципах ресурсосбережения, технологического роста, духовного и нравственного совершенствования.

В основе реализации поставленных задач должны лежать выводы глубокого и всестороннего анализа кадрового состава и кадрового потенциала областной, городских и районных структур управления системой социальной защиты населения.

Сложность критериальной оценки степени соответствия кадров требованиям времени обусловлена не только трудностями методики выявления их реальных качеств, учета и анализа данных о составе кадров, но и существенной модификацией функции органов социальной защиты населения, а стало быть, и изменением практических требований к работе чиновников.

Важным организационным условием эффективности реализации таких кадровых технологий, как отбор, оценка (тестирование, квалификационный экзамен, аттестация и др.) и обучение персонала, а также работа с резервом, стажировка и ряд других, является повышение статуса кадровых служб в органах социальной защиты населения области.

В настоящее время возможности кадровых служб весьма ограничены, они даже не наделены рекомендательными полномочиями. Их статус принижен, они слабо влияют на качественный состав государственных служащих, муниципальных работников отрасли и фактически не влияют на рациональное использование профессиональных возможностей персонала.

При выявлении состояния и научно обоснованной оценке кадрового потенциала в системе социальной защиты населения, динамики его развития, скрытых резервов необходимо использование ряда новых подходов и методов.

Характеристика количественных и качественных параметров кадрового потенциала возможна на основе создания современной оперативной и прогностической информационной базы (статистической, социологической, социально-психологической и др.) о состоянии кадров, развитии кадровых процессов (в том числе социально-демографических, профессионально-квалификационных, карьерных и др.). К сожалению, эта база пока крайне ограничена, не выработаны единые основания для классификации и сравнительного анализа имеющейся информации, ее достоверности, полноты и правдивости.

При этом необходим учет синтеза количественных и качественных показателей, их взаимообусловленности. Выявить количество служащих (это оценка числа, величины) относительно легко, сложнее однозначно ответить на вопрос о их качественных характеристиках. Сбор такого рода информации, особенно в части получения качественных характеристик, затруднен и требует специальных исследований.

Анализ имеющихся кадровых документов работников системы социальной защиты населения Пензенской области охватил все группы должностей служащих (руководителей, их заместителей, специалистов), а также социальных работников, занятых в этой сфере на 1 января 2008 г.

Результаты свидетельствуют о достаточно высоком уровне образования работников отрасли (табл. 1). Однако структура базового образования по специальностям не вполне соответствует целям и задачам, которые стоят перед системой социальной защиты населения. Желательно поднять показатели образования по специальности «социальная работа» в учреждениях стационарного социального обслуживания и службах социальной помощи на уровне не менее 50 % от общей численности работающих.

Не выглядит эффективной и работа по повышению квалификации работников (табл. 2). Впрочем, как положительную тенденцию за последние годы можно отметить значительное обновление состава кадров в системе социальной защиты населения (табл. 3).

Приведенные в таблицах данные позволяют делать определенные выводы о кадровом потенциале органов управления. Однако этой информации явно недостаточно для глубокого и всестороннего анализа качественного состава работников отрасли, выработки конкретных рекомендаций по развитию кадрового потенциала, изучения позитивных и негативных тенденций в процессах формирования кадрового корпуса органов организаций и учреждений социальной защиты населения области в современных условиях.

Необходимость изучения многообразия аспектов функционирования и развития кадров порождает потребность в одновременном использовании многих методов, что составляет систему социологического мониторинга. Именно она позволяет получить достоверную комплексную информацию для

принятия кадровых решений, определения стратегии и тактики кадрового обеспечения, выработки программы профессионального развития служащих и других работников отрасли и их рационального использования.

Сущность социологического мониторинга дополняется оценкой обстановкой ситуации и процессов, сложившихся в кадровом корпусе системы социальной защиты, через личностно-психологические аспекты, через отношение к уровню профессионализма, через оценку доверия к власти и уровня нравственности государственных служащих и т.д. [5].

Таблица 1

Характеристика кадрового состава работников системы социальной защиты населения Пензенской области по образованию, в %

Категории органов организаций и учреждений социальной защиты населения	Образование									
	Высшее	Специальность				Среднее	Специальность			
		Юридическая	Экономическая	Социальная работа	Медицинская		Юридическая	Экономическая	Социальная работа	Медицинская
Аппарат Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Пензенской области	80,6	13,8	6,2	19,3	12,4	18,9	5,9	14,7	5,9	2,9
Аппарат районных и городских органов социальной защиты	47,6	3,2	24,8	27,4	1,3	41	6,7	46,8	5,2	3,7
Стационарные учреждения социального обслуживания	23,2	5,5	9,1	33,8	31,1	67,7	0,5	8,7	10,2	61,1
Службы социальной помощи	42,1	2,4	12,5	36,1	1,4	42,3	3,3	21,1	16,3	14,4

Таблица 2

Повышение квалификации работников системы социальной защиты населения Пензенской области

Категории органов и организаций и учреждений социальной защиты населения	Обучаются на заочном (вечернем) отделении в вузе, техникуме	Прошли повышение квалификации, в том числе на курсах
Аппарат Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Пензенской области	6,6	1,6
Аппарат районных и городских органов социальной защиты	19,6	10,1
Стационарные учреждения социального обслуживания	4	5,8
Службы социальной помощи	10,3	2,4

В анализе кадровых процессов следует учитывать, что существуют два типа методики социологических исследований. Первый тип (предметный) ориентирован на выявление объективных свойств объекта (в данном случае – кадрового корпуса); второй (проблемный) – на выявление проблем, с которыми сталкиваются работники в своей деятельности.

Для первого типа характерны исходные концептуальные схемы. Он ориентирован на использование формальных отношений. Второй принципиально отрицает ценность таких схем и избегает формальных описаний. Первый широко использует количественные методы анализа и весь арсенал традиционных средств описания объекта, созданных в социологии и других науках. Второй опирается в основном на данные интервью и результаты имитационных игр.

Таблица 3

Возрастная характеристика кадрового состава
системы социальной защиты населения, в %

Категории органов и организаций и учреждений социальной защиты населения	Возраст		
	до 30 лет	женщины от 30 до 55 лет; мужчины от 30 до 60 лет	Женщины 55 лет и старше; мужчины 60 лет и старше
Аппарат Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Пензенской области	14,1	53,7	32,2
Аппарат районных и городских органов социальной защиты	32,9	64,5	2,6
Стационарные учреждения социального обслуживания	19,5	74,4	6,1
Службы социальной помощи	16,2	72,5	11,3

Существует целый ряд специфических методов сбора психолого-социологической информации: тест-опросник Р. Кэттела, предназначенный для диагностики характерологических особенностей личности; проективная методика М. Люшера, используемая прежде всего для диагностики скрытых диспозиций, психических состояний личности; социологическая анкета, направленная в первую очередь на диагностику отношений, установок, ценностных ориентаций служащего и т.д. Социологический мониторинг позволит также вскрыть и показать зависимость кадровых процессов от протекающих в обществе социальных процессов, выработать в соответствии с этим проекты решений, направленные на их совершенствование и рациональное использование.

Таким образом, социологический кадровый мониторинг – это весьма эффективная и достоверная основа анализа состояния и прогнозирования развития кадров, поиска путей их наиболее рационального использования. Он служит инструментом повышения эффективности государственной (муниципальной) службы (выяснения качественного соответствия государственных, муниципальных служащих и других работников отрасли профессионально-квалификационным требованиям, выявления этапов, сроков и форм их профессионального продвижения, повышения их квалификации, подго-

товки и переподготовки) с целью совершенствования организационного обеспечения управления системой социальной защиты населения региона.

Список литературы

1. **Бойков, В. Э.** Государственная служба: взгляд изнутри и извне / В. Э. Бойков // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 85–91.
2. **Дмитриев, М. Э.** Финансовый кризис и социальная защита / М. Э. Дмитриев // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 16–31.
3. **Жильцов, Е. Н.** Теоретические основы социальной политики государства: содержание и пути реализации / Е. Н. Жильцов, А. М. Бабич // Социальная политика и рынок труда: вопросы теории и практики (учебно-методические разработки). – М. : РАГС, 2006. – С. 38.
4. **Зинченко, Г. П.** Госслужащие региона: состав и социальные особенности / Г. П. Зинченко // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 25–33.
5. **Наумов, С. Ю.** Социальный статус государственного служащего / С. Ю. Наумов, Е. В. Масленникова, О. И. Марченко. – Саратов, 2005. – С. 148.

Козина Екатерина Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии
и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

Kozina Ekaterina Sergeevna

Candidate of sociological sciences,
sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

УДК 316

Козина, Е. С.

Государственная (муниципальная) служба в организационном обеспечении управления системой социальной защиты населения региона / Е. С. Козина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 13–22.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2005–2008 гг. в ряде военных училищ России. Проанализированы нарушения воинской дисциплины и девиантное поведение курсантов военных вузов. По результатам исследования предложены возможные пути профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, социологический опрос, курсанты, воровство, пререкания, спиртные напитки.

Abstract. The article represents the results of sociological research conducted in 2005–2008 at Russian military training schools. The statistics of military discipline violations and types of the cadets' deviant activities were analyzed. On the base of the investigation results general conclusions were drawn and possible ways of prophylaxis of deviant activities were designated.

Keywords: deviant activities, interview, cades, thievery, cross-talk, strong drinks, absence without leave, hazing.

Как правило, протекание всех без исключения процессов в нашем обществе проецируется на сферу вооруженных сил. На современном этапе негативные тенденции в обществе и армии развиваются параллельно. Преступность сегодня пронизывает все социальные сферы, в том числе и Вооруженные силы РФ. Научная и общественная значимость исследования причин и способов коррекции социальных девиаций военнослужащих обусловлена потребностью Вооруженных сил РФ в поддержании воинской дисциплины на необходимом для обеспечения безопасности страны уровне.

В научной литературе основные положения девиантологии достаточно хорошо разработаны. Вопросам профилактики девиантного поведения также уделяется достаточное внимание. Большой вклад в это направление внесли Ю. И. Бытко, Я. И. Гишинский, А. И. Ковалёва, Ж. Т. Тощенко [4] и др. Отдельное направление научных исследований – девиантное поведение военнослужащих. Оно достаточно глубоко разработано в трудах О. В. Анашкина, С. Ворошилова, А. Ю. Солнышкова [5–7] и др. Однако в большинстве работ исследуются крайние формы девиантности военнослужащих: наркомания, «дедовщина», воинская преступность, алкоголизация и др.

Данные о состоянии преступности в Вооруженных силах РФ за последнее десятилетие свидетельствуют о нарастании негативных тенденций в ее структуре и динамике. Кривая преступлений в войсках неуклонно идет вверх: в 2007 г. зафиксировано 19 965, а 2008 г. – 20 425 преступлений [8]. Не может не настораживать факт, что каждое седьмое преступление в армии совершается офицерами. От безотлагательного решения данной проблемы зависит состояние боевой готовности частей и подразделений.

Чаще всего преступления являются следствием общей неблагоприятной атмосферы в воинских подразделениях, в том числе и в курсантских. Например, анализ правонарушений в 2005–2008 гг. в ряде военных училищ показал, что в среднем за год на 125 дисциплинарных и 22 грубых дисциплинарных проступка приходится одно–два преступления. При этом границы между пре-

ступлениями и дисциплинарными проступками военнослужащих очень подвижны, формальны и даже условны [9, 10].

Увеличение девиантности в курсантских подразделениях приводит не только к ухудшению криминогенной ситуации в военном вузе и падению воинской дисциплины, но и к возрастанию масштабов отчисления курсантов за недисциплинированность, что, в свою очередь, приводит к большим материальным затратам со стороны государства. Затраты на подготовку специалистов в высших военных учебных заведениях в несколько раз превышают расходы на подготовку гражданских специалистов по аналогичным специальностям. В этой связи государство несет значительные материальные убытки, связанные с нарушением курсантами обязательства проходить военную службу в течение установленного контрактом срока.

В курсантские подразделения все чаще приходят молодые люди, уже имеющие негативные привычки, взгляды, наклонности; участники неформальных молодежных объединений не всегда положительной направленности, что требует проведения в отношении них безотлагательных мер профилактики девиантного поведения в процессе обучения.

Известно, что лучше девиантный проступок предотвратить, чем впоследствии наказывать за него. Тем более важно не допускать превращения в преступника будущего офицера – квалифицированного специалиста, воспитателя солдат и защитника Отечества.

В этих условиях ранняя профилактика девиантного поведения курсантов военных учебных заведений приобретает исключительную актуальность.

Результаты проведенных нами социологических исследований свидетельствуют, что среди грубых дисциплинарных проступков доминируют употребление спиртных напитков (64 %), неуставные взаимоотношения (17 %), самовольные отлучки (15 %). Меньшее число грубых нарушений воинской дисциплины связано с нарушением несения внутренней службы (менее 1 %).

Но официальная статистика часто не дает полной картины девиантности в курсантской среде. Это объясняется тем, что в данные отчеты попадают только определенные нарушения, установленные приказом министра обороны.

Для выявления наиболее часто встречающихся форм девиантного поведения у курсантов был проведен экспертный опрос офицеров нескольких военных вузов городов России. В опросе участвовали 58 офицеров. Они выделили такие формы девиантного поведения, как пререкания с командирами, употребление спиртных напитков, мелкое воровство, словесное оскорбление сослуживцев, физическое оскорбление, самовольные отлучки на несколько часов (рис. 1).

Сопоставление результатов экспертного опроса офицеров и статистических данных грубых дисциплинарных проступков в 2005–2008 гг. показывает, что девиантные проступки, отмеченные официальной статистикой, являются не самыми распространенными в курсантской среде.

Рассмотрим подробнее выделенные формы девиантного поведения курсантов.

Совместное проживание в одном казарменном помещении, где личные вещи находятся в плохо охраняемых местах (лица суточного наряда, как правило, находятся не в спальном помещении), приводит к такому явлению, как казарменное воровство. Анкетный опрос в одном из военных вузов показал, что 70–80 % курсантов никогда ничего чужого без разрешения не брали.

И только 20–30 % отметили, что брали мелкие чужие вещи (обувной крем, канцелярские принадлежности, фурнитуру и т.п.), но только в случае острой необходимости. Эти результаты показались неубедительными. Поэтому вопрос был задан иначе, он касался пропажи личных вещей. Оказалось, что у 50 % курсантов пропадали мелкие вещи, а у 20 % – дорогие (телефоны, плееры и т.п.). Почти у каждого второго курсанта 5-го курса пропадали дорогие вещи на протяжении всего периода пребывания в вузе. Это доказывает, что мелкое воровство в курсантских подразделениях – довольно распространенное явление. Однако, понимая неправомерность своих действий, курсанты даже в анонимном анкетировании стараются данные факты скрывать.

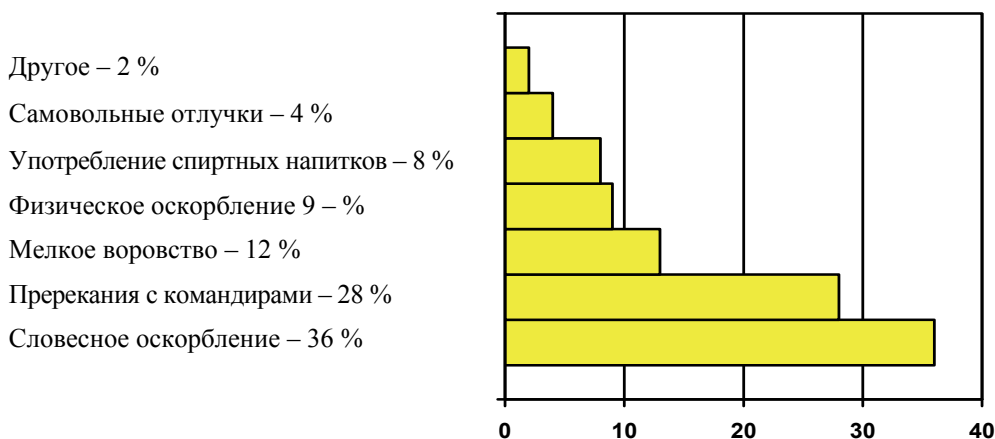

Рис. 1 Основные формы девиантного поведения курсантов, $N = 58$
(в процентах к опрошенным)

Другой наиболее опасной формой девиантного поведения в курсантских коллективах являются неуставные взаимоотношения – это моральное (словесное) и физическое воздействие, как правило, отдельных военнослужащих на некоторых сослуживцев в целях достижения для себя определенных привилегий, «казарменного комфорта», что противоречит нормативно-правовой базе военной службы.

Нарушение уставных правил взаимоотношений является наиболее острой проблемой, подрывающей боевую готовность и воинскую дисциплину. Подобные нарушения оказывают отрицательное воздействие на морально-психологическое состояние личного состава и причиняют вред физическому и психическому здоровью курсантов. Объектом психологических и физических нападков часто становятся курсанты с недостаточно сформированными волевыми качествами, слабые в физическом отношении, занимающие более низкое положение в неформальной иерархии.

Чаще всего неуставные взаимоотношения представляют собой совокупность таких связей между военнослужащими подразделения, в основе которых лежат нездоровые нравственно-психологические зависимости. Эти связи формируются в условиях стихийного расслоения коллектива на различные микрогруппы, отличающиеся по направленности, активности и составу.

Основными формами неуставных взаимоотношений между военнослужащими выступают моральное и физическое давление на сослуживцев, словесные оскорбления, угрозы, нарушение дисциплинарной практики начальниками в отношении подчиненных и др.

Формы проявления физического оскорбления в курсантских подразделениях несколько отличаются от солдатских. Большинство опрошенных даже не согласны с формулировкой «физическое оскорбление». По их мнению, это дружеская игра, выплескивание лишней юношеской энергии. Только 30–40 % курсантов (в зависимости от курса обучения) ответили, что никогда и ни к кому не применяли физического воздействия. Остальные же использовали толчки, пинки и пр., но, как им кажется, шутя, иногда для ускорения какого-нибудь дела. Хотя, как показывает практика, большинство драк начинается именно с дружеских толчков и пинков.

Профилактическая деятельность по искоренению словесных оскорблений и сквернословия значительно осложнена как публичным использованием ненормативной лексики многими известными певцами, артистами, политическими деятелями, так и появлением на книжных прилавках и в библиотеках произведений, изобилующих нецензурными выражениями, словарей жаргона, блатного языка, рекламой этих материалов в СМИ и сети Интернет. Общественные деятели безуспешно призывают прекратить употребление нецензурных выражений как в устной, так и в письменной речи.

Особенно тяжелое положение с использованием ненормативной лексики сложилось в воинских подразделениях. Только 7 % опрошенных курсантов сказали, что они никогда не выражаются нецензурно; 59 % позволяют себе так обращаться к своим товарищам, но считают эти выражения беззлобными. А 34 % курсантов, согласно данным опроса, выражаются нецензурно, но не в отношении кого бы то ни было, а для связи слов, в связи со скудностью словарного запаса. Как показывает практика, иногда даже в шутку сказанное крепкое словцо часто становится причиной возникновения неуставных взаимоотношений, драк.

Острой социальной проблемой в процессе укрепления воинской дисциплины становятся факты употребления спиртных напитков, которые являются одним из основных факторов риска для здоровья личного состава и боеготовности подразделения.

Несмотря на меры, принимаемые командованием в этом направлении, вплоть до отчисления нарушителя, анкетирование показало, что данное явление имеет глубокие корни в курсантской среде. Только около 20 % курсантов ответили, что никогда не употребляли спиртных напитков; 70–80 % курсантов употребляли спиртное в отпуске. От 5 до 10 % опрошенных допускали его употребление даже в увольнении, не боясь быть обнаруженными при возвращении в подразделение в состоянии опьянения.

Одной из причин употребления спиртного 10 % опрошенных считают стремление прославиться среди однокурсников, 24 % стыдятся отказаться от предложения выпить в компании, особенно в присутствии девушек. Таким образом, большинство случаев употребления спиртных напитков в курсантской среде связано с бравадой, желанием поднять свой авторитет в глазах товарищей. А 15 % опрошенных считают, что некоторые сознательно употребляют спиртные напитки, желая, чтобы их отчислили из вуза. Ответы боль-

шинства опрошенных (51 %) свидетельствуют о наличии у них в связи с разными причинами тяги к алкоголю.

Тяга к алкоголю, отмеченная 51 % опрошенных, объясняется рядом причин: во-первых, социально обусловленными нездоровыми обычаями и традициями, терпимостью к алкоголю в обществе (64 %); во-вторых, психологическим желанием достичь эйфории, психологического комфорта, разрешения или смягчения конфликтных ситуаций, снять эмоциональное или физическое напряжение или облегчить межличностное общение (27 %); в-третьих, биологически обусловленным стремлением скорректировать невроз, локализовать или снять дискомфортное состояние (6 %).

Следует учитывать и наличие субъективных причин употребления спиртных напитков: аномалии личности (наследственные, психологические); образ жизни до поступления в вуз; неудовлетворенность учебной или социальной статусом; низкий уровень культурного и социально-нравственного развития личности. Особую группу риска составляют люди со слабой волей, эмоционально инфантильные, душевно ранимые, не желающие бороться с трудностями.

Употребление спиртных напитков, как правило, не находит осуждения в курсантской среде. Только 15 % относятся к данному явлению отрицательно.

Еще одна из форм девиантного поведения курсантов вуза – это самовольная отлучка. В отличие от воинских частей, где солдаты по различным причинам убегают на несколько дней или даже месяцев, курсанты уходят за пределы военного училища на непродолжительное время (до 1–2 ч). Основными причинами данного проступка, как правило, являются встреча с девушкой или убытие домой (для курсантов, чьи родственники проживают в этом городе). Около 60 % опрошенных курсантов совершали самовольные отлучки. Кстати, в курсантской среде это явление также не считается отрицательным: 90 % курсантов или терпимо относятся к самовольным отлучкам, или даже поощряют их, если видят уважительную причину.

Хотя Дисциплинарный устав гласит, что любой приказ начальника должен быть выполнен «беспрекословно, точно и в срок», на практике дело обстоит немного по-другому. Анализ результатов исследования показывает, что пререкания с командирами (сержантами и офицерами) – достаточно распространенное явление. Как отмечают опрошенные офицеры, такое положение дел опасно для воинского подразделения. 90 % опрошенных курсантов допускают пререкания с начальниками различных рангов, оправдывая это тем, что последние дают распоряжения, не соответствующие реальному положению дел. Данное явление в основном распространено на старших курсах, когда грань между курсантом и сержантом, прожившими рядом несколько лет, размывается. Главной причиной пререканий, обсуждений решений командиров в некоторых подразделениях, на наш взгляд, являются слабые командные навыки сержантов и в некоторых случаях даже молодых офицеров. Такая атмосфера в воинских коллективах недопустима и может дорого обойтись при выполнении подразделениями боевой задачи.

Таким образом, проведенное исследование позволило объективно оценить сложившуюся ситуацию в военных вузах и составить портрет среднестатистического курсанта – нарушителя воинской дисциплины. Можно сказать, что это курсант 2–3-го года обучения, который допускает пререкания со своими командирами, а также нетактичное обращение к ним. Этот молодой

человек подвижен, энергичен, поэтому может в неформальной обстановке дать волю своим рукам. Данный курсант употребляет спиртные напитки (пиво, слабоалкогольные коктейли), но в основном в отпуске. Он может легко взять чужую вещь, особенно при острой нужде и плохом присмотре. Культурный уровень его также не высок. При обращении к товарищам он позволяет себе выражаться нецензурно, не контролируя себя, может в разговоре использовать ненормативную лексику.

Проведенный анализ данных социологического исследования позволяет также сделать следующие выводы о девиантном поведении в курсантской среде:

- несмотря на распространенные в курсантских подразделениях случаи воровства, многие курсанты понимают пагубность данного явления (51 %), в то же время у другой половины опрошенных, к сожалению, пока не выработалось отрицательное отношение к присвоению чужой вещи;

- крайнюю озабоченность вызывает тот факт, что 95 % курсантов выразили положительное отношение к употреблению спиртных напитков;

- не может не тревожить тот факт, что практически все курсанты высказывают положительное отношение к пререканиям со старшим начальником, мотивируя это тем, что он отдает неправильные приказы и распоряжения;

- большинство опрошенных понимают опасность физического и словесного оскорбления сослуживцев (41–55 %), хотя еще достаточно велико количество тех, кто в определенных условиях может унижить своего товарища (25–30 %).

Данные показатели необходимо учитывать командирам курсантских подразделений, офицерам воспитательных структур при разработке мер профилактического характера. Им также следует больше внимания уделять мелким нарушениям воинской дисциплины, учитывая их социальную опасность.

Проведенные исследования позволили определить основные направления профилактики девиантного поведения курсантов:

- воспитание у курсантов высоких морально-психологических и боевых качеств и сознательного повиновения командирам (начальникам);

- поддержание в военном вузе и в каждом подразделении внутреннего порядка, строгое соблюдение распорядка дня всеми курсантами;

- личная ответственность каждого курсанта за выполнение своих обязанностей и требований воинских уставов;

- четкая организация учебного процесса;

- повседневная требовательность командиров к подчиненным и контроль за их исполнительностью, уважение личного достоинства военнослужащих и постоянная забота о них, умелое сочетание и правильное применение мер убеждения, принуждения и общественного воздействия коллектива;

- создание в военном вузе и каждом подразделении необходимых материально-бытовых условий.

Список литературы

1. **Бытко, Ю. И.** Девиантное поведение подростков / Ю. И. Бытко // Социологические исследования. – 1988. – № 4.
2. **Гилинский, Я.** Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004. – 210 с.

3. **Ковалёва, А. И.** Концепция социализации молодежи: нормы и отклонения, социализационная трансформация / А. И. Ковалёва // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 99–115.
4. **Тощенко, Ж. Т.** Социология: общий курс : учебное пособие для студентов вузов / Ж. Т. Тощенко. – 3-е изд. – М. : Прометей ; Юрайт, 2005. – 640 с.
5. **Анашкин, О. В.** Организация, методика и практика воспитательной работы должностных лиц подразделения с личным составом, требующим повышенного психолого-педагогического внимания / О. В. Анашкин // Ориентир. – 2002. – № 9. – С. 47–50.
6. **Ворошилов, С.** Военная девиантология / С. Ворошилов, Я. Гишинский // Российский журнал. – 1995. – № 3.
7. **Солнышков, А. Ю.** Дедовщина: тип отношения к «значимому другому» / А. Ю. Солнышков // Социологические исследования. – 2004. – № 6.
8. **Литовкин, В.** Армия становится «зоной особого риска» / В. Литовкин // Независимое военное обозрение. – 2009. – № 4.
9. Введение в прикладную военную социологию : учебно-методическое пособие / под общ. ред. Н. И. Резника. – М. : ВУ, 2006. – Ч. 1. – 182 с.
10. Введение в прикладную военную социологию : учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. Н. Бусловского. – М. : ВУ, 2008. – Ч. 2. – 194 с.

Поляков Роман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Пензенский артиллерийский
инженерный институт

Polyakov Roman Yurievich

Candidate of historical sciences,
associate professor,
head of sub-department of humanities
and social-economical disciplines,
Penza Artillery Engineering Institute

E-mail: r_pol@mail.ru

УДК 355.133.4

Поляков, Р. Ю.

Девиантное поведение курсантов военных вузов / Р. Ю. Поляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 23–29.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ¹

Аннотация. В статье рассматривается влияние социально-экономических условий на жизненные стратегии сельских жителей. На основе проведенных социологических исследований анализируется структура жизненных ценностей жителей сел Пензенской области.

Ключевые слова: социально-экономические условия, жизненные стратегии.

Abstract. In article is considered influence socio-economic conditions on vital strategy of countrymen. On the basis of the sociological researches is analyzed the structure of vital values of country people in Penza region.

Keywords: socio-economic conditions, vital strategy.

Происходящие в стране экономические и политические преобразования оказывают серьезное влияние на трансформацию ценностных ориентаций, изменение системы социальных, экономических и политических ценностей населения. Выявление жизненных стратегий и жизненных планов приобретает сегодня особую актуальность, которая связана как с повышенным динамизмом сегодняшних социальных процессов, так и с их содержанием. Исследование жизненных стратегий населения является необходимым для осмысления новых моделей поведения и типов идентификации личности с целью управления социальными процессами в регионе.

Жизненные стратегии представляют собой социально обусловленные системы ориентирования личности на долговременную перспективу. Стратегия жизни, на наш взгляд, есть динамическая, саморегулирующаяся система представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Она предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу. Выбор стратегии жизни и ее построение реализуются на основе осознания личностью рациональных и нерациональных оснований собственной жизни, ее движущих источников и причин. Смена жизненных стратегий является сложным процессом, и далеко не каждый человек способен отказаться от прежних перспектив жизни, стать на путь нового самоопределения. Однако к этому его подталкивают не только внешние обстоятельства, например сокращение доходов или потеря места работы, но и постоянно растущая неудовлетворенность жизнью, состояние психологического дискомфорта, связанное утратой идеалов и изменением ценностей.

Общепризнано, что современное российское общество характеризуется бедностью и глубоким расслоением [1–4]. Проведенное с участием авторов при финансовой поддержке РГНФ в 2008 г. социологическое исследование

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Влияние социокультурных ценностей на жизненные стратегии трудоспособного населения Пензенской области в изменяющихся социально-экономических условиях России», проект № 08-03-28301 а/В.

подтвердило, что в условиях трансформации российского общества сельские жители испытывают значительные трудности. 32,3 % респондентов отметили, что денег хватает только на приобретение продуктов питания; 38,6 % указали, что денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать, а около 10 % заявили, что денег не хватает даже на приобретение продуктов питания и постоянно приходится влезать в долги. Таким образом, свыше 70 % населения живут либо в нищете, либо удовлетворяют только повседневные потребности и лишь 3,5 % могут ни в чем себе не отказывать [5, с. 155].

Факторы бедности и расслоения общества, безусловно, оказывают сильное влияние на массовое сознание и мотивацию поведения сельских жителей. Для большинства сельчан характерна неуверенность в будущем, опасения в отношении жизненных перспектив для себя и своих детей.

На вопрос «*Что больше всего тревожит Вас в современной жизни?*» 33 % респондентов ответили «неуверенность в завтрашнем дне»; 29 % – «будущее детей»; 7 % – «отсутствие возможности у их детей получить образование»; 10 % – «отсутствие хороших жизненных перспектив лично для себя». Данные распределения ответов представлены на рис. 1.

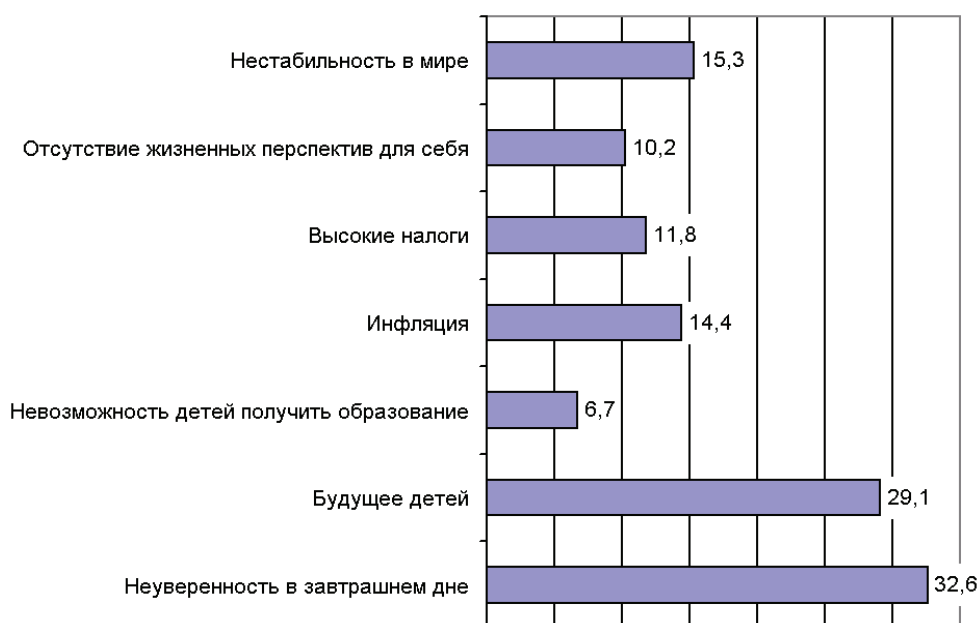

Рис. 1 Распределение ответов на вопрос «*Что больше всего тревожит Вас в современной жизни?*» (в % от числа опрошенных), $N = 313$

Примечание: ответы на этот вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

Исследование показало, что сельское население практически избавляется от патернализма. В своих жизненных стратегиях сельчане надеются только на себя, своих родственников и близких друзей. Несмотря на то, что исследование выявило ухудшение материального благополучия за последние год–два (это отметили 36,4 % респондентов, при этом 59 % сельчан не имеют сбереже-

ний), при решении своих проблем сельские жители рассчитывают на себя (57,5 %) либо на помощь родных, знакомых, друзей (31,6 %) [5, с. 156]. Кроме того, при ответе на вопрос «Что, с Вашей точки зрения, необходимо человеку, чтобы добиться успеха в жизни?» 25 % опрошенных отметили необходимость упорно трудиться. Таким образом, основной адаптационной стратегией сельских жителей выступает упорный труд и надежда на собственные силы. Именно этим, по-видимому, определяется и высокая значимость здоровья в структуре ценностей сельского населения. И мужчины, и женщины считают крепкое здоровье главным фактором благополучной жизни (40,2 и 42,6 % соответственно).

На вопрос «Что, по Вашему мнению, важнее всего для благополучной жизни?» 41,8 % респондентов отметили здоровье. Одна треть опрошенных считают, что для благополучия необходима хорошо оплачиваемая работа. 21,4 % сельских жителей выделили семью, родственников и друзей как необходимое условие благополучной жизни, 18,2 % опрошенных отметили стабильное социально-экономическое развитие России и Пензенской области. Данные распределения ответов представлены на рис. 2.

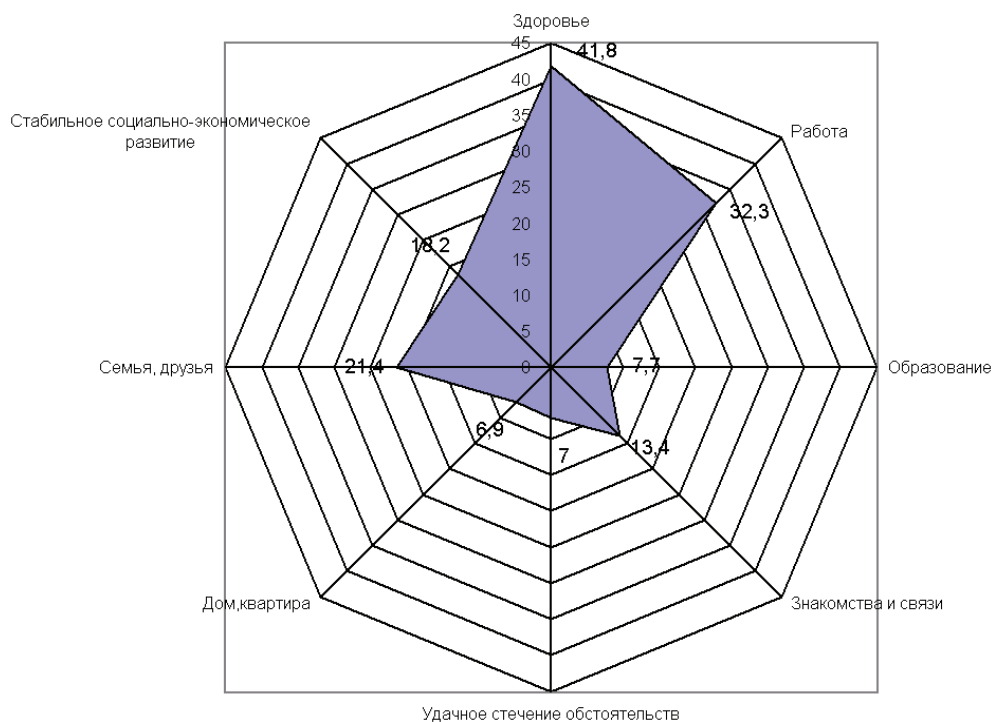

Рис. 2 Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, важнее всего для благополучной жизни?» (в % от числа опрошенных), $N = 313$

Примечание: Ответы на этот вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

Заслуживает внимания тот факт, что сельские жители не связывают будущее с работой на своей земле. В качестве фактора, способствующего благополучию, работу на собственной земле отметили всего лишь 3 % респон-

дентов. Ситуация на селе складывается таким образом, что наличие в собственности земельных паев, по мнению большинства опрошенных (35,1 %), никак не влияет на материальное положение сельчан (рис. 3). В качестве одного из проявлений несправедливости 8,9 % респондентов отметили также невозможность использовать и получать прибыль со своего земельного пая [5, с. 156].

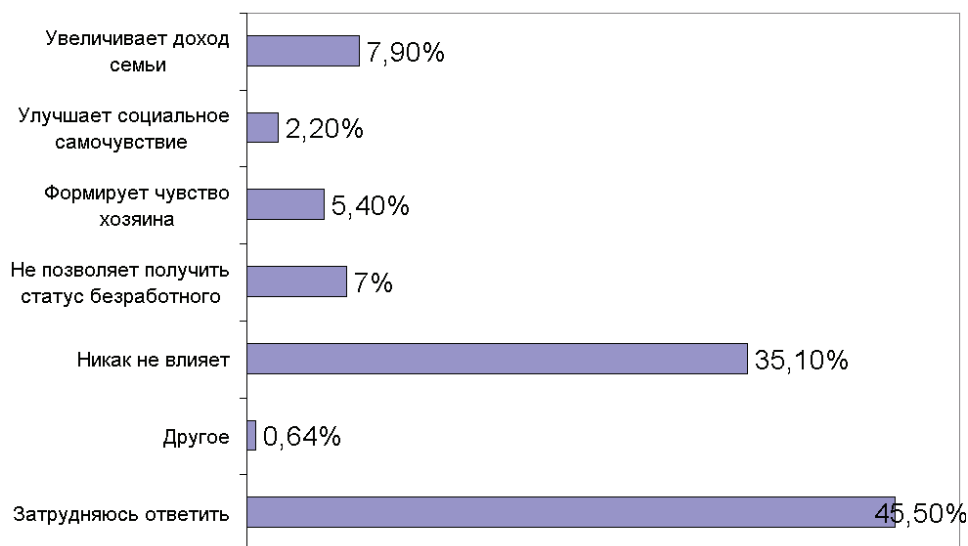

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какое влияние на положение жителей оказывает наличие в их собственности земельных паев?» (в % от числа опрошенных), $N = 313$

Надежды на преодоление трудностей респонденты связывают с различными факторами (рис. 4). Главными из них, по мнению опрошенных, являются нужные знакомства (31,2 %) и упорный труд (25,2 %). Вполне объяснимо, что для преобладающей части населения в сегодняшней непростой социально-экономической ситуации большое значение имеет работа: это основной источник материального благополучия и возможности реализовывать свои интересы во всех других сферах.

Как показало проведенное исследование, часть сельских жителей выбирает в качестве жизненной стратегии предпринимательство. В Пензенской области функционирует около 8,7 тыс. малых предприятий; предпринимателей без образования юридического лица зарегистрировано в целом по области более 30 тыс. человек.

Более половины опрошенных (60,1 %) считают, что год назад жилось так же, как сейчас, 21,1 % отметили, что жилось хуже, а 18,8 % – лучше. По вопросу о прогнозе жизни в следующем году 59,5 % указали, что им трудно представить будущее, 15,3 % респондентов выразили надежду, что в следующем году они будут жить так же, без существенных перемен.

С точки зрения 43,3 % опрошенных, за последние год–два не произошло существенного изменения благополучия сельских жителей. 20,8 % опрошенных отметили незначительное улучшение жизни, 18,8 % респондентов указали на ухудшение материального положения (табл. 1).

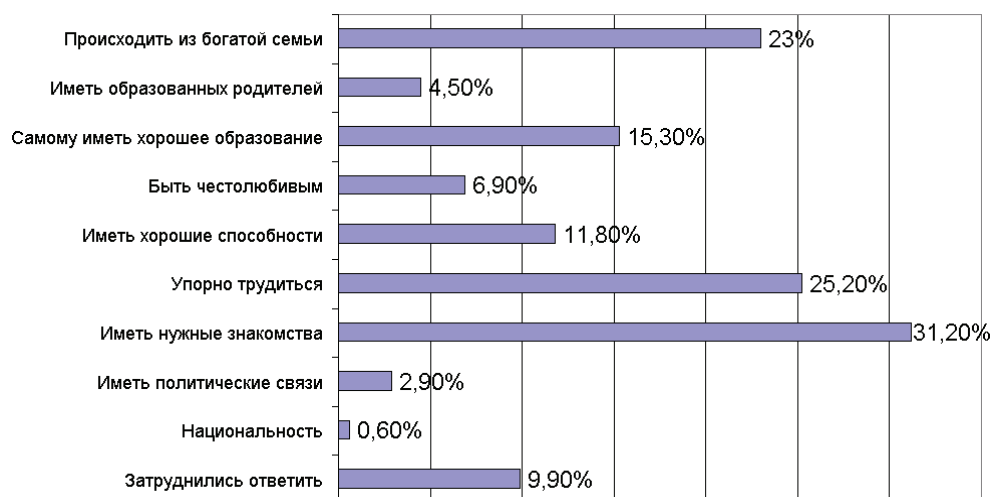

Рис. 4 Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо, чтобы добиться успеха в жизни?» (в % от числа опрошенных), N = 313

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие важные изменения Вашего благополучия произошли за последние год–два?» (в % от числа опрошенных), N = 313

Вариант ответа	Процент
Материальное благополучие заметно улучшилось	5,4
Произошли некоторые незначительные улучшения жизни	20,8
Ничего существенным образом не изменилось	43,8
Произошло некоторое ухудшение материального положения	18,8
Материальное благополучие значительно ухудшилось	17,6

Вместе с тем ответы на вопрос «Какое чувство Вы испытываете, когда думаете о своем будущем?» свидетельствуют о весьма высоком уровне оптимизма у сельских жителей: 39 % опрошенных уверены в завтрашнем дне, хотя в то же время 45 % респондентов испытывают опасения и страх при мыслях о будущем. Наибольший оптимизм характерен для возрастной группы 18–30 лет (48 %), наименьший – для людей в возрасте старше 60 лет (26,6 %) [5, с. 158].

Несмотря на все трудности, более чем у половины опрошенных наблюдается позитивное отношение к современной социально-экономической ситуации, отдельные категории населения отмечают некоторые улучшения в своей жизни. Так, 64,2 % респондентов указывают, что по сравнению с 2000 г. уровень и качество их жизни несколько улучшились, у 11,4 % респондентов уровень жизни сохранился на прежнем уровне, у 6,4 % – ухудшился. 67,1 % сельского населения оценивают свою жизнь удовлетворительно, указывая при этом, что «приходится работать изо всех сил». Это свидетельствует о росте толерантности сельских жителей и, как следствие, повышении уровня социальной адаптации. Не случайно, что свыше 18 % сельчан важнейшим фактором благополучной жизни считают стабильное социально-экономическое развитие России, Пензенской области [5, с. 161].

Опрос индивидуальных предпринимателей показал, что 40,7 % респондентов считают, что для того, чтобы сделать свою жизнь успешной, им необходимо хорошее образование; 38,4 % респондентов выделили деньги как недостающий для полного успеха элемент; 3,9 % респондентов предложили другие варианты (здоровье, воля и интеллект, стабильность) [6, с. 17].

Тот факт, что 38,4 % опрошенных малых предпринимателей недостающим элементом для полного успеха в жизни выделили деньги, говорит о том, что они для большинства предпринимателей являются одной из основополагающих ценностей. Такова экономическая специфика предпринимательства. Тем не менее социологические исследования показывают, что все более важную роль начинают играть мотивы независимости и самовыражения. Денежный доход для таких предпринимателей выступает не в качестве самоцели, а как символ успеха, свободы, распоряжения, возможности для творческого самовыражения [7].

Таким образом, в настоящее время характерными чертами сельского социума являются: отставание в инженерном обустройстве и технико-технологической оснащенности, ослабление материально-технической и кадровой базы, обнищание широких масс населения, безработица, снижение доступности образования и качественной медицинской помощи, депопуляция сельских жителей, ухудшение отношений между людьми, доминирование чувства неуверенности в своем будущем и будущем своих детей. Распад социокультурной сферы наряду с ухудшением условий существования сельского населения выступает мощным фактором депопуляции и вырождения деревни. Негативные социально-демографические процессы приводят к обесцениванию установки на расширенное воспроизводство семьи, авторитета детности; к распаду цивилизационных ценностей, присущих традиционной крестьянской культуре российской деревни.

Результаты проведенных социологических исследований жизненных стратегий жителей сельских районов Пензенской области подтвердили общероссийскую тенденцию доминирования на селе жизненных стратегий выживания, а в настроениях селян – беспокойства за свое будущее и будущее своих детей.

Однако, несмотря на доминирование на селе стратегии выживания, в последнее время в настроениях сельских жителей начинает проследиваться определенный оптимизм, порождаемый, во-первых, возрождением веры в собственные силы; во-вторых, надеждой на то, что общество и государство окажут необходимую помощь в трудные времена. Об уверенности сельчан в своих силах говорит развитие на селе самозанятости и семейных хозяйств, а о содействии государства – принятые в последние годы законодательные акты, такие как Федеральный закон № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления», а также национальные проекты по образованию, здравоохранению, доступному жилью, развитию села.

Ведущую позицию в жизненных стратегиях сельских жителей начинают занимать деньги, которые в отношениях между людьми вытесняют традиционные нравственные ценности (бескорыстие, доверие, взаимопомощь, солидарность и т.п.). Кроме того, в общественном сознании снизилась ценность труда и ухудшилась морально-психологическая атмосфера в обществе. В то же время происходит перенацеливание жизненных ориентиров на семью и детей. Важной ценностью становится собственное здоровье и здоровье близких, любовь, счастье и согласие в семье.

Приоритет опоры на собственные силы, который следует из ответов респондентов, подтверждается также и анализом статистических данных социально-экономических условий жизни сельского населения Пензенской области. Для обеспечения необходимых социально-экономических условий перехода от жизненной стратегии выживания к стратегиям жизнеобеспечения, жизнестроительства и жизнетворчества, адекватным более высокому уровню развития общества, село нуждается, прежде всего, в создании хорошо оплачиваемых рабочих мест, в принятии мер по материальной поддержке молодых семей, их заинтересованности в рождении детей и возрождении сел, в отлаженной системе профессиональной подготовки кадров.

Среди проблем, наиболее волнующих сельских жителей, отмечаются нестабильность в обществе, неуверенность в завтрашнем дне, безработица, инфляция и некоторые другие.

Таким образом, полученный в ходе исследования эмпирический материал свидетельствует, что семейное хозяйство, сельскохозяйственная кооперация, развитие семейных, родственных, соседских, общественных связей и отношений, продуманная правительственная аграрная политика – все это становится важнейшим источником обеспечения жизнеспособности села, достижения гармонии между экономической эффективностью и социальной справедливостью и содействует формированию жизненных стратегий сельских жителей более высокого уровня.

Список литературы

1. Человеческий капитал современного российского села (взаимодействие бизнеса, власти по его сохранению и развитию) // под ред. З. Т. Голенковой, А. А. Хагурова. – М. : Краснодар, 2006
2. **Великий, П. П.** Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования / П. П. Великий. – 2007. – № 7. – С. 60–66
3. **Пациорковский, В. В.** Сельская Россия: проблемы и перспективы / В. В. Пациорковский // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 90–99.
4. **Рывкина, Р. В.** Образ жизни населения России : социальные последствия реформ 90-х годов / Р. В. Рывкина // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 32–39.
5. **Кошарная, Г. Б.** Стратегии социальной адаптации сельского населения в современном российском обществе: региональный аспект / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4(8). – С. 154–163
6. **Кошарная, Г. Б.** Малое предпринимательство как способ социальной адаптации населения малых городов (на примере Пензенской области) / Г. Б. Кошарная, Н. А. Юртаев, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 3(7). – С. 12–21.
7. **Кошарный, В. П.** Проблемы формирования предпринимательского слоя в сельской местности (на примере Пензенской области) / В. П. Кошарный, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 4(8).

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of Sociology, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

Рожкова Лилия Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии
и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

Rozhkova Liliya Valerievna

Candidate of sociological sciences,
associate professor,
sub-department of sociology and human
resource management,
Penza State University

УДК 316.311

Кошарная, Г. Б.

Социально-экономические условия формирования жизненных стратегий сельских жителей / Г. Б. Кошарная, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 30–37.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РИСК: ЗДОРОВЬЕ, ДЕНЬГИ, ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Аннотация. Опираясь на опыт зарубежных и отечественных исследователей и используя данные собственного социологического исследования, проведенного в Волгограде, автор рассматривает экономический, физиологический и психологический потребительские риски. В статье дается определение и рассматриваются особенности потребительского рискованного поведения региональных потребителей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, потребительское поведение, потребительский риск, экономический риск, физиологический риск, психологический риск.

Abstract. Based on domestic, foreign scientific experiences and own sociological research the author has examined economic, physiologic and psychological consumer risks. The article has been defined consumer risk behavior of regional consumers.

Keywords: human potential, consumer behavior, consumer risk, economic risk, physiologic risk, psychological risk.

Потребительские риски до сих пор остаются наименее исследуемой проблемой, несмотря на то, что именно они касаются интересов обычных людей. Отечественные и зарубежные публикации главным образом отвечают интересам бизнес-элиты и посвящены изучению рисков потребительского кредитования, где акцент делается на минимизации потерь на рынке потребительских кредитов, хотя появляются и немногочисленные работы, касающиеся потребительских рисков других социальных групп. Так, в своей статье «Классификация рисков в личном потреблении» Н. И. Готлиб рассмотрела современный потребительский риск для простых потребителей.

Понимая под потребительским риском наличие различного рода факторов, которые не дают возможность человеку выступить в роли потребителя, автор рассматривает основные причины возникновения подобной проблемы, выделяя два основных вида рисков: физический (физиологический) и экономический, или имущественный [1, с. 139].

Соглашаясь в целом с Н. И. Готлиб в том, что в центре потребительской сферы находится потребитель, считаем целесообразным обратить на него более пристальное внимание при изучении современных потребительских рисков. Под потребительским риском мы понимаем потерю части человеческого потенциала (здоровья, душевного равновесия, денег), наступившую после осуществления потребительского поведения без должного осмысления реальной ситуации и оценки будущих результатов. При этом такое поведение будем считать потребительским рискованным поведением. На основе приведенных определений приходим к выводу, что потребительские риски возникают в результате приобретения некачественного товара, услуги, лекарств и образуют следующую классификацию: экономический – риск потери определенной суммы денег; психологический – вероятность потери душевного равновесия и неудовлетворенность в результате покупки; физиологический – риск, включающий угрозу ухудшения состояния здоровья.

Чтобы выявить специфические черты потребительского рискованного поведения региональных потребителей, в июне 2008 г. при непосредственном участии автора было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в котором приняли участие 400 человек (жители г. Волгограда и Волгоградской области). В исследовании использовался маршрутно-квотный тип выборки (квоты по полу, возрасту, образованию).

Для изучения потребительского риска выделялись следующие индикаторы: наиболее актуальные риски для современных потребителей, активность в борьбе за преодоление негативных последствий рисков, степень готовности потребителей к рискам.

Для изучения наиболее актуальных рисков респондентов попросили ответить на вопрос: «Из-за чего Вы больше всего расстроитесь при покупке некачественного продукта?».

По полученным данным, 51,7 % опрошенных расстроятся из-за угрозы потери здоровья, 12,7 % – из-за потери денег и 12,7 % – из-за обмана со стороны продавца. Таким образом, респонденты признают, что состояние здоровья является более приоритетной сферой, чем деньги, с учетом, что психологическое равновесие не менее актуально для потребителей, чем экономическое благополучие.

16,1 % опрошенных отметили, что их может расстроить больше всего отсутствие возможности использовать приобретенный товар, т.е. их беспокоит чувство неудовлетворенности произведенным действием – покупкой.

Физиологический риск является наиболее приоритетным вне зависимости от личностных характеристик респондентов. Экономический риск наиболее актуален для женщин старшей возрастной группы с низким уровнем дохода. Несмотря на то, что психологический риск занимает второе место по значимости, он беспокоит в основном мужчин с высоким уровнем дохода.

Итак, опрошенные региональные потребители больше обеспокоены состоянием своего здоровья, причем как физиологического, так и психологического, чем риском потери денег. Для уточнения субъективной оценки респондентов мы задали вопрос о том, что заставит современного потребителя отстаивать свои права на покупку качественных товаров. Данный индикатор отражает реальную актуализацию трех представленных сфер: экономическую (потеря крупной суммы денег), физиологическую (угроза здоровью после потребления некачественного продукта), психологическую («хамство» персонала магазина).

Так, по результатам исследования, 40,3 % респондентов основной причиной обращения с жалобой называют потерю крупной суммы, 37,9 % – угрозу состоянию здоровья, 14,9 % – хамство со стороны персонала (рис. 1).

Таким образом, видно, что при необходимости для потребителя осуществлять конкретные действия уже не физиологический, а экономический фактор выходит на первые позиции. Выше же при определении актуальных рисков респонденты экономическому фактору отводили менее заметное место. Почти для половины респондентов финансовая составляющая является определенно важнее, чем психологическое равновесие и здоровье. Стоит отметить, что физиологический риск значительно уступает прочим как наиболее важная причина отстаивания своих прав на качественную покупку.

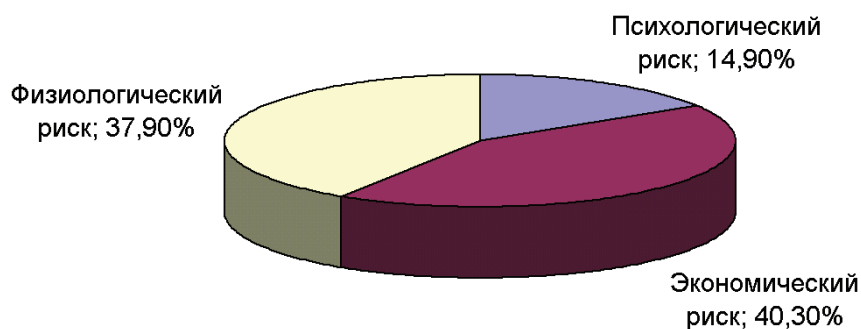

Рис. 1 Актуализация потребительских рисков

Таким образом, современный потребитель в повседневной жизни сталкивается с различными потребительскими рисками. По субъективной оценке респондентов, наиболее актуальным является риск потери здоровья, что говорит о признании здоровья наиболее важным фактором успешной деятельности. Но практика потребления показывает, что экономический риск остается наиболее актуальным, т.к. именно из-за потери денег человек будет принимать активную потребительскую позицию. И даже психологическое равновесие, которое признавалось потребителями действительно важной сферой, не конкурирует с экономическим благополучием.

Актуальность всех представленных рисков в потреблении современного гражданина формирует проблему реальных действий современных потребителей в условиях риска. Каждый индивид, столкнувшись с некачественным товаром, может либо активно отстаивать свои права, обратившись в суд, написав жалобу, или принять пассивную позицию и не обратить внимания на данный инцидент.

По результатам исследования половина опрошенных респондентов (51,7 %) при приобретении некачественного товара принимают пассивную рискованную позицию и выкидывают такой товар, 36,4 % респондентов представляют активную часть потребителей, которые продолжают отстаивать свои права на покупку качественной продукции. Интересно, что женская гендерная группа более активна, чем мужская. Так, 50,0 % женщин возвращают товар обратно в магазин, а большинство респондентов-мужчин (58,4 %) просто выкидывают некачественный товар.

Среди потребителей, которые отстаивают свои права, 30,9 % признались, что магазин заменил им товар после первого же требования; 11,9 % звонили в комитет по защите прав потребителей, а 11,0 % вообще прекращали дальнейшую борьбу в случае отказа удовлетворить их требования.

Среди основных причин, в результате которых потребитель перестает бороться за свои права, 28 % опрошенных назвали «отсутствие свободного времени», 14,4 % – бюрократическую волокиту при оформлении жалобы. По 5 % набрали варианты «лень», «отсутствие веры в успех» (рис. 2).

Таким образом, результаты исследования показали пассивную жизненную позицию современных потребителей. Это объясняется не столько специфическими особенностями российского менталитета, сколько отсутствием грамотного законодательства, в котором процедуры отстаивания своих прав и наказания продавцов и производителей были бы быстрыми и легкими в осу-

ществовании. Даже те потребители, которые возвращали некачественный товар обратно в магазин, признались, что после отказа в обмене товара в большинстве случаев переставали бороться дальше. Можно предположить, что колоссальный ритм современной жизни не позволяет вступать в длительные разбирательства, заставляя потребителей «махнуть рукой» на свои права и дать возможность продавцам продолжать обманывать остальных.

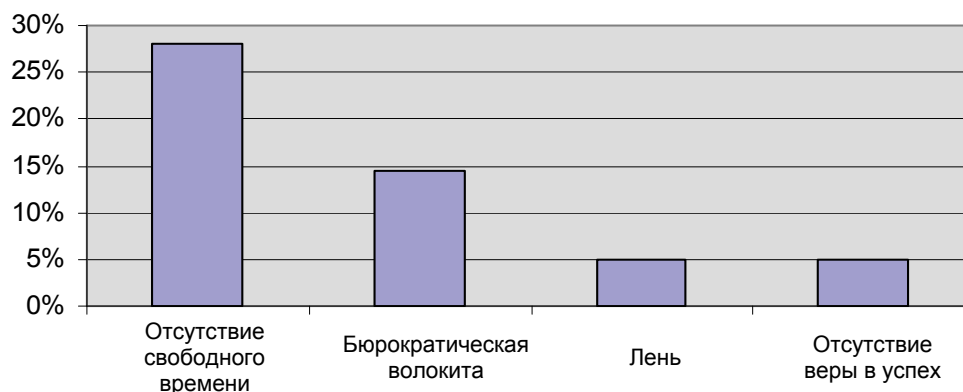

Рис. 2 Причины пассивной потребительской позиции

И, наконец, необходимо определить степень готовности современного российского регионального потребителя к риску.

Известный социолог, исследователь общества риска Э. Гидденс имеет двоякую точку зрения на проблему готовности к риску. Так, он считает, что готовность идти на риск – это необходимое условие современной жизни, в подтверждение чему пишет: «...готовность идти на риск – это непереносимое условие захватывающих приключений – достаточно вспомнить об удовольствии, которые некоторые получают от риска, связанного с азартными играми или быстрой ездой...» [2, с. 40]. Признавая позитивную сторону общества риска, Э. Гидденс отмечает, что существуют риски, которые мы стараемся свести к минимуму, к ним относится риск, связанный со здоровьем. Для того чтобы уберечь себя от таких рисков, западные потребители постоянно оценивают будущие прибыли и убытки и активно используют возможности страхования. Стоит отметить, что существуют сферы, где не всегда можно воспользоваться страховкой и необходимо проявлять свою собственную бдительность. Такой сферой является потребление. Так, например, возможно застраховать машину, но сам процесс покупки машины застраховать невозможно. Такая ситуация требует ответственности и чувства взаимного доверия со стороны производителя, продавца и потребителя. Данные субъекты заинтересованы в продуктивном сотрудничестве, что не всегда понимается и принимается современными российскими рыночными субъектами.

Степень готовности к риску, которая отражает чувство ответственности потребителя перед самим собой и своими близкими, выявлялась с помощью следующей шкалы: высокая, средняя, низкая. Низкую степень готовности определяли как слабо выраженную ориентацию на наличие определенного потребительского риска и на необходимость соотносить свои действия с современными реалиями и будущими последствиями. Средняя степень характерна

для потребителей, которые признают наличие определенных рисков, но отстаивают свои права крайне редко. Высокая степень готовности к риску характерна для потребителей, которые обеспокоены своим благополучием, имеют негативный опыт столкновения с подобными ситуациями и не хотят рисковать своим здоровьем, деньгами и благополучием, в результате чего соотносят свою потенциальную покупку с будущими последствиями.

Какова же готовность современных региональных потребителей к различного рода рискам? Чтобы это выяснить, респондентам было предложено ответить на вопрос: «Задумываетесь ли Вы о возможной опасности при покупке товаров и услуг?». При потреблении товаров большинство респондентов демонстрируют среднюю готовность к рискам. Высокая степень готовности проявляется в сфере потребления услуг, в которой на первый взгляд не возникает условий для большого риска потери здоровья, денег и благополучия. Так, 23,7 % респондентов при потреблении услуг не задумываются о какой-либо опасности. Вместе с тем реальная ситуация демонстрирует примеры потери здоровья волос, кожи, зубов и др., а также денег при пользовании парикмахерскими, медицинскими, сантехническими и прочими услугами. Это свидетельствует об отсутствии потребительского опыта в частности и потребительской культуры в целом у современных потребителей.

При потреблении лекарственных препаратов наблюдается приоритет высокой степени готовности к риску, что, скорее всего, свидетельствует о негативном опыте покупки лекарств или наличии информации о подобных случаях.

Для изучения различных сторон готовности современных потребителей к риску задавался вопрос: «Приобрели бы Вы уцененные продукты питания, если бы их срок годности истекал?». Так, согласно результатам исследования 49,2 % опрошенных выбрали вариант «скорее нет, чем да», 37,3 % – «нет». Итак, большинство респондентов не склонны рисковать своим состоянием здоровья, однако стоит отметить, что 8,5 % респондентов при изменении ситуации пойдут на риск ради экономии денег, что подтверждает высокую степень значимости экономической составляющей человеческого капитала для современных потребителей в противовес физиологической. Таким образом, экономическое благополучие подчас берет верх над голосом разума и заставляет человека идти на неоправданный риск.

Наиболее рискованную группу населения волгоградского региона составляют люди 36–45 лет со средним уровнем дохода, здесь 18,8 % скорее пойдут на такой риск, чем нет. Наибольшую степень заинтересованности в безопасности показывают респонденты с высоким и низким уровнем дохода в возрасте от 25 до 36 лет.

Таким образом, современный региональный потребитель сталкивается с потребительскими рисками, среди которых наиболее актуальными являются прежде всего экономический риск, а затем риск потери здоровья. Большинство потребителей демонстрируют пассивную позицию при приобретении некачественного товара или услуги. Стоит отметить, что они не готовы бороться с возникшим риском и в большинстве своем демонстрируют потребительское рискованное поведение. Для улучшения данной ситуации, минимизации потребительских рисков необходимо использовать различные механизмы борьбы с ними. Среди них ученые выделяют следующие: административные, нормативные, правовые, экономические. К сожалению, в современных российских условиях этого явно недостаточно. Помимо изменения законодательных норм

и административных наказаний необходимо изменить сознание конкретных людей. Даже самый действенный закон не поможет справиться с потребительским риском, если каждый человек в независимости от его экономической роли (потребитель, продавец, производитель) не будет нести ответственность за свои действия.

Список литературы

1. **Готлиб, Н. И.** Классификация рисков в личном потреблении / Н. И. Готлиб // Социс. – 1999. – № 8. – С.139–141.
2. **Гидденс, Э.** Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.

Василенко Ольга Викторовна
аспирант,
Волгоградский государственный
университет

Vasilenko Olga Viktorovna
Graduate student,
Volgograd State University

E-mail: suewa@mail.ru

УДК 316.342.6

Василенко, О. В.

Потребительский риск: здоровье, деньги, душевное равновесие /
О. В. Василенко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2009. – № 1. – С. 38–43.

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования влияния рекламы на потребительское поведение молодежи. Проведены анализ отношения молодых людей к качественным характеристикам современной рекламы и оценка возможностей влияния рекламы на формирование потребительских предпочтений.

Ключевые слова: молодежь, реклама, влияние, потребительское поведение, потребности, потребительские предпочтения.

Abstract. The article presents the results of the author's research of advertising influence on young consumer's behaviour. The analysis of the attitude of young people to qualitative characteristics of modern advertising is made. The assessment of capabilities of advertising influence on consumer preferences is done.

Keywords: young people, advertisement, influence, consumer behaviour, needs, consumer preferences.

В условиях становления рыночных отношений в нашей стране для производителей товаров и услуг одной из самых привлекательных потребительских групп стала молодежь. Это обусловило расширение производства товаров и услуг для данной категории и усиление соответствующего рекламного воздействия. В связи с этим для ученых, занимающихся проблемами потребительского поведения, вопросы о возможности и степени влияния рекламы на молодых потребителей приобрели особую важность.

На протяжении длительного периода формирование целого поколения молодежи проходило под мощным влиянием средств массовой коммуникации. И в настоящее время никому не удастся избежать подобного влияния. Однако если раньше реклама была относительно новым явлением и молодые потребители были беззащитны перед ее воздействием, то сейчас наметились изменения в их восприятии рекламной информации. Молодые потребители стали более опытными и грамотными, поэтому и реклама ими воспринимается более критично и рационально.

Согласно результатам проведенного автором в 2007 г. исследования среди студенческой молодежи государственных и коммерческих вузов г. Пензы (опрос осуществлялся по квотной выборке, $N = 357$) отношение молодежи к рекламе является довольно противоречивым. С одной стороны, молодежь расценивает рекламу как закономерное явление рыночного общества: почти единогласно (90,7 %) респонденты назвали рекламу необходимым средством существования современных фирм и компаний. Свое отношение к рекламе в средствах массовой информации назвали равнодушным 48 % опрошенных респондентов и положительным 29,3 %. С другой стороны, более трети опрошенных (41,3 %) считают ее вредной для психики и здоровья, а 20 % оценили свое отношение к рекламе как негативное.

Несмотря на то, что за последние несколько лет появилось целое поколение квалифицированных специалистов по созданию рекламы, многие аналитики констатируют все еще низкое качество рекламного материала. Моло-

дежь в своих оценках солидарна со специалистами. Более половины опрошенных (64,3 %) подтверждают, что трансляция многих рекламных роликов вызывает негативную реакцию. Просматривая телепередачи, около половины (44,7 %) опрошенных респондентов всегда переключают канал на время рекламы, 52,3 % делают это довольно часто. И только 3 % с интересом смотрят информацию о предлагаемых товарах и услугах.

Итак, говоря об отношении современного поколения молодежи к рекламе, можно сделать следующий вывод: молодежь признает важность рекламы как необходимого атрибута рыночной экономики, терпимо относится к ее наличию в средствах массовой коммуникации, но при этом указывает на низкое качество современной рекламной продукции.

Молодые потребители чаще всего не признают, что их действия в рамках потребительского поведения – это результат воздействия на них рекламы. Им кажется, что потребность в приобретении появилась у них раньше, чем они увидели рекламу. Оценивая возможность влияния рекламы на собственный потребительский выбор, подавляющее большинство опрошенных молодых людей (77,3 %) утверждают, что при совершении покупок полагаются исключительно на собственное мнение, основанное на предыдущем опыте (рис. 1). Этот результат можно считать противоречивым, т.к. согласно данным исследований молодежь предпочитает проверенным товарам новинки. Кроме того, молодые люди обладают сравнительно небольшим потребительским опытом. Среди факторов, способных повлиять на потребительский выбор, молодежью отмечены мнения родственников, друзей и интуиция. Показательно, что только 1,7 % респондентов указали рекламу как возможный фактор влияния при совершении покупок.

Рис. 1 Оценка респондентами факторов, влияющих на их потребительские решения

Тем не менее молодежь не отрицает теоретической возможности влияния рекламы на потребительский выбор. По результатам проведенного исследования, большинство опрошенных респондентов (74 %) признают такую возможность, но не считают рекламу определяющим фактором. Процент тех, кто считает влияние сильным (11,3 %), и тех, кто считает его незначительным (14,7 %), практически одинаков.

Важной характеристикой качественной и эффективной рекламы является ее запоминаемость. Чтобы оценить возможность влияния рекламы на молодого потребителя, необходимо располагать данными о том, остается ли в памяти рекламная информация. На вопрос «Часто ли Вам запоминается какой-нибудь слоган из рекламы» более половины (68 %) респондентов отве-

тили утвердительно. В качестве самой запоминающейся отмечена реклама косметических продуктов (39,7 %), автомобилей (35,7 %) и услуг мобильной связи (33 %). Менее всего запомнилась реклама туристических услуг (5 %), учебных заведений (4,3 %), журналов (4,7 %). Безусловно, степень влияния рекламной информации зависит от медианосителя. Мнения молодежи об эффективности разных видов рекламы представлены на рис. 2.

Рис. 2 Мнения молодежи об эффективности разных видов рекламы

Логичным будет провести анализ источников, из которых молодежь получает необходимую информацию о новинках в индустрии моды, о достижениях в области техники и т.д. Результаты проведенного опроса показали, что информацию о новинках молодые потребители получают именно из рекламы на телевидении (рис. 3).

Рис. 3 Источники получения информации о появлении новых товаров и услуг

Анализируя результаты, представленные на рис. 2 и 3, можно сделать следующий вывод: молодежь признает телерекламу самой эффективной, именно посредством телевидения молодые люди в основном получают необходимую рекламную информацию. На основе этой информации строятся их представления о стандартах красоты, об имидже и формируются соответствующие потребности.

Способность рекламы оказывать влияние на формирование потребностей является теоретически и практически доказанной. Многими учеными отмечает-

ся, что реклама «обманом заставляет их приобретать ненужные товары, разрушает структуру ценностей, негативно влияет на мир эмоций, лишает людей художественного вкуса, заполняет собой все вокруг, замещая информацию культурного, познавательного, развивающего характера и т.д.» [1, с. 256].

Кроме того, современная реклама служит в обществе очевидным социальным конфликтогеном, поскольку «рекламируемый сегодня стиль жизни недоступен половине населения страны. Транслируемая, прежде всего, на эту половину реклама вызывает очевидный когнитивный диссонанс, чувство несоответствия констант своего существования телевизионной картинке, принимаемой за норму» [2, с. 257].

Молодые люди видят рекламу, героями которой типично являются современные, внешне привлекательные, успешные люди, способные без труда решить все возникающие проблемы. В рекламе присутствуют предметы роскоши, красивые автомобили, дорогая одежда, украшения, особняки, яхты. Дополнительный психологический эффект достигается еще и за счет приятной музыки, живописных пейзажей, обещания отдыха и развлечений. Таким образом, формируется потребность молодого человека быть причастным к данной социальной среде, иметь подобный стиль жизни.

Результаты проведенного исследования подтверждают точку зрения ученых. На рис. 4 представлены мнения респондентов о потребностях современной молодежи.

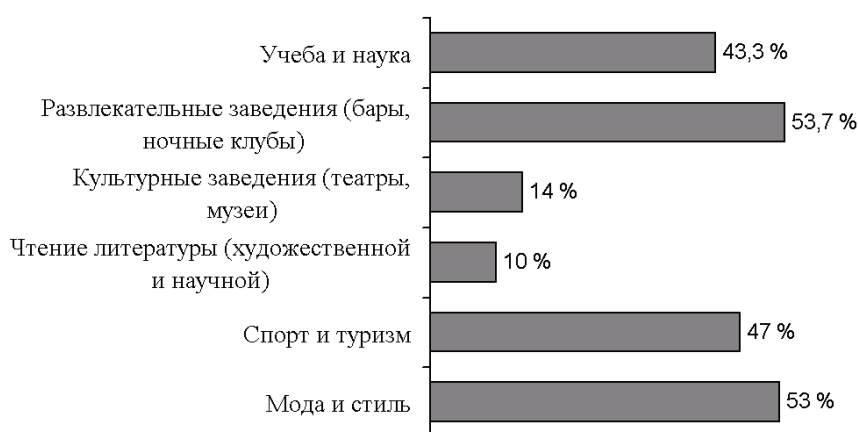

Рис. 4 Мнения респондентов о потребностях современной молодежи

Если рассматривать жизненные ценности представителей молодежи, то ситуация выглядит примерно так же. Большинство опрошенных молодых людей среди целей, которых бы они хотели добиться в жизни, выделили хорошую зарплату (64,4 %) и жизнь в свое удовольствие (51,3 %). Высокий процент голосов также получили такие цели, как занятие руководящей должности (31,3 %), обретение стабильности в жизни (31,3 %), реализация потребности любить и быть любимым (30 %). Немногие среди своих жизненных целей отметили следующие: «стать специалистом» (25,6 %), «вырастить хороших детей» (20,6 %). Реже всего молодые люди говорили о желании самосовершенствоваться (12,5 %), реализовать потенциал (12,5 %) и быть полезными обществу (5 %) [3, с. 47].

Таким образом, среди потребностей молодежи, сформированных под влиянием рекламы, можно выделить потребность в хорошем образовании для получения в будущем престижной работы; потребность иметь высокий доход, для того чтобы позволить себе жить в свое удовольствие, заниматься спортом, туризмом и во всем соответствовать требованиям моды.

Формирование потребностей – это не единственный способ влияния рекламы на потребителей. Задача рекламы состоит в том, чтобы сформировать мотивационную установку – «заданное для себя, запланированное намерение, которое будет осуществлено при появлении нужной ситуации, повода. Намерение более конкретно и ограничено во времени. Это преимущественно осознанное предпочтение выполнить какое-то действие, детерминированное совместно силой мотива, вероятностью успеха и ценностями, связанными с выполнением этого действия» [4, с. 146].

В ходе анализа данных исследования выяснилась специфическая характеристика молодых потребителей. Потребительское намерение, сформировавшись, обладает высокой устойчивостью. Больше половины молодых покупателей (60 %) остаются верными своему выбору даже в случае отсутствия необходимого товара в магазине. Они предпочитают купить то, что планировали, в другом магазине, нежели выбрать другой доступный по цене товар известной марки. Выбрать товар другой известной марки предпочли 27,3 %. Это тоже важная группа. Не обнаружив необходимого товара и не имея мотивации достаточной силы, чтобы отправляться на поиски необходимого, они прибегают к вторичному внешнему поиску, а именно к информации, по большей части рекламной. В этом случае реклама не побуждает пойти в магазин, а может повлиять на выбор на месте.

Задача формирования мотивационных установок, по сути, не так сложна. На самом деле потребители сами ищут необходимую им информацию. Делом рекламы остается привлечение внимания и обеспечение должного восприятия. В условиях такого огромного выбора товаров и услуг существует объективная потребность в рекламе определенных товаров.

Согласно результатам проведенного исследования молодежь ощущает необходимость в рекламе магазинов (21 %). Это вполне объяснимо, поскольку иногда при отсутствии достаточного количества свободного времени важно получить быстро информацию, где именно можно приобрести определенные группы товаров. Необходимой также была названа реклама услуг мобильной связи и косметических товаров. Это вполне закономерно, поскольку эти группы товаров являются одними из самых востребованных в молодежной среде. Реклама развлекательных заведений тоже признается необходимой (20,7 %), что также закономерно, поскольку посещение подобных мест – самое популярное проведение досуга современной молодежи. Интересно, что реклама образовательных учреждений также попала в группу самой необходимой. Это подтверждает возросший интерес к образованию в последнее время, а соответственно, возросшую потребность в информации о соответствующих учреждениях.

Так или иначе каждый из нас хоть раз, но поддавался на увещания рекламы. Результаты опроса показывают, что реклама все же побуждает молодых людей приобрести определенные группы товаров. В качестве самого популярного товара, который захотелось приобрести после просмотра рекламы, респонденты отметили косметику (27,7 %). Продукты питания (11,7 %),

услуги мобильной связи (10,7 %), автомобиль (10,3 %), одежда, обувь (9 %) занимают промежуточное положение. Наименьший показатель у техники (4,7 %) и мебели (2 %). Результаты представлены на рис. 5.

Рис. 5 Товары, приобрести которые захотелось после просмотра рекламы

Уместным будет привести данные, отражающие первый потребительский опыт молодежи, и проанализировать, насколько удовлетворены были молодые люди после совершения покупок под влиянием рекламы. Если провести оценку ответов респондентов о последствиях приобретения товаров под влиянием рекламы, можно видеть, что в сумме на 18,7 % больше ответов с негативной окраской (редко – 46 %, практически никогда – 8,3 %, никогда – 5 %), чем ответов с позитивной (всегда – 2,3 %, довольно часто – 38,3 %). Однако делать вывод, что, поддавшись на увещевания рекламы, молодые потребители всегда получали некачественные товары и ощущали разочарование, нельзя. Тем не менее существует достаточное количество случаев, когда приобретение не соответствовало ожиданиям и принесло разочарование.

Представляет интерес вопрос о «послепокупочном» поведении молодежи. По данным исследований, совершив приобретение, молодые люди любят делиться впечатлениями с близкими людьми. Характерно то, что о неудачных покупках они рассказывают знакомым гораздо охотнее. В случае совершения неудачной покупки промолчат об этом только 6 %, а при совершении удачного приобретения – 20 %. Поэтому реклама, рассчитанная на молодежную аудиторию, должна быть максимально честной.

Влияние рекламы на молодых людей закономерно ограничено их финансовыми возможностями. Чтобы оценить возможности совершения приобретений, необходимо осветить объем средств, которыми располагает современная молодежь.

Доход молодого человека может складываться из возможного собственного заработка и возможной помощи родителей. Исходя из данных исследования, собственный доход молодежи можно назвать либо недостаточным, либо периодическим (рис. 6).

В современных условиях только 8,3 % из молодых людей не зависят от родителей финансово. Большинство (51,3 %) получают деньги только на самое необходимое; 30 % получают помощь постоянно на любые нужды.

Полученные деньги молодежь тратит на реализацию собственных потребностей. В основном это обычные насущные траты на одежду и обувь (63 %),

услуги мобильной связи (61 %) и учебу (56 %). В меньшей степени деньги расходуются на транспорт (43,3 %), средства ухода (47,7 %) и развлечения (28,3 %). Реже всего согласно ответам респондентов деньги тратятся на приобретение модных журналов (8,7 %), занятия спортом (11 %) и туризмом (2 %) (рис. 7).

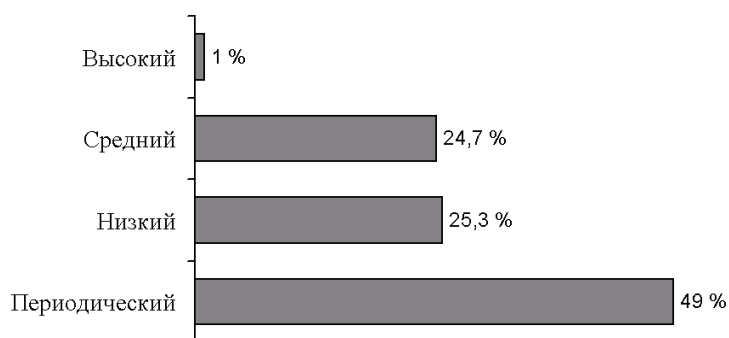

Рис. 6 Оценка респондентами собственного дохода

Рис. 7 Показатели распределения собственных финансовых средств

Таким образом, согласно результатам исследования молодежь, имея потребности в занятиях спортом, туризмом, в учебе и развлечениях, большей частью тратит имеющиеся средства на такие насущные потребности, как приобретение одежды и обуви, учебных принадлежностей, проезд в общественном транспорте. На посещение развлекательных заведений, занятия спортом и туризмом расходует деньги совсем небольшой процент молодых потребителей. Подобную ситуацию можно объяснить весьма ограниченным количеством располагаемых денежных средств. Следовательно, можно сделать вывод, что при наличии большого количества средств влияние рекламы на формирование потребительских намерений было бы более вероятным и интенсивным.

По результатам анализа данных, полученных в ходе исследования, можно сделать следующие выводы. Молодые потребители относятся лояльно к наличию и количеству рекламы в современных средствах массовой коммуникации. Воспринимая ежедневно бесконечные потоки рекламы, мало кто из них задумывается, что находится под постоянным влиянием. И хотя теоретическую возможность воздействия рекламы на людей представители молодежи признают, они все же отрицают возможность ее влияния на их собственные потребительские решения. Тем не менее, просматривая телепрограммы, слушая радио, листая глянцевого журналы, молодые потребители ежедневно получают большую дозу информации, влияющей на формирование их потребностей. Так появляются потребности молодежи в повышении уровня жизни, успешной карьере, лидерстве, признании и соответствующих атрибутах. Словосочетание «соответствующие атрибуты» только на первый взгляд кажется безобидными. На самом деле за ними скрывается огромное количество товаров и услуг, которые необходимо потреблять, чтобы удовлетворить эти потребности.

Признавая за рекламой возможность влияния на формирование потребностей, не стоит преуменьшать ее роль в формировании мотивационных установок (намерения приобрести конкретный продукт). Реклама действительно побуждает молодых людей приобретать товары, однако здесь ее влияние жестко ограничено, во-первых, количеством располагаемых финансовых средств, во-вторых, потребностями данной группы. Кроме того, реклама может побуждать совершить приобретение повторно только в случае, если товар будет соответствовать ожиданиям потребителя.

Список литературы

1. **Лебедев-Любимов, А. Н.** Психология рекламы / А. Н. Лебедев-Любимов. – СПб. : Питер, 2007. – 384 с.
2. **Савельева, О. О.** Социология рекламного воздействия / О. О. Савельева. – М. : РИП-холдинг, 2006. – 284 с.
3. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные ориентации современной российской молодежи / Г. Б. Кошарная, Ю. Л. Афанасьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 4. – С. 41–52.
4. **Ильин, Е. П.** Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 512 с.

Афанасьева Юлия Леонидовна
аспирант,
Пензенский государственный
университет

Afanasyeva Ulia Leonidovna
Graduate student,
Penza State Univeristy

УДК 316.334.2

Афанасьева, Ю. Л.

Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи / Ю. Л. Афанасьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 44–51.

РАЗВИТИЕ НОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ г. САМАРЫ)

Аннотация. В статье рассматриваются формы социальной активности и самоорганизации жителей на примере крупного российского города, анализируются социальные условия развития объединений граждан по месту жительства – советов территориального общественного самоуправления и товариществ собственников жилья.

Ключевые слова: гражданское общество, местное сообщество, социальная активность, территориальное общественное самоуправление, товарищество собственников жилья.

Abstract. The article considers different forms of social activity and self-organization of urban citizens by the example of a large Russian city. The author reveals the conditions of development of public communities within the settlements – such as Councils of local territorial administration and Partnerships of property owners.

Keywords: civil society, local community, social activity, local territorial administration, public self-governing, partnership of property owners.

Формирование института местного самоуправления в РФ существенно расширило возможности самоорганизации граждан и общественного участия в решении вопросов местного значения. Основная задача на современном этапе развития гражданского общества – активное освоение этих возможностей. Однако анализ текущей ситуации показывает, что гражданское самоопределение местного сообщества, его социальная активность остаются невысокими. По оценкам Общественной палаты РФ, в 2008 г. граждане мало участвовали в осуществлении эффективного контроля за решениями власти, в подготовке и принятии принципиальных решений – тех, от которых зависит судьба значительного количества людей. Общественность находится на значительной дистанции от центров принятия решений, что не дает возможности своевременно решать возникающие конфликты в социальной и иных сферах, снижает устойчивость всей системы государственного управления [1]. Результаты общероссийского мониторинга, проводимого ИСПИ РАН, подтверждают данную оценку: «Для 10 % граждан нашей страны сегодня гражданское общество состоялось. Остальная часть населения страны проживает в другом обществе. Их ощущения, оценки и мнения не позволяют идентифицировать его как гражданское» [2].

В этой связи одной из ключевых становится задача по формированию определенных социальных условий активизации местного сообщества и повышения гражданского самосознания населения. Особенно актуально решение данной проблемы для крупных городов. Являясь центром притяжения социально активных групп населения, город создает особую городскую среду, определяющей характеристикой которой является интенсивность социальных связей. «Именно в городе происходит опережающее социальное развитие, вырабатываются передовые формы общественной жизни, распространяющиеся постепенно на все общество» [3].

Развитие способности горожан к самоорганизации и гражданской самодетельности требует реализации ряда условий, к которым мы относим информирование жителей об их совместном интересе, возможностях и способах его осуществления; повышение управленческой грамотности жителей, их социальное просвещение; активизацию экономической деятельности на территории сообщества и развитие института частной собственности; изменение отношения органов местного самоуправления к гражданскому участию и внедрение технологий сотрудничества органов власти и местного сообщества.

Общей тенденцией, которую отмечает ряд исследователей, является локализация социальной активности. «В ходе политических и экономических перемен многие общественные обязанности сместились на локальный уровень» [4]. Активисты локальных сообществ представлены в общественных и частных добровольных объединениях, в сферах жилищного хозяйства, здравоохранения и гуманитарных услуг и пр.

Особую роль в становлении местных сообществ в российских городах могли бы играть объединения граждан по месту жительства – советы территориального общественного самоуправления и товарищества собственников жилья.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) понимается как форма самоорганизации людей по месту их жительства на части территории города для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Существенным для понимания специфики территориального общественного самоуправления является то, что органы ТОС объединяют население не на основе членства, связанного с какими-то условиями (соблюдение устава, уплата членских взносов), а на основе совместной работы в области обслуживания общественных потребностей граждан, удовлетворения их культурно-бытовых и иных запросов, охраны их прав и интересов [5].

В настоящее время в г. Самаре имеется развернутая система органов территориального общественного самоуправления, включающая 74 совета ТОС. Сформировано соответствующее правовое поле – действуют правовые акты, регулирующие порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления. Однако развитие этого института в целом имеет противоречивый характер. С одной стороны, за последние годы произошли серьезные подвижки на правовом и организационном уровнях институционализации территориального общественного самоуправления, но, с другой стороны, несформированными остаются соответствующие нормативно-ценностные установки местного сообщества.

Важным препятствием к объединению и эффективным совместным действиям является дефицит доверия людей друг к другу и к структурам гражданского общества. Одна из причин этого – слабая информированность населения о деятельности общественных организаций. Нерешенной остается задача информационного обеспечения деятельности ТОС. Как показали проведенные исследования, оценка работы органов управления прямым образом определяется степенью информированности населения об их деятельности. Перекрестный анализ данных свидетельствует о следующем: чем выше оценивает респондент свой уровень информированности о работе того или иного органа власти, тем положительнее он оценивает и его работу.

В ходе опросов жителей Кировского, Октябрьского и Промышленного районов г. Самары нами был собран достаточно показательный материал. Общий объем выборки составил 820 человек. При формировании выборочной совокупности опрашиваемых сохранялось распределение основных признаков генеральной совокупности по полу и возрасту¹.

Диаграмма (рис. 1) показывает, что из тех, кто хорошо информирован о работе ТОС, 52,9 % положительно оценили их работу. Большинство респондентов (59,4 %) ничего не знают о том, что делают эти органы. Среди этой группы преобладают оценки отрицательного характера в отношении их деятельности.

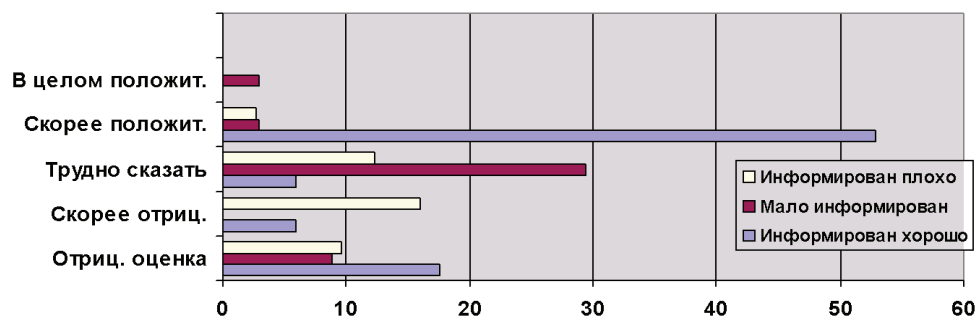

Рис. 1 Зависимость оценок работы ТОС от уровня информированности респондентов о деятельности этих органов

По результатам исследования, 63 % жителей не участвовали за последнее полугодие в решении районных проблем, не принимали участие в общедворовых мероприятиях, более трети (35 %) горожан участвовали в этих мероприятиях активно или по мере необходимости.

Активность жителей ограничивается, как правило, декларируемой готовностью в случае необходимости обращаться в соответствующие инстанции с просьбами или требованиями, а реальная практика самоорганизации сводится в основном к участию в субботниках по благоустройству территории около дома.

Исследование показывает, что неготовность и неумение членов Совета ТОС использовать ресурс взаимодействия является наряду с недостатком финансовых средств основным фактором, который препятствует эффективному решению вопросов, входящих в компетенцию комитетов микрорайонов, росту их активности.

Оценивая свою готовность в будущем принимать участие в мероприятиях по решению общественных задач, проводимых во дворе или районе, лишь 25 % горожан заявили о категорическом отказе. 43 % жителей готовы принять активное участие в таких мероприятиях. Опрос выявил значительную долю неопределившихся (32 %), которых при определенной просветительской работе органов ТОС можно было бы также привлечь к участию в общедворовых и районных мероприятиях.

Тем не менее жильцы в целом позитивно оценивают возможность своего участия в управлении местным сообществом и территорией. Доказатель-

¹ Статистическая ошибка репрезентативности выборки составляет 5 %.

ством тому служит перечень приоритетных мероприятий и программ, которые они бы охотно поддержали своим участием:

- содействие в организации и благоустройстве внутридворовых территорий – 58 %;
- организация работы детского клуба и досуга детей – 32 %;
- обеспечение работы Совета самоуправления в своем микрорайоне – 16 %;
- работа по обеспечению коммунальных услуг – 11 %;
- организация социальной защиты престарелых, одиноких и инвалидов – 8 %;
- обеспечение нормальных условий содержания домашних животных, обустройство площадок для выгула собак – 6 %.

Только 18 % респондентов не стали бы принимать участие ни в одной из указанных акций.

Проведенное исследование позволило выявить причины и трудности, сдерживающие активность жителей. Полученные ответы распределились следующим образом:

- необходимость брать на себя дополнительные хлопоты – 43 %;
- нежелание людей что-то предпринимать – 37 %;
- непонимание со стороны других людей – 17 %;
- отсутствие единомышленников – 14 %;
- отсутствие каких-либо гарантий в случае неудачи – 6 %.

Результаты опроса позволили также выделить основные факторы и причины, препятствующие участию жителей в решении проблем по благоустройству территории:

- отсутствие реальной готовности жильцов брать на себя ответственность за общественные дела (на этот фактор указали 45 % респондентов);
- недостаточность профессионального уровня сформированного актива домовых, уличных комитетов (36 %);
- неверие в собственные силы при отсутствии поддержки городской власти (27 %);
- отсутствие информации о собственных возможностях в решении проблем двора, дома, подъезда (26 %).

Одной из мер повышения активизации граждан в решении проблем территории микрорайона, получившей наибольшую поддержку (58 % респондентов), явилось активное сотрудничество муниципальных служащих с жителями районов. Также опрошенными были отмечены такие факторы, как обеспечение правовой информацией и знание личных прав (43 %), активная работа депутатов городской Думы в округах (28 %); проведение тренингов, развивающих навыки организаторской работы (9 %).

Одним из наиболее эффективных способов вовлечения населения в решение проблем своей территории является проведение праздников, конкурсов на лучший двор, субботников и т.д., в процессе которых удастся решить не только конкретные проблемы территории, но и создать атмосферу соседской взаимопомощи. Такая непосредственная демонстрация достигнутых ощутимых результатов по решению проблем территории станет основой позитивного отношения населения к участию в ТОС.

Первостепенной задачей становится постепенное формирование самоуправленческих навыков и культуры самоуправления жителей. Представляет-

ся, что реализация данной задачи будет наиболее эффективной на локальном микротерриториальном уровне (многоквартирный жилой дом, группа жилых домов). Чем меньше территориальная единица, тем выше потенциал участия жителей в управлении. На таком уровне легче обнаруживается общий интерес, связанный с совместным проживанием и использованием общего имущества дома. Перспективной формой самоорганизации жителей выступают сегодня товарищества собственников жилья (ТСЖ).

Товарищество представляет собой объединение собственников помещений в многоквартирном доме для совместного управления комплексом недвижимого имущества в многоквартирном доме, обеспечения эксплуатации этого комплекса, владения, пользования и распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме. Таким образом, основной задачей товарищества является эффективное управление общим имуществом и улучшение качества его обслуживания. Объединение собственников жилого дома представляет собой социальную структуру, в которой могут быть воплощены самоуправленческие начала и реализована сама идея общественного самоуправления как самостоятельное и под свою ответственность решение жителями вопросов совместной жизнедеятельности.

Товарищество – это такая форма деятельности, когда управление осуществляется силами самих собственников жилых и нежилых помещений, а главной полномочной структурой в этом случае выступает правление товарищества. Председатель правления заключает договор с организацией, занимающейся техническим обслуживанием и эксплуатацией здания (или нанимает для этой цели штатный персонал), договоры на оказание коммунальных услуг (или контролирует их содержание, если эти функции переданы управляющей компании), а также договоры на отдельные виды работ и услуг с организациями и физическими лицами.

Важную роль при мотивации жителей к созданию товарищества играет понимание тех возможностей, которые предоставляет им ТСЖ. Исследования процессов объединения жителей в жилищной сфере позволяют выделить следующие основные мотивы участия в товариществе: экономическую заинтересованность, возможность осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью, повышение качества услуг, социальную защищенность [6]. Тем не менее реальная практика становления и развития этой новой формы объединения жителей проходит сложно и противоречиво.

Жилищный кодекс возложил на собственников целый ряд новых обязательств, выполнение которых предполагает высокий уровень ответственности. При этом собственники оказались не готовы к активному принятию решений по управлению своим домом, несению бремени расходов по содержанию как собственного жилья, так и общего имущества. Это связано с тем, что у российских жителей не было ранее возможности вести активную деятельность в сфере жилищно-коммунального хозяйства. По этой причине «за получением юридического статуса собственника не последовало автоматическое изменение социально-психологического статуса человека» [7].

Обобщая опыт развития ТСЖ на современном этапе, выделим ряд задач по развитию общественного самоуправления в жилищной сфере.

Очень актуально расширение сети неправительственных жилищных организаций, привлечение их к формированию жилищной политики как на

местном, так и на региональном и федеральном уровнях. Сегодня ключевыми функциями ассоциаций ТСЖ, действующих в российских городах, являются консультирование по вопросам организации и функционирования объединений собственников жилья, правовая поддержка, лоббирование интересов собственников и объединений собственников жилья перед муниципальной и государственной властью.

Следующей важной задачей развития объединений собственников жилья является проведение эффективной информационно-пропагандистской работы по продвижению ТСЖ. Прежде всего необходимо информировать жителей о положительном опыте создания товариществ, преимуществах ТСЖ и выгодах от участия в нем. Готовность жителей проявить активность и взять на себя ответственность за управление домом возможна только при достаточной информированности о своих правах, обязанностях, выгодах новой формы организации домовладельцев и т.д.

Вовлечение собственников в совместную деятельность по управлению домом требует также решения задач социального просвещения и обучения жителей. Объединение в товарищество требует от собственников навыков по выработке целей и задач, связанных с управлением домом, согласованию интересов внутри коллектива домовладельцев, формулированию заказа на необходимые услуги и выполнение надлежащих работ и т.п.

Эффективное решение выделенных задач возможно при условии сотрудничества и поддержки со стороны местных властей. Создание условий для образования и деятельности товариществ собственников жилья предусматривает оказание помощи в обучении членов правлений ТСЖ; организацию агитационной работы и информирования в средствах массовой информации о существующей нормативной базе и положительном опыте деятельности ТСЖ; создание специальных структур, осуществляющих деятельность по поддержке ТСЖ, консультативно-информационных центров, методических кабинетов по обмену опытом деятельности товариществ.

Задача развития и укрепления гражданского общества в России реализуется в описанных выше формах активности жителей через преодоление инертности и пассивности населения; накопление опыта самоорганизации, самостоятельных успешных действий, совместной работы по улучшению качества жизни.

Список литературы

1. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2008. – С. 43.
2. **Левашов, В. К.** Мера гражданственности в социометрии / В. К. Левашов // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 12.
3. **Сванидзе, А. А.** Город в цивилизации: к вопросу определения / А. А. Сванидзе // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 31.
4. **Чекоуэй, Б.** Шесть стратегий, используемых для изменения сообществ / Б. Чекоуэй // Местное самоуправление: проблемы и решения : материалы международного симпозиума. – М., 1995. – С. 133.
5. **Кутафин, О. Е.** Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. – М. : Юрист, 2000. – С. 155.
6. **Бобович, Р. Е.** Объединения жителей многоквартирных домов / Р. Е. Бобович. – М. : Ассоциация ТСЖ «Центр», 2001.

7. **Дрейлинг, Т. П.** Собственник – основной субъект новых отношений в ЖКХ / Т. П. Дрейлинг // ЖКХ. Журнал для руководителя и главного бухгалтера. – 2007. – № 2. – Ч. 1. – С. 21.
-

Малютина Оксана Владимировна

старший преподаватель,
кафедра государственного
и муниципального управления,
Самарский муниципальный
институт управления

Malyutina Oksana Vladimirovna

Assistant professor,
sub-department of public
and municipal administration,
Samara Municipal Institute of Management

E-mail: maloks@samtel.ru

УДК 316.334.56

Малютина, О. В.

Развитие новых форм социальной активности жителей крупного города (на примере г. Самары) / О. В. Малютина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 52–58.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема политической стабильности в теоретико-прикладном аспекте, проанализированы социально-политические процессы, характерные для этой стадии, определены возможные сценарии эволюции российской системы власти в контексте изучаемой проблемы.

Ключевые слова: этап стабилизации, политическая стабильность, управляемость, стагнация, преемственность, авторитет власти, институционализация, политический кризис.

Abstract. In article considers theoretical and applied aspects of the political stability problem. The author also analyses social and political processes typical for the current stage and defines possible scenarios for the development of Russian government authority in the context of the problem under scrutiny.

Keywords: stage of stabilization, political stability, ability to be controlled, stagnation, succession, prestige of authority, institutionalization, political crisis.

Политическая стабилизация традиционно представляет собой одну из циклических фаз (или этапов) развития государства, которая объективно задана процессом эволюции государства и общества, поэтому стабильность в таком аспекте не может рассматриваться как самоцель или социально-политическая ценность. Это одно из объективных качественных состояний государства и общества на определенном этапе развития, имеющее свои преимущества и недостатки.

К преимуществам можно отнести то, что это состояние политических связей и отношений, которое дает возможность властям совершать взвешенные и спокойные политические действия, не выходящие за рамки известности, и тем самым не только воспроизводить свои лидирующие позиции, сохраняя должную легитимность, но и повышать управляемость социальными процессами.

К недостаткам можно отнести то, что состояние стабильности при определенных условиях может перерасти в стагнацию, когда динамика политической жизни общества резко замедляется, развитие практически приостанавливается, что порождает острейшие экономические проблемы в управлении страной. В этих условиях власть и общество просто довольствуются своим положением, благоприятной экономической конъюнктурой, которая всегда носит ситуативный и временный характер. Происходит элементарное «проедание» накопленных экономикой ресурсов без принятия стратегических решений в области дальнейшего экономического и политического развития.

Несколько забегаая вперед, можно отметить, что для современной России такой инерционный сценарий наиболее вероятен. Для его реализации

всегда имеется необходимая «почва» – огромный бюрократический аппарат, имеющий тенденцию к разрастанию и самовоспроизводству, эффективно блокирующий неудобные для него «инновации», а также довольно пассивное общество с быстро восстанавливаемыми патерналистскими ожиданиями. Такие стартовые условия зачастую очень удобны для стагнации, однако несовместимы ни с какой модернизацией.

В состоянии стабильности нередко открываются довольно широкие материальные перспективы, но преимущественно для тех социальных групп, которые на предыдущей стадии упрочили свое состояние. На стадии стабилизации с опорой на уже имеющийся материальный задел происходит дальнейшее накопление материальных благ. На этом этапе фиксируются достижения. Используя накопленные ранее государственные резервы и благоприятную экономическую конъюнктуру, государство неизбежно укрепляет свои позиции в экономике.

Эта особенность находит свое подтверждение в современной России. 2007 год запомнился усилением роли государства в промышленности. Российская власть активно объединяла в государственные корпорации предприятия стратегических отраслей. К созданной в 2006 г. «Объединенной авиастроительной корпорации» летом 2007 г. добавилась «Объединенная судостроительная корпорация». Затем количество госкорпораций стало расти еще быстрее: Внешэкономбанк стал Банком развития, под грядущую в 2014 г. Олимпиаду в Сочи была создана корпорация «Олимпстрой», под развитие нанотехнологий – «РоснаноТех». Кроме того, появились такие госкорпорации, как Фонд содействия ЖКХ, «Ростехнологии», «Росатом». Планируется создать еще две – корпорацию по рыболовству и «Автодор». Цели и задачи у каждой из этих корпораций разные, однако роднит их тот факт, что все они являются некоммерческими организациями, причем каждая создается специальным законом и каждой государство безвозмездно дает либо средства в уставный капитал, либо имущество, при этом они не могут быть подвергнуты банкротству.

Мы полагаем, что создание государственных корпораций – это во многом объективный процесс, соответствующий внутренней логике сегодняшнего этапа стабилизации, однако, по оценкам российских экспертов, «это процесс крайне неоднозначный. С одной стороны, государство известно как наихудший собственник, особенно в условиях отсутствия конкуренции, которая исчезнет после того, как целые отрасли окажутся под управлением государственных корпораций. С другой, некоторые предприятия могут просто исчезнуть или перепрофилироваться без включения их в государственные корпорации, что в конечном итоге приведет к тому, что в России исчезнут единые цепочки производства стратегической продукции» [1]. Эксперты спорят, насколько обоснованно с экономической точки зрения создание такого рода структур, учитывая тот факт, что государственные средства, которые сотнями миллиардов вносятся в уставный капитал государственных корпораций, в реальности расходуются зачастую крайне неэффективно. Имеющие уникальный правовой статус, гигантские финансовые ресурсы и непосредственный доступ к госзаказу, эти институты изначально выведены из поля конкуренции.

Вместе с тем, создавая такие структуры, государство решает для себя двойную задачу: подконтрольным государству структурам на нерыночных условиях передаются гигантские активы, позволяющие чиновникам, с одной

стороны, вполне легально удовлетворять собственные бизнес-интересы, эффективно устраняя экономических конкурентов, а с другой, – используя мощь государственных корпораций, осуществлять внешнеэкономическую экспансию, выступая в качестве инвесторов на мировом рынке.

В целом перечисленное можно считать относительно положительной составляющей этапа стабилизации, поскольку при таком положении вещей рядовые граждане все же имеют возможность широко пользоваться позитивными последствиями государственного порядка. Отрицательной стороной этих процессов является то, что экономика все больше начинает управляться со стороны государства в так называемом «ручном режиме», при этом зачастую игнорируются объективные рыночные законы, которые сигнализируют о недостатках такой стратегии (рост цен и инфляции). В «ручном режиме» сейчас регулируются и инфляционные процессы. Так, учитывая стратегическую важность избирательных циклов 2007–2008 гг., Правительство России пошло на искусственное сдерживание инфляции путем ограничения роста цен на товары первой необходимости. Вместе с тем высокая инфляция – это объективный сигнал, который нельзя долго игнорировать, поэтому необходимы системные мероприятия в этой сфере.

В условиях стабильности государство должно более грамотно и оперативно реагировать на подобные вызовы, поскольку цена ошибки здесь довольно велика. Дело в том, что для этой стадии характерна высокая степень институционализации, неверные решения могут спровоцировать целую серию локальных кризисов внутри системы.

В целом состояние стабильности политической системы способствует укреплению авторитета власти, т.е. авторитет власти растет по мере укрепления стабильности. С такой ситуацией нередко связана проблема персональной легитимности лидера государства, которая в этом случае бывает основана не только на его личных политических заслугах, но и на объективных процессах вступления государства в фазу динамического равновесия. В этих условиях национальному лидеру удастся очень успешно нейтрализовывать своих политических конкурентов, структурировать и унифицировать политическое пространство, систему власти.

Поэтому на стадии стабилизации политической системы в условиях усиления аппарата государства все акции со стороны оппозиции, как это ни парадоксально, неизбежно будут перенаправлены против самой же оппозиции. Можно сказать точнее: чем сильнее оппозиция противостоит системе и критикует ее, тем сильнее эффект от столкновения с ней.

Оппозиция в России не консолидирована ни в структурном, ни в идеологическом плане, не имеет авторитета в российском обществе (у нее для этого слишком мало ресурсов). Бюрократическая система умело блокирует все антисистемные действия оппозиции, используя в этих целях «антиэкстремистское» законодательство, заградительные барьеры и другие многообразные политические средства. В то же время, умело пользуясь широким набором ресурсов и политическими технологиями, бюрократическая система управляет политическими настроениями общества.

В сложившихся условиях не менее важный показатель – устойчивое поддержание отношений власти с оппозицией, но не на основе прямой конфронтации, а на основе прагматичного сотрудничества с ней. Отсюда очень важным является не дистанцирование власти от оппозиции и ее лидеров,

а проведение регулярных встреч с отдельными лидерами оппозиционного лагеря, частичное удовлетворение их требований с целью снижения протестного потенциала.

Таким образом, можно констатировать, что власть стабильна постольку, поскольку обладает возможностью предотвратить доминирование нелегитимных сил. В этом смысле стабильность как способность общества к самозащите способствует сохранению такой организации власти, которая соответствует социальной системе, адекватна настроениям общественности, обеспечивает его интеграцию в процессе социально-экономического развития, делая его более эффективным.

Помимо этого модернизируется и модель взаимоотношений национального лидера и политической элиты. По справедливому мнению В. И. Пантина, это период, когда «из состояния безграничной вольности государственного сословия и серьезного ослабления государственной власти страна и элита возвращаются к повиновению. Но осуществляется это не столько путем прямого насилия, сколько с помощью своего рода пакта, который, предоставляя элите «вольности» в вопросах ее хозяйственного обустройства и гарантируя ей достаток и порядок в стране, вместе с тем возвращает власти монополию на принятие и осуществление всех важных стратегических политических решений. Тем самым потенциал государства концентрируется на решении в первую очередь внешнеполитических задач, обеспечивая при этом исправное функционирование государственной машины в целом» [2].

Меняется и модель взаимоотношения федерального центра и регионов с конфликтной, конфронтационной (когда регионы делятся по идеологическим предпочтениям губернатора и населения) на компромиссную, или, по выражению Д. В. Доленко, модель «прагматичного сотрудничества с федеральным центром, со всеми его институтами и представителями с целью решения социально-экономических проблем региона» [3]. Таким образом, модели политического торга постепенно заменяются более гибкими моделями прагматичного сотрудничества.

Политическая и партийная системы в результате такой деятельности приобретают некий законченный вид и форму – как следствие этих процессов повышается управляемость во многих сферах.

Но тут следует отметить, что, несмотря на высокую степень управляемости процессами, результат социальных реформ не всегда бывает очевиден для общества. Это связано с тем, что социальные системы и механизмы даже при условии адекватного политического выбора – медленно трансформирующаяся материя. На наш взгляд, этому есть свое объяснение. Центральная задача социальной системы – обеспечение гармонизации интересов социальных групп. Интересы многообразны и зачастую разнонаправлены и конфликтны, поэтому сопротивление этой среды всевозможным социальным инновациям чрезвычайно высоко. Для того чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие социальной системы и социальных механизмов того или иного общества, необходимо, во-первых, сгладить различия и, во-вторых, достигнуть единства миропонимания и мироощущения. Последнее достигается в рамках формирования национальной идеи и адекватного вызовам модернизации «социального контракта». Тем самым социальная система для успешности любых реформ должна быть как минимум готова к их восприятию и пониманию, иначе любые преобразования будут обречены на неудачу.

Таким образом, повышение управляемости процессами на этапе стабилизации нельзя абсолютизировать, поскольку всегда имеют место естественные ограничения, диктуемые степенью сопротивления той или иной среды.

Если политическая система стабильна, то политические акторы, как правило, занимают довольно сдержанную позицию по всему кругу политических вопросов. Определенный баланс наблюдается как во внутренней, так и во внешней политике. Результаты такой взвешенной политической деятельности не всегда бывают заметны сразу, они могут проявиться спустя какое-то время. В социальной политике в такой период результативны взвешенные меры, которые нередко не выходят за рамки повседневности, т.е. планомерное реформирование сфер социальной политики без радикальных нажимов и революционной перестройки, выводящих систему из равновесия. Иными словами, в стабильной системе либо политический процесс не приводит к радикальным переменам, либо – если таковые перемены все-таки наблюдаются – они подчинены стратегии, заранее разработанной правящей элитой. Именно поэтому на стадии стабилизации весьма благоприятна точная настройка, небольшая коррекция начатых ранее социальных и других реформ, в рамках идеологии преемственности государственного курса. Последний показатель, на наш взгляд, очень важен. Неслучайно С. Хантингтон определяет стабильность по формуле «порядок плюс преемственность», предполагая ведущим к указанной цели такой вариант развития, при котором модель организации власти в течение длительного периода времени сохраняет свои существенные характеристики [4, с. 21].

Реализация реформ на стадии стабилизации также возможна только в рамках преемственности прежнего курса реформ. Свежие идеи на этой стадии нередко тормозят реформы, поэтому эффективное реформирование становится возможным в рамках уже начатых реформ с опорой на имеющиеся ресурсы.

Следуя универсальным системным закономерностям, можно констатировать, что любая система не способна постоянно находиться в состоянии динамического равновесия. Речь идет не об абсолютном постоянстве политической системы, а о постоянстве изменений самой системы. Эти изменения могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер.

Конструктивные изменения позволяют системе развиваться дальше эволюционным путем на основе усиления авторитета власти в обществе.

Деструктивные изменения – это всевозможные кризисы, имеющие различную природу и различную степень остроты. Кризисы служат препятствием на пути эволюционного развития государства, нарушают состояние политической стабильности.

Многие авторы определяют нестабильность как неспособность политической системы управлять изменениями или, точнее, справиться с ними. На наш взгляд, это верно, поскольку в ситуации стабилизации политической системы, как правило, возрастает эффективность управления, поэтому нестабильность ведет к полной или частичной потере управляемости элементами системы. Большое значение здесь имеет наличие или отсутствие глубоких «расколов» в обществе, т.е. культурных, идеологических и социально-экономических конфликтов. Так, авторы коллективной работы «Регионоведение: социально-политический аспект» справедливо отмечают, что «политические системы становятся нестабильными из-за глубокого раскола общества –

экономического, этнического, регионального и идеологического, преодолеть который политические институты своими силами не в состоянии. В данном случае конституционный порядок распределения власти не определяет, а отражает такой раскол в обществе. Хотя какие-то институты могут смягчить, а другие усилить нестабильность, в целом институты государства неспособны придать стабильность обществу нестабильному в своей основе» [5].

Таким образом, если стабильность основана на некоем единстве в широком смысле и различных его вариациях (всеобщее осознание статуса самостоятельного государства; преемственность, неизменность формы правления и постепенная, управляемая, организованная, планомерная циркуляция элит; высокий уровень «поддержки», оказываемой системе правления и тем, кто в данный момент находится у власти и пр.), то кризис всегда несет в себе природу разделения, раскола, размежевания, расслоения в различных вариациях (культурные и политические расколы в обществе; невнимание к нуждам граждан со стороны государства; острая конкуренция партий, придерживающихся противоположных идеологических позиций; предложение обществу непривычных идей и форм организации повседневной жизни).

В противоположность стабильности нестабильность чаще всего сопровождается процессы качественного реформирования, принципиальных преобразований в обществе и власти. Приобретение системой нового качественного состояния, как правило, связано с наличием того или иного кризиса в системе. С помощью кризиса разрушается прежний баланс, равновесие системы с целью создания качественно нового баланса. Можно сказать, что кризис – это способ разрушения старого состояния с целью установления нового. Поэтому вместе с кризисом, как правило, появляется широкий спектр возможностей дальнейшего развития. Он может привести к реальной демократии или к периоду хаоса и анархии.

Этимологически термин «кризис» пришел из древнегреческого языка, первоначально означая поворотный, переломный пункт, ключевое решение или резкий исход событий. Все эти характеристики кризиса, на наш взгляд, очень точно определяют его природу. Кризис имеет общие корни со стабильностью: это «стабильность наоборот». Если стабильность дает возможность властям совершать взвешенные и спокойные политические действия, не выходящие за рамки известности, то кризис разрушает стабильность и сложившийся баланс какими-либо радикальными (резкими) способами. Поэтому стабильный политический режим способен до определенного момента эффективно реагировать на перемены, которые приносит жизнь, особенно на потенциально наиболее угрожающие или нежелательные, имеющие кризисную природу.

Известный французский политолог М. Доган отмечает, что кризисы присутствуют в коллективной памяти любой нации, поскольку новые политические институты и режимы в основном возникают именно в кризисные периоды. «Нет ни одной нации, которая бы не знала коротких или относительно длительных кризисов: военных поражений и переворотов, революционных преобразований, заговоров, переворотов, террора, экономических депрессий, голода, гражданских войн и т.п.» [6].

В. И. Ленин разработал учение об «общенациональном кризисе». Центральным положением учения было утверждение о том, что при кризисе

«верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» полны желанием изменить порядок государственного управления.

Политический кризис можно в первом приближении определить как ослабление или потерю динамического равновесия между социальными акторами, сопровождающуюся снижением уровня или даже утратой управляемости страной со стороны государственных институтов [4, с. 18].

В специальной политологической литературе выделяют самые разные типы политических кризисов, например кризисы идентичности, легитимности, проникновения, распределения и участия. Все перечисленные кризисные формы связаны с теми или иными асимметричными изменениями внутри порядка властного общения. Это обусловлено, прежде всего, сдвигами в социальных позициях и потенциалах основных агентов властных отношений – управляющих и управляемых. Во-первых, возможны смена национальных приоритетов, кризис и пересмотр базовых ценностей, смена ориентации в государственной политике. Во-вторых, существует кризис легитимности, который связан с утратой доверия и поддержки органов государственного управления со стороны народа. В-третьих, выделяется кризис проникновения, обусловленный неэффективностью политических институтов в осуществлении своих функций на определенном социальном пространстве. Во многом этот кризис обусловлен застойными явлениями в механизмах элитной ротации, когда возникает острый дефицит кадров с новыми подходами и решениями. Стремление власти провести ротацию кадров в направлении еще большей управляемости, предсказуемости действий назначенцев, их абсолютной лояльности к национальному лидеру фактически сводит на нет идейно-творческий потенциал властной элиты. Это, в свою очередь, порождает глубокий застой в самой элите и негативно сказывается на деятельности политических институтов. Безоговорочно подавляя инакомыслие, власть лишает систему способности критической самооценки и самообновления. В-четвертых, возможен кризис в распределении коллективных ресурсов, связанный с их дефицитом и несправедливым разделом в обществе (напрямую связан с неэффективной и несправедливой распределительной политикой). И наконец, существует кризис участия, возникающий, по выражению С. Хантингтона, от несоответствия «сильного» общества и «слабых» институтов, не способных адаптировать повышенную активность людей, регулировать растущий уровень их мобилизации.

Итак, равновесие и устойчивость, единство в широком смысле и различных его вариациях, с одной стороны, и кризисная утрата равновесия сил между основными акторами, ведущая к разделению, расколу, размежеванию, расслоению, неустойчивости институтов, с другой, составляют два потенциальных «полюса», которые и образуют «энергетику» политического процесса, векторы его потенциальных изменений.

Американский ученый Д. Сандерс пришел к выводу, что нестабильность прямо пропорциональна действию таких факторов, как рост урбанизации и перенаселения; индустриальное развитие, которое разрушает естественные социальные связи; ослабление механизмов социально-политического контроля; торговая и финансовая зависимость страны от внешних источников. В то же время она обратно пропорциональна уровню легитимности режима; развитости политических институтов; повышению социально-экономической мобильности, темпам экономического развития; совершенст-

вованию сети политических коммуникаций; консенсусу внутри элиты и прочим аналогичным факторам [7].

В рамках обсуждаемой проблематики важно ответить на вопрос, существуют ли в политической системе современной России какие-либо тенденции и признаки нарушения сложившейся стабильности.

Такие тенденции, на наш взгляд, есть. Это, прежде всего, стремление к еще большей унификации жизни российского общества. Проявления этой тенденции могут быть чрезвычайно многообразны (технологическая, политическая, информационная унификация; монополизация во всех сферах; замедление технологического обновления производства; дальнейшее выпадение населения из политической жизни; ограничение политической, экономической и иной свободы; регламентация всех сфер жизни; державная мощь и противопоставление себя окружающему миру, поиск нового «врага»; подчинение экономических агентов бюрократической системе; расширение возможностей управления экономикой со стороны государства в так называемом «ручном режиме», без учета рыночных закономерностей и пр.).

Результирующий фактор всех этих процессов, связанных с усилением унификации жизни общества, – доведение до абсурда вертикали власти. Когда власть в отношении общества руководствуется только стратегией управления, основанной на односторонней связи с социумом, тогда она неизбежно отдаляется от народа, поскольку пытается регулировать процессы преимущественно директивным путем. Со временем директив становится все больше. Складывается ситуация, когда в государстве существуют многочисленные правила, нормы, регламенты, которые не имеют прямой связи с народом, т.е. не отвечают его жизненным нуждам. В результате, по справедливому замечанию Д. Е. Фурмана, «система становится все более ригидной, утрачивает связи с обществом, а общество развивается и ему становятся тесны рамки системы. Возникают «ножницы» между все большей формальной, внешней управляемостью общества и реальной потерей контроля над ним в результате исчезновения «обратных связей» [8]. Значительное количество законов и реформ уходит «в себя», и наступает кризис определенного типа. Так, например, в СССР политическая стабильность, основанная на вере и страхе, разрушилась, когда распространилось сомнение в святости существующего порядка и справедливости господствующей идеологии. Власть, ослабленная проникновением «ереси» в собственные ряды, утрачивала политическую волю и превращалась в колосса на глиняных ногах.

Д. Е. Фурман отмечает, что «именно сейчас российская политическая система, достигнув максимальной стабильности и зрелости, вступает в период своего упадка. В естественном и закономерном стремлении ко все большей управляемости российская власть уже переходит ту черту, за которой формальная управляемость превращается в полную неуправляемость реальными процессами и ведет к делегитимизации власти... Власть и общество начинают жить в разных и «расходящихся» мирах. Фактически повторяется то, что было при советской власти, когда формальная управляемость была стопроцентной и именно это и привело систему к гибели» [8]. Все это свидетельствует о наличии объективных возможностей дестабилизации системы.

Следующий вопрос, который нам представляется актуальным: можно ли на данном этапе предотвратить деградацию системы по приведенному выше сценарию? Хотя отечественные исследователи уже сейчас признают,

что российская политическая система развивается по своей внутренней логике, которую не в силах изменить никакие внешние воздействия, нам представляется, что это возможно, если на данном этапе несколько скорректировать вектор политических преобразований в направлении усиления разнообразия стратегий, противоположных управленческим. В целом эти стратегии должны быть ориентированы на восстановление действенной двусторонней «обратной» связи властных структур с населением, чтобы система имела возможности получать адекватные сигналы «снизу».

Главная проблема современной политической системы, по мнению Н. Петрова, состоит в том, что «политический режим с завидным упорством блокирует каналы связи в виде, например, выборов, одновременно пытаясь построить альтернативные системы сбора информации – общественные приемные, отделы по работе с обращениями граждан. Он последовательно опустошает политическую сцену и загоняет все политические конфликты из публичного пространства вглубь. Устраняя мелкие для него неудобства в виде некоторой неопределенности, связанной с выборами, публичной критикой в СМИ и другим, он лишает себя как информации, так и квалифицированной экспертизы» [8].

Таким образом, режим, устраняя тактические неудобства, ограничивающие сферу деятельности бюрократической системы, фактически жертвует собственными стратегическими интересами. В результате подрывается основа его легитимности, перекрываются конвенциональные формы политического участия (в виде губернаторских выборов, протестного голосования за кандидата «против всех», референдума и др.), система не оставляет гражданам иного способа демонстрации своего недовольства, кроме как путем использования неконвенциональных форм.

Таким образом, политическую стабильность нельзя рассматривать в качестве постоянного и неизменного политического идеала. Следуя идее поступательного циклического развития государства, стадию стабилизации можно рассматривать в качестве одного из закономерных этапов в развитии любой системы, в том числе политической. Однако преимущества этой стадии можно использовать как во благо, проведя на следующем этапе менее кризисную реформистскую замену «устаревших» лидеров «новыми», так и с нарушением – путем доведения до абсурда существующей вертикали власти. Тогда на одной из стадий будет необходима все та же замена «устаревших» лидеров «новыми», но политическое развитие примет более кризисный, возможно, революционный характер. Чтобы этого не произошло, уже сейчас необходимо скорректировать вектор преобразований в сторону разработки и применения стратегий, противоположных управленческим.

Список литературы

1. Торжество госкапитализма // Независимая газета. – 2007. – 28 декабря.
2. **Пантин, В. И.** Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – Дубна, 2006. – С. 382.
3. **Доленко, Д. В.** Мордовия в процессе эволюционирования федерализма в первой половине 90-х годов / Д. В. Доленко, Ж. Д. Кониченко // ВАГАНТ 1 : сборник работ научного общества ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева / под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск, 2001. – С. 42.

4. **Бабошин, К. И.** Социально-политическая стабильность в современной России / К. И. Бабошин. – Саратов, 2005.
5. Регионоведение: социально-политический аспект : учебное пособие. – Нижний Новгород, 2000. – С. 67.
6. Французские мыслители современности : учебное пособие / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1998. – С. 231.
7. **Sanders, D.** Patterns of Political Instability / D. Sanders. – N.Y., 1981. – P. 16–17.
8. **Фурман, Д.** Политическая система России после путинских реформ [Электронный ресурс] / Д. Фурман, Н. Петров. – Режим доступа: // <http://www.polit.ru>

Логинов Александр Валерьевич

кандидат политических наук, доцент,
кафедра регионоведения и политологии,
Историко-социологический институт,
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва

Loginov Alexander Valeryevich

Candidate of political sciences, associate
professor, Institute of history and sociology,
sub-department of region history
and political sciences,
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

УДК 321.01/.02

Логинов, А. В.

Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти / А. В. Логинов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 59–68.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная статья представляет собой краткий обзор ключевых документов Российской Федерации в области распространения информационно-коммуникационных технологий, развития информационного обмена, обеспечения информационной безопасности. На основе представленного анализа автор дает собственную оценку современному уровню регулирования и становления информационного общества в России.

Ключевые слова: информатизация, информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, информационная безопасность, нормативное регулирование.

Abstract. This article is a short overview of the main documents of the Russian Federation in the sphere of information and communication technologies' spreading, information exchange's development and ensuring of information security. Based on the conducted analysis the author offers his own estimation of the modern level of Russian information society's regulations and development.

Keywords: informatization, information society, information and communication technologies, information security, law regulation.

В России на необходимость развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве важнейшего стратегического ресурса обратили внимание в середине 90-х гг. XX в. Политическая ситуация начала 90-х гг. значительно замедлила поступательное движение в этом направлении. Более того, вследствие произошедших перемен отечественные наукоемкие технологии не получали необходимого финансирования, экономика страны оказалась в глубочайшем кризисе, система образования, государственного планирования претерпели серьезные негативные изменения. Россия была значительно отброшена назад по сравнению с ведущими европейскими странами, развитие ИКТ пришлось начинать фактически с нуля.

В 1995 г. во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 1 июля 1994 г. № 1390 «О совершенствовании информационно-телекоммуникационного обеспечения органов государственной власти и порядке их взаимодействия при реализации государственной политики в сфере информатизации» была разработана и утверждена Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов (далее – Концепция). В разработке Концепции приняли участие специалисты Комитета при Президенте Российской Федерации по политике информатизации, Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации, Госкомстата России, Госкомоборонпрома России, Госстандарта России, Минобороны России, других органов государственной власти, непосредственно связанных с важнейшими направлениями формирования и развития единого информационного пространства, представители администраций г. Твери и Калужской области, а также специалисты общественных объе-

динений и средств массовой информации. Тогда на официальном уровне впервые прозвучала мысль, что «уровень развития информационного пространства общества решающим образом влияет на экономику, обороноспособность и политику».

Среди стоящих перед Россией проблем в указанной области Концепция называет низкий уровень информационного обеспечения органов государственного управления, хозяйствующих субъектов и граждан; сложность доступа к территориально удаленным ресурсам; отсутствие взаимодействия между государственными органами; закрытость информации; неравномерность распространения информационных услуг на территории России. Указанные проблемы предлагалось решать путем создания единого информационного пространства, что подразумевало формирование необходимых политико-правовых и экономических предпосылок. Среди конкретных задач, стоящих перед государством, были названы формирование информационных ресурсов, развитие информационной инфраструктуры, формирование и использование информационного пространства органов государственной власти.

Концепция носит общий характер и не называет конкретных мероприятий по реализации поставленных задач, устанавливая лишь основные направления развития. Для своего времени документ, несомненно, имел прогрессивный характер. И даже на современном этапе Концепция не потеряла своей актуальности, т.к. большинство из указанных проблем полностью не решены [1].

7 февраля 2008 г. была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (далее – Стратегия). В соответствии с текстом документа Россия планирует занять «достойное место среди лидеров глобального информационного общества» в среднесрочной перспективе.

Среди стоящих перед государством задач законодатель называет развитие инфраструктуры; обеспечение доступности информации для населения; повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты с помощью ИКТ; совершенствование законодательства в информационной сфере; внедрение ИКТ в экономику, государственное управление, бизнес с целью повышения эффективности работы и взаимодействия; подготовку кадров для работы в сфере ИКТ; противодействие использованию потенциала ИКТ в целях угрозы национальным интересам России.

В соответствии со Стратегией развитие информационного общества в Российской Федерации базируется на следующих принципах:

- партнерство государства, бизнеса и гражданского общества;
- свобода и равенство доступа к информации и знаниям;
- поддержка отечественных производителей продукции и услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- содействие развитию международного сотрудничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- обеспечение национальной безопасности в информационной сфере [2].

Стратегия дополнена приложением в виде контрольных показателей развития к 2015 г. Данный документ впервые закрепил конкретные показатели желаемого роста в области информационных технологий. К сожалению, произошло это лишь в 2008 г., т.е. до этого времени мы двигались без четко обозначенных целей.

Одним из основных документов в рассматриваемой нами области является Доктрина информационной безопасности 2000 г. (далее – Доктрина), ко-

торая развивает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации применительно к информационной сфере. В Доктрине выделяются четыре основные составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере: соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны; информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам; развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, удовлетворение потребностей внутреннего рынка за счет ее продукции и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов; защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем.

В соответствии с этими составляющими авторы документа выделяют четыре группы угроз. По источникам эти угрозы разделяют на внешние (деятельность иностранных разведывательных служб, принятие концепций ведения информационных войн третьими странами и др.) и внутренние (криминогенная обстановка, отставание в экономическом развитии и др.). На основе такого разделения в Доктрине предлагается подробный комплекс мер для решения обозначенных проблем. Общие методы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации разделяются на правовые, организационно-технические и экономические. К правовым относится разработка необходимых нормативно-правовых актов в указанной области; к организационно-техническим – разработка, использование и совершенствование средств защиты информации; к экономическим – разработка программ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и определение порядка их финансирования. Доктрина также закрепила специфические методы обеспечения информационной безопасности в отдельных областях общественной жизни: в экономике, внутренней политике, внешней политике, науке и технике, духовной жизни, в общегосударственных информационных и телекоммуникационных системах, в сфере обороны, в правоохранительной и судебной сферах, в условиях чрезвычайных ситуаций.

Отдельная глава Доктрины посвящена международному сотрудничеству в области обеспечения информационной безопасности. Следует отметить, что авторы документа реалистично оценивают международную обстановку и интересы России, заявляя, что современный мир находится «в условиях обострения международной конкуренции за обладание технологическими и информационными ресурсами, за доминирование на рынках сбыта, в условиях продолжения попыток создания структуры международных отношений, основанной на односторонних решениях ключевых проблем мировой политики, противодействия укреплению роли России как одного из влиятельных

центров формирующегося многополярного мира, усиления технологического отрыва ведущих держав мира и наращивания их возможностей для создания «информационного оружия». Основываясь на данном заключении, авторы выделяют следующие основные направления международного сотрудничества:

- запрещение разработки, распространения и применения «информационного оружия»;
- обеспечение безопасности международного информационного обмена;
- координация деятельности правоохранительных органов стран по предотвращению компьютерных преступлений;
- предотвращение несанкционированного доступа к конфиденциальной информации в международных банковских телекоммуникационных сетях и системах информационного обеспечения мировой торговли, к информации международных правоохранительных организаций [3].

В целом Доктрина представляет собой целостный, логичный, подробно проработанный основополагающий документ, задающий ключевые направления деятельности государства в области обеспечения информационной безопасности, которая рассматривается как значительная часть обеспечения национальной безопасности. Для более детального регулирования отдельных положений Доктрины необходимо принять федеральную программу по обеспечению информационной безопасности, ряд нормативных актов. Стоит отметить, что, несмотря на то, что Доктрина была утверждена в 2000 г., программа по обеспечению информационной безопасности до сих пор не опубликована.

Ключевым оперативным документом в области развития ИКТ в России является Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (далее – Программа).

Основными целями Программы являются создание условий для развития демократии; повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения и массового распространения ИКТ, обеспечения прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, расширения подготовки специалистов по ИКТ и квалифицированных пользователей.

Первый этап реализации Программы (2002) предполагал проведение анализа нормативной правовой базы с целью выявления ключевых проблем, препятствующих широкому внедрению ИКТ; изучение уровня информатизации экономики; анализ эффективности расходования бюджетных средств, выделяемых на информатизацию; проведение полного учета государственных информационных ресурсов; анализ зарубежного опыта реализации подобных программ; изучение опыта работы в сфере ИКТ различных организаций.

На втором этапе (2003–2004) на основе проведенных исследований, разработанных концепций и сформированной нормативной правовой базы должны быть реализованы проекты, обеспечивающие взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с гражданами и хозяйствующими субъектами в сфере налогообложения, по вопросам оформления таможенной документации, регистрации и ликвидации юридических лиц, выдачи лицензий и сертификатов, подготовки и представления отчетной документации, предусмотренной законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, рынке ценных бумаг и поставках продукции для федеральных государственных нужд.

На третьем этапе должны быть созданы предпосылки для массового распространения ИКТ во всех сферах общественной деятельности на основе единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и использования системы электронной торговли. Должно быть обеспечено комплексное внедрение системы электронной торговли в сфере поставок продукции для государственных нужд на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации, стандартизованного электронного документооборота и систем обеспечения информационной безопасности. На этом этапе должно быть завершено формирование единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для органов государственной власти и органов местного самоуправления, бюджетных и некоммерческих организаций, общественных пунктов подключения к общедоступным информационным системам [4].

17 июля 2006 г. Правительство РФ одобрило и возложило на Минсвязи обязанность по реализации Концепции региональной информатизации до 2010 года. Концепция направлена на модернизацию государственного управления и социально-экономического развития регионов с помощью информатизации. Авторы документа называют следующие цели, которые в среднесрочной перспективе стоят перед государством:

- повышение эффективности управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации;
- обеспечение доступа населения и организаций к информации о деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их участия в процессе общественной экспертизы проектов решений в сфере региональной информатизации и эффективности их реализации;
- улучшение качества государственного управления в органах государственной власти субъектов Российской Федерации;
- создание условий для развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, отвечающей современным требованиям и обеспечивающей удовлетворение потребностей населения в информации, а также потребности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информации и информационном взаимодействии;
- обеспечение информационной безопасности региональных и муниципальных информационных систем, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры на территории субъектов Российской Федерации.

Реализация Концепции региональной информатизации до 2010 года должна осуществляться в несколько этапов:

2006 г. – на федеральном уровне в рамках реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» должна быть разработана и согласована общая методика проектирования электронного правительства региона; на уровне субъектов Российской Федерации должен быть проведен детальный и комплексный анализ уровня использования информационных технологий в социально-экономической сфере, государственном управлении и местном самоуправлении, а также потребностей населения в информации и услугах.

2008 г. – на федеральном уровне должны быть разработаны и апробированы типовые решения в сфере региональной информатизации, сформирована система добровольной сертификации решений в сфере региональной информатизации; на уровне субъектов Российской Федерации должны быть разработаны и утверждены структура электронного правительства региона и программы по его реализации, сформированы основные органы управления.

2010 г. – на федеральном уровне должны быть разработаны и апробированы предложения по развитию решений в сфере региональной информатизации; на уровне субъектов Российской Федерации должны быть реализованы и введены в эксплуатацию региональные информационные системы [5].

В 2000 г. в Министерстве РФ по связи и информатизации был разработан проект концепции создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения».

По замыслу авторов автоматизированная система «Государственный регистр населения» будет представлять собой единую базу данных, содержащую минимально необходимую персональную регистрационную информацию, построенную на основе действующих нормативно-правовых актов, для взаимодействия автоматизированных информационных систем учета различных категорий населения, информационного обслуживания органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов и населения.

Действующая в настоящее время система регистрационного учета обеспечивает сбор основных идентификационных сведений о всех гражданах, проживающих на территории Российской Федерации. Однако состояние этой системы характеризуется низким уровнем автоматизации и технической оснащенности паспортно-визовых служб органов внутренних дел и органов ЗАГС, отсутствием информационного обмена между органами ЗАГС и паспортно-визовыми службами, следствием чего является недостаточная оперативность получения паспортно-визовыми службами информации об умерших, об изменивших фамилию, имя, отчество, ограниченная возможность оперативного использования имеющейся информации органами исполнительной власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и гражданами.

Отсутствие оперативной достоверной информации о гражданах в системах органов исполнительной власти и, прежде всего, отсутствие данных регистрационного учета приводит в масштабах страны к значительным финансовым потерям, связанным, например, с начислением и выплатой пенсий умершим или выбывшим гражданам, с трудностями в сборе налогов с физических лиц в связи с отсутствием полного реестра налогоплательщиков, с выплатой необоснованных пособий по безработице и т.д.

Практическое отсутствие обмена информацией между информационными системами органов исполнительной власти приводит также к неоправданным сложностям в информационном обслуживании проживающего на территории населения, прежде всего при обращениях граждан в органы государственной власти и местного самоуправления. Наличие достоверной информации о гражданах позволит оперативно решать такие важные социальные вопросы, как выплата адресной социальной помощи гражданам, пересчет пенсий, выплаты жилищных и других субсидий и т.д.

Создание единой автоматизированной системы будет способствовать преодолению указанных недостатков и разрешению имеющихся проблемных ситуаций [6].

В настоящее время судьба проекта неизвестна. Но необходимость создания подобной системы очевидна, особенно для страны, стремящейся попасть в число лидеров по развитию ИКТ.

Кроме названных документов, общественные отношения в области информации в Российской Федерации регулирует Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г.

Более детально вопрос защиты персональной информации от несанкционированного доступа регулирует Федеральный закон «О персональных данных» 2006 г.

Отношения, связанные с созданием и эксплуатацией всех сетей связи и сооружений связи, регулируются Федеральным законом «О связи» 2003 г. Указанный закон состоит из 13 глав и регулирует такие вопросы, как создание, использование и взаимодействие сетей электросвязи, государственное регулирование деятельности в области связи, лицензирование данной деятельности, оказание услуг связи и защита прав пользователей сетей, управление сетями в чрезвычайной ситуации, международное сотрудничество.

Сегодня необходимо отметить значительный прогресс в области развития ИКТ в России: Президент РФ, Правительство РФ, министерства и ведомства имеют официальные сайты, через которые есть возможность напрямую обратиться к власти, что, несомненно, способствует свободному обмену информацией и развитию гражданского общества; государственные органы, органы местного самоуправления, учебные заведения оснащены необходимым оборудованием и инфраструктурой; стоимость пользования сетью Интернет снизилась, появились новые операторы, а следовательно, развивается здоровая конкуренция на рынке предоставления информационных услуг.

Однако следует отметить некоторую бессистемность в выработке ключевых направлений развития отрасли ИКТ. На сегодняшний день существует достаточно большое количество основополагающих документов, регулирующих те или иные аспекты отрасли: Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», Концепция региональной информатизации до 2010 года, проекты развития рынка информационных технологий и проект концепции создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения» и др. На наш взгляд, все эти документы носят несколько разрозненный, разобщенный характер; определенную сложность представляет вопрос их соотношения друг с другом. Было бы эффективнее иметь один единственный, но регулирующий все аспекты документ, который бы закрепил основные направления предстоящей деятельности, сроки реализации проектов, показатели, на которые необходимо ориентироваться, ответственные государственные органы. В соответствии с этим ключевым документом необходимо разработать планы по реализации каждого конкретного направления. Стратегия развития информационного общества в наибольшей степени отвечает этим требованиям. Однако она не называет детальных сроков реализации и ответственные органы. В итоге многие документы в той или иной части повторяют друг друга. Кроме того, реализация большинства проектов, доктрин и концепций в области ИКТ предполагает довольно длительный период времени и они разбиты на несколько частей. Первая часть, как правило, предполагает анализ текущей ситуации, мониторинг, определение пробелов в законодательстве. Вторая часть подразумевает создание и внедрение на основе собранной информации пилотных проектов в регионах и отдельных областях. Третья часть представляет собой повсеместное применение наиболее

удачных моделей. Однако уже сегодня можно говорить, что проекты до конца не реализуются: происходит стопроцентная реализация на первом этапе, пятидесятипроцентная – на втором и практический провал на третьем. Основная причина подобной ситуации – чрезмерная растянутость по времени. За время, заложенное для реализации проектов, успевают смениться ответственные работники в министерствах и ведомствах, экономическая, политическая обстановка в стране, ситуация на международной арене. Это не значит, что необходимо отказаться от среднесрочного и долгосрочного планирования, но, как мы уже говорили выше, имеет смысл создать единый программный документ, на основе которого можно будет создавать и в короткие сроки эффективно реализовывать конкретные проекты по модернизации страны. На сегодняшний день сроки информатизации, указанные, например, в Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)», представляются необоснованно растянутыми. Именно по этой причине программа к 2010 г. будет действительно реализована, по нашему мнению, не более чем наполовину.

Также необходимо отметить несогласованность работы между различными государственными органами, отсутствие единой базы данных, которая позволит сократить временные затраты на сбор и получение информации, финансовые средства на содержание громоздкого бюрократического аппарата для работы с данными, зафиксированными на бумаге или требующими ручного ввода в систему.

Список литературы

1. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://infopravo.by.ru/fed1995/ch01/akt11043.shtm>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/959/3257.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml, свободный. – Загл. с экрана.
4. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbu.gov.ua/law/01ru-er.html>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Концепция региональной информатизации до 2010 года. Москва, 25 июля 2006 г., № 1294. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/816/2240.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Проект концепции создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения». Министерство РФ по связи и информатизации, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/816/819.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.

Кузьмин Иван Юрьевич
аспирант,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Kuzmin Ivan Yurievich
Graduate student,
N. Novgorod State University
named after N. I. Lobachevskiy

E-mail: ivan-kuzmin2008@yandex.ru

УДК 32.019.5

Кузьмин, И. Ю.

Современные особенности нормативного регулирования информационного общества в Российской Федерации / И. Ю. Кузьмин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 69–77.

**СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В КОНСТИТУЦИОННО-
ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ
ПОСТМОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК)**

Аннотация. В статье рассматривается роль судебной власти, в частности конституционной юстиции, в постмодернизирующемся обществе. Анализируется зарубежный опыт организации судебной власти и возможности его применения в России.

Ключевые слова: судебная власть, конституционно-политический механизм, конституционная юстиция, общегражданская юстиция, постмодернизирующееся государство, ветви юстиции.

Abstract. The article deals with the role of the courts, particularly constitutional courts, in the postmodernizing society. There is an analysis of foreign experience of the courts' organization and the possibility of its application to Russia.

Keywords: justice, constitutional and political mechanism, constitutional courts, courts of common justice, postmodernizing state, branches of justice.

Добросовестности и эффективности судебной власти уделяется должное внимание уже в древних обществах. Вспомним, например, законы Хаммурапи и законы Ману. При этом намечается использование в большей или меньшей степени двух альтернативных моделей организации судебной власти: с доминированием светского или религиозного начала. Даже в наиболее тщательно сконструированной правовой системе Древнего Рима первоначальные судебные функции отправляют жрецы (понтифики) и лишь впоследствии появляется вполне светская фигура претора. Для средневековой Европы характерно наличие нескольких параллельных систем права и судов, что отражает сословно-корпоративный характер средневекового общества. Лишь в модернизирующемся обществе происходит становление логичной и иерархичной системы, на которую тем не менее оказывают определенное влияние традиции прошлого: например, в Англии, где правовая модернизация шла эволюционным путем, эти традиции выражены сильнее, а во Франции, которая познала Великую французскую и серию последующих революций, разрыв с прошлым более значителен. Однако в модернизирующемся обществе система разделения властей только начинает складываться, и в ней первоначально лидирующую роль играет исполнительная и законодательная власть. Судебная власть длительное время рассматривается как продолжение или придаток власти исполнительной. Даже в США, где изначально формируется наиболее четкая схема разделения властей, судебной власти приходится бороться за «место под солнцем», пользуясь слабостью основных ветвей власти. Однако со временем приходит понимание достраивания судебной власти таким важным компонентом, как конституционная юстиция. Первоначально она утверждается в отдельных странах (прежде всего в США) в виде так называемой «рассеянной модели», когда каждый суд в пределах своей компетенции может проверять правовые нормы на степень соответствия конституции.

Однако только Верховный Суд США обладает в полном объеме конституционно-контрольными функциями при широком объеме дискреционных полномочий, что при расширительной трактовке Конституции делает его чрезвычайно влиятельным органом. Его несвязанность своими собственными решениями и включенность в партийную политику обуславливает немалую политическую конъюнктурность его действий. В деятельности суда можно обнаружить определенную цикличность, как и в состоянии самого американского общества, о котором упоминает А. М. Шлезингер [1]. Фазы консервативной и либеральной политики сменяли друг друга. Суд то придерживался активистской позиции, то переходил к судейской сдержанности; расширенное толкование Конституции чередовалось с ее оригиналистским толкованием. И вообще судейский субъективизм, видимо, в наибольшей степени присущ именно верховному судебному органу США, равно как субъективен отбор примерно 200 ежегодно заслушиваемых дел и субъективен, квалификационно нестрог сам процесс назначения судей.

По мере усложнения государственного управления и повышения общественной значимости конституционных прав граждан конституционная юстиция из незначительного феномена превращается в общераспространенный институт. Конституционные суды начинают заниматься не только проверкой (в больших, чем до Второй мировой войны, пределах) конституционности законов, но и выполнять функции избирательных судов, иногда проверять конституционность существования политических партий, разрешать споры между высшими органами государственной власти по поводу их компетенции, споры между федерацией и субъектами федерации [2, с. 22].

По состоянию на 1960-е гг. конституционный контроль был предусмотрен конституциями или фактически применялся в 80 зарубежных государствах [3]. Он распространился не только в Западной Европе и Латинской Америке, но и в ряде стран Африки, а в 1990-е гг. затронул Восточную Европу.

В Европе и других странах преимущественное развитие получает централизованная модель во главе со специализированным судебным органом. Например, во Франции это конституционный совет, формируемый на паритетных началах президентом и председателями обеих палат парламента в количестве девяти человек на девятилетний срок. Наличие в составе конституционного совета бывших президентов Франции – это своеобразная уступка прошлому режиму при переходе от IV к V Республике, и ныне некоторыми специалистами она оспаривается.

В Италии орган конституционной юстиции – конституционный суд – также создается не сразу после Второй мировой войны (первые дела рассмотрены в 1956 г.). Формируемый высшими судами, парламентом и президентом в составе 15 членов, он является особенно необходимой консолидирующей структурой в условиях нестабильной политической системы.

В Германии высший конституционный суд имеет особенность: он состоит из двух сенатов (восемь человек в каждом). В выборах судей участвуют на паритетных началах бундестаг и бундесрат, а президент страны лишь утверждает этот выбор. Состав суда подбирается с большей тщательностью, чем, скажем, состав конституционного совета во Франции.

В страны Латинской Америки институт конституционного контроля проникает с XIX в. Здесь американское конституционно-правовое влияние своеобразным образом накладывается на следование европейской правовой

традиции в законодательстве. Так, в Мексике широко известная англосаксонская процедура *habeas corpus* преобразуется «в процедуру *amparo*, предназначенную для защиты конституционных прав и свобод... Эта процедура позволяет любому лицу получить защиту своих конституционных прав в федеральном суде, если они нарушены каким-либо административным либо судебным актом» [2, с. 17]. В отличие от процедуры *habeas corpus* процедура *amparo* не сводится к защите только физической свободы. И в этом смысле следует сказать, что латиноамериканская конституционная юстиция при всей ее генетической близости к американской, видимо, представляет отдельный тип юстиции – иберийский [4].

В России конституционный суд сформирован в соответствии с европейской моделью: в его состав входят 19 членов, которым, например, в отличие от членов Верховного Суда США предъявляются определенные возрастные и квалификационные требования (стаж юридической работы не менее 15 лет). Достаточно оригинальным положением является функционирование суда как в составе двух палат, так и в пленарном заседании (для рассмотрения особо важных вопросов). Суд рассматривает дела как по запросам высших органов власти (президента, правительства, обеих палат российского парламента, законодательных собраний субъектов РФ, высших судов РФ), так и в связи с обращениями граждан (за 10 лет таковых было свыше 3000) [5]. Для судей существует возможность высказывания особых мнений.

По мере развития процессов постмодернизации на рубеже XX–XXI вв. конституционные суды расширяют свои полномочия и становятся своеобразным локомотивом для судебных систем в разных странах. Сами судебные системы имеют различную структуру (от наиболее сложного дифференцированного варианта в Германии до упрощенной схемы судопроизводства в Скандинавских странах). Дело здесь не только в размерах территории и численности населения соответствующих государств, но и в тех или иных государственно-политических традициях и правовой культуре. Например, во Франции долгое время придерживались следующей формулировки: «верь только законодателю и остерегайся судей, ибо они извращают действующие законы (кодексы)». В Англии исходили из другого постулата: «верь только судьям, ибо только они являются истинными стражами права и правопорядка». В Германии же с ее длительными традициями правового сепаратизма и яростными спорами теоретиков прав друг с другом приоритет получило высказывание, согласно которому следовало верить «только образованным юристам, ибо только они способны быть настоящими проводниками во всех хитросплетениях... права» [6].

Германская схема чрезвычайно дифференцированной юстиции с пятью ветвями судов – это дань государственному духу немецкой нации и вместе с тем результат трудной и поздней консолидации немецкого государства, прошедшего сложный путь от объединенной монархии Бисмарка через Веймарскую республику и фашистский тоталитаризм к федеративной республике, созданной «сверху».

Скандинавская упрощенная модель, где существует не более трех звеньев в судебной системе, – это, с одной стороны, свидетельство низкой конфликтности скандинавского общества, где социальные силы умеют договариваться, а с другой – результат достаточно простых коммуникационных связей в социуме.

В Швеции, к примеру, на 8,5 млн человек населения приходится 95 окружных (городских и муниципальных) судов, в которых дела рассматриваются коллегиально шестью провинциальными апелляционными судами, функционирующими также коллегиально, и верховным судом в составе 16 судей, в котором дела подсудны коллегии из пяти членов. Специальные суды (за исключением особой ветви административной юстиции) не представляют собой каких-либо особых органов, а фактически являются теми же общегражданскими судами, но в особом составе.

Отличительной чертой судебной системы Норвегии является наличие компромисса в досудебном разбирательстве по гражданским искам. Общегражданская юстиция при населении 4,4 млн человек имеет почти ту же конфигурацию: 99 окружных судов, шесть апелляционных и трехпалатный верховный суд. Причем одна из палат занимается преимущественно научно-аналитической деятельностью, подготовкой публичных выступлений, а также отбором дел к слушанию для двух других палат. Еще одной особенностью является отсутствие в Норвегии ветви административной юстиции [7].

Для Дании с ее 5,3 млн человек свойственна все та же трехзвенная судебная система: 82 городских, два апелляционных суда и верховный суд. Широко распространена практика уплаты обвиняемым штрафа до суда над ним, исключая процедуру судебного разбирательства и вынесения приговора. Еще одной рациональной особенностью, облегчающей функционирование судебной системы в условиях небольшой страны с законопослушным населением, является то, что «судебные решения и приговоры, вынесенные датскими судами, могут быть обжалованы, как правило, только один раз. При этом в вышестоящей инстанции дело, по существу, рассматривается заново» [8].

В то время как Финляндия ввиду исторически сложившейся системы судебных органов не представляет интереса для институциональных заимствований, ее уникальной особенностью, достойной подражанию, является наделение контрольными функциями над судебским корпусом юридического уполномоченного парламента и канцлера юстиции, назначаемого президентом пожизненно, которые вправе привлечь судью-нарушителя к уголовной ответственности. Подобное право контроля, как справедливо отмечают скандинавские юристы в ответ на критику из-за рубежа, не нарушает принципа формально-организационной независимости судебной власти, а просто делает ее более ответственной и подотчетной обществу [9].

Традиции прошлого довлеют и над судебными системами других ведущих стран.

В Англии, по сути, нет судебной системы общегражданских судов, в ней представлена параллельно дополняющая уголовно-гражданская юстиция.

Во Франции система общегражданской юстиции построена более строго и логично. Здесь уголовные и гражданские дела рассматривают, по сути, одни и те же суды, за исключением единственного звена – 99 судов-ассизов, созданных для рассмотрения наиболее сложных уголовных дел в составе трех судей и девяти присяжных. На приговоры данных судов невозможно подать апелляцию, имеется только возможность представить петицию в высшую судебную инстанцию страны по вопросам применения права. Зато здесь наиболее четко выражен дуализм судебной системы, где почти равноправную нагрузку несут общегражданская и административная юстиция. Последняя уходит своими корнями в средневековую дореволюционную Францию. В то же

время после Великой французской революции, в начале XIX в., государственный совет и советы префектур приобретают судебные функции. С XIX в. существование особого административного права базируется на понятии публичной службы, действующей во имя всеобщего интереса. При этом в последние годы отказываются от жесткого противопоставления административных служб и коммерческой деятельности, допуская, что коммерческая организация может оказывать публичные услуги или что она может осуществлять публично-частное партнерство [10]. Таким образом, объективно возрастает значимость административной юстиции в лице ее 36 административных трибуналов, шести административных апелляционных судов и государственного совета как вершины административной судебной пирамиды¹.

Для США изначально характерен плюрализм систем права и судебных систем, завязанный на двух уровнях – федеральном и штатном. Это создает серьезные проблемы с подсудностью и необходимостью координации деятельности судов. Выручает в данном случае американцев возможность широкого толкования конституции, что отчасти гармонизирует конфликт не только между двумя уровнями судебных органов, но и между статутным и прецедентным правом.

В России модернизация судебной системы осуществлялась достаточно медленно. Реформы Петра I создали новые виды судов и попытались подчинить их власти сената. Однако в дальнейшем централизаторский импульс не получил развития, и даже в пореформенное время окончательной централизации судебной системы так и не произошло. Зато в советское время получила развитие суперцентрализация, когда систему общегражданских судов лишь частично достраивали военные и арбитражные суды. В нынешнем своем виде система обогатилась благодаря укреплению арбитражных судов и экспериментам с конституционно-уставными судами, которые, как нам представляется, являются ненужным звеном и не получают своего дальнейшего развития. В то же время централизирующе-координирующую роль способен выполнить созданный в 1991 г. Конституционный суд РФ, который для своей эффективной работы вовсе не нуждается в наличии какого-либо подчиненного суда в лице конституционных судов субъектов РФ. Хотя в 56 субъектах РФ конституциями (уставами) предусматривается возможность сформировать подобные суды, по данным на начало 2006 г., они реально действуют лишь в 14 субъектах Федерации [11], причем имеют разную организационную структуру [12].

Сторонники повсеместного создания конституционных (уставных) судов в субъектах РФ полагают, что власти не спешат с кардинальным решением данного вопроса, потому что они опасаются, что эти суды «окажутся легальным прикрытием регионального сепаратизма» [13].

Выдвигается множество предложений, как усовершенствовать российскую судебную систему, в частности раздаются голоса сторонников организации административной юстиции. Звучат «требования о создании особых, ювенальных, судов, а также трудовых и налоговых судебных органов. Однако все эти предложения по большей части исходят из чисто внешнего подражания зарубежному опыту при отсутствии анализа генезиса этого опыта и его

---

¹ На фоне этих цифр общегражданская юстиция выглядит намного солиднее. В стране действует 3300 мировых судов, 470 трибуналов малой инстанции и 181 трибунал большой инстанции, 30 апелляционных судов во главе с Кассационным судом.

приемлемости для России. Между тем повторимся: административная юстиция французского образца – это явление, логично адаптированное к французской государственной модели, обособление государственной власти, которая сама же себя и проверяет с помощью специализированных судебных органов. Использование ювенальных судов практикуется не в одной стране, однако что-либо позитивного об этом опыте сказать трудно. По-видимому, такие суды нужны, но не в виде отдельной судебной ветви, а в лице специализированных палат в рамках общегражданских судов, начиная с судов определенного уровня (например, судов субъектов РФ).

Определенное внимание заслуживает мировая юстиция. Ее учреждение – это шаг в правильном направлении, соответствующий общемировой тенденции повышения доступности судов для населения. Например, во Франции мировые суды были вначале упразднены, а затем установлены согласно закону 2005 г. Создание доступных судов должно завершиться в 2008 г. Они должны состоять из судебных работников на пенсии или бывших юристов.

Вообще, нагрузка на суды в различных странах мира весьма неодинакова. Есть благополучные европейские страны, где на одного судью приходится 150–300 дел в год. В странах же Латинской Америки судьям приходится рассматривать по несколько тысяч дел в год.

Неоднозначным является и участие непрофессионалов в судебных процедурах в лице присяжных заседателей. Этот механизм относится к раннему средневековью, однако наиболее четкое развитие он получает в Англии, а затем в США. Однако, если Англия существенно ограничила его использование уже в первом десятилетии XX в., то для США институт присяжных является частью конституционно-политической традиции и даже американской идеологии. О степени демократичности тех или иных государств американцы пытаются судить, исходя из наличия или отсутствия этого института, хотя на самом деле он не может являться индикатором демократизма, а скорее, представляет собой специфичное, чисто американское явление. В нашей стране с участием присяжных рассматривается чуть более шестисот дел в год (т.е. сотая доля процента), и это число следует признать оптимальным, поскольку в специфических условиях России нельзя гарантировать отсутствие давления на присяжных как со стороны преступного мира, так и со стороны бюрократии.

Еще одна немаловажная проблема – единообразие правосудия. К сожалению, у нас в стране общегражданские и арбитражные суды используют различные процедуры, касается ли это вопроса о сочетании единоличного и коллегиального подхода к рассмотрению дел, правил разрешения коллизий между Конституцией и федеральными законами, участия прокурора в процессе или правил вступления решений судов в законную силу, постановлений в порядке надзора и т.д. [14].

В целом российская судебная система, обслуживаемая свыше 23 тыс. федеральных судей, достаточна по своим параметрам с ее 2479 районными и 89 областными судами, возглавляемыми Верховным Судом РФ. 6,5 тысяч судебных участков мировых судей максимально приближены к населению¹. И в то же время возникают вопросы по поводу разбухания системы арбитражных судов, имеющей громоздкую четырехзвенную структуру: спрашива-

¹ Данные по состоянию на 1 января 2005 г.

ется, нужны ли занимающие в этой структуре срединное положение 20 апелляционных судов и 10 окружных арбитражных судов при 89 судах первой инстанции в субъектах РФ и Высшем арбитражном суде?!

Список литературы

1. **Шлезингер, А. М.** Циклы американской истории / А. М. Шлезингер. – М., 1992.
2. Конституционный контроль в зарубежных странах / отв. ред. В. В. Маклаков. – М., 2007.
3. **Нудель, М. А.** Конституционный контроль в капиталистических государствах / М. А. Нудель. – М., 1968. – С. 5, 16–34.
4. **Клишас, А. А.** Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас. – М., 2007. – С. 225, 217.
5. **Руднев, В.** Первый среди равных / В. Руднев // Российская юстиция. – 2001. – № 10.
6. **Марченко, М. Н.** Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. – М., 2006. – С. 230.
7. Legal Systems of the World Apolitical, Social and Cultural Encyclopedia / Ed. Н. М. Kritzer. – N.Y., 1983. – Vol. III. – P. 1213–1214.
8. Правовые системы стран мира : энциклопедический справочник / отв. ред. А. Ю. Сухарев. – М., 2003. – С. 194.
9. **Могунова, М. А.** Государственное право в Финляндии / М. А. Могунова. – М., 2005. – С. 301–302.
10. **Талапина, Э. В.** Административное право Франции сегодня / Э. В. Талапина // Ежегодник сравнительного правоведения. 2004 год. – М., 2005. – С. 138–142.
11. **Витрук, Н. В.** Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс / Н. В. Витрук. – М., 2005. – С. 465–467.
12. **Харитонова, Н. Н.** Модели судебного конституционного контроля и опыт Российской Федерации / Н. Н. Харитонова // Право и политика. – 2005. – № 10. – С. 56–58.
13. **Кокотова, А. Н.** Проблемы совершенствования региональной конституционной юстиции / А. Н. Кокотова // Конституции России 10 лет: опыт реализации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2003. – С. 117.
14. **Жуйков, В. М.** Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В. М. Жуйков // Судебная реформа в прошлом и настоящем. – М., 2007. – С. 26–28.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
политологии и основ права,
руководитель Центра сравнительного
правоведения и социально-правового
мониторинга Пензенского
государственного университета,
действительный член
Академии политической науки

Salomatin Alexey Yurievich

Doctor of Laws, Doctor of History,
professor, head of sub-department
of political science and basic law,
director of the Centre of comparative
jurisprudence and social-judicial
monitoring in Penza State University,
fellow of the Political science Academy

УДК 340.1;321.01

Саломатин, А. Ю.

Судебная власть в конституционно-политическом механизме пост-модернизирующегося государства (сравнительно-правовой очерк) / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 78–85.

ГРАЖДАНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье раскрывается один из аспектов проблемы милитаризации современной политики. Рассматриваются предпосылки и причины возникновения так называемого «гражданского милитаризма» как одного из последствий «холодной войны». Указывается на опасность неконтролируемого распространения принципов, методов и технологий воинского искусства за пределами военной организации государства.

Ключевые слова: актер, война, гражданский милитаризм, государство, гражданское общество, военная организация, милитаризм, милитаризация, мировой терроризм, политический процесс.

Abstract. The article gives evidence to one of the aspects of the problem of militarization of modern politics. Preconditions and reasons of the rise of the so-called “civil militarism” as one of the consequences of the “cold war” are considered. The author points at the danger of uncontrollable distribution of principles, methods and technologies of military art outside the military organization of the state.

Keywords: the actor, war, civil militarism, the state, civil society, military organization, militarism, militarization, world terrorism, political process.

Современный научный дискурс, реализуемый в рамках гуманитарного знания, отличается наличием достаточно противоречивых трактовок такого явления, как милитаризация общественных отношений. Традиционные подходы, укоренившиеся в исследовательском сообществе, сводятся к пониманию сущности милитаризма в нескольких смысловых значениях – как определенной идеологической доктрины, как политического режима или разновидности государственного строя, как мировоззрения и образа жизни [1].

Среди общественного сознания милитаризм, в частности, может проявляться в идеализации воинской службы, преувеличенных ожиданиях, связанных с результатами применения военных методов, приемов или технологий, оценке силы и благосостояния нации в терминах боевой готовности. Зарубежные исследователи еще полвека назад полагали, что среди истеблишмента демократических государств под влиянием атмосферы «холодной войны» сформировалась методология военного измерения и решения актуальных проблем современного мира – так называемая «военная метафизика» [2].

Отличительной особенностью «холодной войны» признается ее проведение преимущественно косвенными методами – с помощью так называемых «непрямых действий» [3]. После ее окончания имело место сохранение огромного военного потенциала как победившей стороны, так и участников противостояния, потерпевших фактическое поражение. Военные организации стран НАТО не понесли материального или демографического урона, что ранее было неизбежной платой за победу в традиционных войнах. В странах «восточного блока» вследствие беспрецедентного демонтажа вооруженных сил и военно-промышленного комплекса возникли предпосылки для стихийного проникновения методов и практик милитаристского содержания в сферу общественно-политических отношений.

В России, традиционно и по праву гордящейся своим героическим военным прошлым, на протяжении 1990-х гг. происходила всеобъемлющая демилитаризация, несовместимая со статусом великой державы, формально не потерпевшей поражения в открытом вооруженном столкновении. В связи с этим становятся понятны некоторые черты в сознании наших современников: по данным социологических опросов, в 1998 г. 76 % респондентов высказывались за приоритетное значение военной мощи для сохранения статуса России как великой державы, а после интервенции НАТО против Югославии их количество достигло 86 %, в 2001 г. 51,6 % опрошенных указывали на необходимость увеличения финансирования армии и военных разработок [4].

Особую остроту проблеме милитаризации современного социума придает расширение спектра значимых акторов военно-политических отношений, которые возникают ввиду невозможности институтов публичной власти в полном объеме контролировать активность своих граждан и общественных организаций в системе мировых связей и коммуникаций. При этом совершенно различные субъекты становятся практически равнозначными в процессе реального военно-политического столкновения. К ним принято относить: государства и их объединения, ведущие корпоративные структуры национального или транснационального масштаба, функционирующие в глобальном пространстве, негосударственные субъекты, действующие вне глобального рынка [5].

В настоящее время в науке все более утверждается точка зрения, согласно которой милитаризация – это не только комплекс мероприятий, призванных подготовить общество к предстоящей войне. По мнению, находящему все больше сторонников, данный процесс предполагает не только собственно военные приготовления, но и трансформацию политической системы и общественного сознания с учетом военных интересов [6].

Основной причиной этого, на наш взгляд, является исторический опыт социально-политического развития, когда именно проблематика обеспечения обороноспособности и национальной безопасности являлась приоритетной в деятельности институтов публичной власти и связанных с ними интеллектуальных и культурных элит. В результате в ряде стран в общественном сознании сформировался воинственный дух, в той или иной степени определяющий характер жизнедеятельности отдельных сегментов социальной структуры либо всей нации в целом [7].

В конце XX в. стало все более изменяться толкование источника и субъекта процесса милитаризации, которых предлагается не отождествлять исключительно с армией, военно-промышленным комплексом, корпоративными группами военных. Так, А. Панарин констатировал, что в постиндустриальном мире имеет место трансформация милитаристских проявлений: с государственного уровня, где они находят концентрированное воплощение в деятельности и мировоззренческих установках профессиональных военнослужащих и близких к ним социальных групп, методы и технологии военного происхождения проникают на уровень жизнедеятельности гражданского общества [8].

Предпосылкой описываемого явления признается трансформация разрозненных очагов вооруженного насилия, когда военное дело и воинское искусство охватывают известные геостратегические территории, проявляясь во всех физических пространствах и сферах жизнедеятельности [9]. На осно-

ве взглядов Е. Мессенера сформировалось понятие «полувойны» – такого состояния действительности, где отсутствует четкая грань между боевыми действиями и мирным существованием [10].

Тенденция устранения принципиального различия между военными и невоенными формами политического противостояния имеет давнюю историю. Общественные отношения в результате могут преподноситься в виде перманентного, тотального конфликта, в котором применяются многообразные формы и наиболее жестокие средства борьбы. В итоге морально-нравственные и юридические оценки этих форм и средств политического соперничества нивелируются во всеобщем противоборстве между противниками.

В результате слияния гражданской и военной сфер общественного бытия способно возникнуть специфическое состояние социума, характеризующееся распространением опыта насилия и отличающееся высокой степенью внутренней воинственности, – так называемый «гражданский милитаризм». Зарубежные исследователи определяют его как «...безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений» [11]. Данный феномен формируется во многом как следствие приложения усилий партикулярных политических элит, предпочитающих военные соображения всем иным, в силу чего «гражданские милитаристы» склонны игнорировать принципы легальной политики.

По нашему мнению, именно с их стороны следует ожидать действия, направленные на ремилитаризацию государства и общества в условиях эрозии этатистских военных ориентаций, характерной для начала XXI столетия. Подобный «гражданский милитаризм» характерен для политической истории многих государств, отличных по своему государственному строю и официальной идеологии.

Милитаризацию политики, видимо, не следует однозначно трактовать как результат доминирования армии или корпоративных групп военных; источником данного явления с полным основанием следует признать и сообщество гражданских политических деятелей. В связи с этим современный милитаризм, в отличие от милитаризма традиционного, выступает не столько в этатистской форме, сколько в институциональных проявлениях партикулярного общества.

Среди основных характеристик гражданского милитаризма целесообразно выделить превалирование в массовом сознании образа реального противника и предощущение непримиримого противостояния с ним. В связи с этим легальное применение оружия и других средств насилия как со стороны институтов государственной власти, так и со стороны субъектов негосударственного происхождения замещается неформальным противоборством между акторами, претендующими на доминирование в области политических отношений. Реальностью политического процесса выступают так называемые экономические, торговые, информационные, психологические и иные войны [12].

«Войны без оружия» как наиболее изощренные формы милитаризации не имеют четко очерченных юридических и хронологических границ, представляя собой комплекс мероприятий, который реализуется постоянно, как в мирное, так и в военное время, начинаясь задолго до объявления войны и продолжаясь после прекращения боевых действий либо полностью подменяя таковые. На рубеже XX–XXI вв. методология «войн без оружия» все в боль-

шей степени стала превращаться в достояние негосударственных субъектов политических отношений [13].

В связи с вышесказанным немаловажное значение приобретает такой феномен, как «моральный эквивалент войны». Данная дефиниция впервые была предложена американским мыслителем Уильямом Джеймсом в 1910 г. [14, с. 236]. Ее содержание может быть сведено к искусственной фабрикация разного рода чрезвычайных ситуаций и абсолютизации экстремальных условий с целью достижения мобилизационного состояния гражданского общества. При этом может практиковаться ограничение прав и свобод индивидов в пользу интересов и замыслов влиятельных акторов политики. К «моральным эквивалентам» вооруженного насилия относят такие процессы, как войны с бедностью, наркотиками, неграмотностью, беспризорностью и тому подобными асоциальными явлениями, искоренение которых требует концентрации общественных ресурсов и высокой степени организованности государства и социума.

Сторонники либерализма настаивают на контрпродуктивном характере «моральных эквивалентов войны» ввиду чрезмерного расширения объема компетенции и полномочий государственной власти, достигаемого в этот период. Особенную опасность может представлять неограниченный временной период, в ходе которого осуществляется интенсивное противодействие анти-социальным проявлениям. Ввиду этого апологеты укрепления авторитарных начал в государственном управлении получают дополнительные аргументы в пользу усиления этатизации современных социумов [14, с. 238].

Среди властвующих элит сознается необходимость использования кадрового потенциала армии, принципов, технологий военного происхождения для внутренних потребностей. Многие представители правящей бюрократии предлагают обратить арсенал «военных возможностей» на решение первостепенных политических и социальных проблем, например на оптимизацию процесса социализации молодых поколений посредством внедрения идеологически приемлемых поведенческих моделей. Предполагается, что воспитанные на преодолении экстремальных ситуаций, дисциплинированные молодые люди способны стимулировать гражданскую активность молодежи и общества в целом, где моральный климат в значительной мере подорван благодаря деструктивному влиянию ценностей массовой культуры.

По мнению зарубежных обществоведов, угроза «мирового терроризма» может привести к возможной самоизоляции Запада и отказу от незыблемости гражданских прав. Западную Европу и США ожидает состояние «осажденной крепости», «военного лагеря» в связи с защитой западной цивилизации от несанкционированных вторжений со стороны «третьего мира». Эта тенденция может привести к доминированию государственного авторитаризма, когда во внешней сфере идет приспособление к потребностям мирового рынка, а внутри страны господствует управленческая парадигма милитаристского происхождения [15].

В частности, в ряде демократических государств выдвигаются идеи разработки программ организации национальных гражданских служб, функционирующих вне структуры военной организации государства, но с использованием некоторых принципов военного строительства. Целью подобных усилий признается упрочение социальной базы правящего режима, увеличение степени его легитимности и уровня поддержки государственных инициа-

тив. Например, в США все более распространяется практика формирования военизированных зонтичных организаций, в которые вовлекаются миллионы волонтеров для участия в различных общественных работах и несения добровольческой службы как в масштабах страны, так и за ее рубежами. Присутствие определенного милитаристского начала в предназначении этих, на первый взгляд, гражданских структур доказывается наличием военной терминологии («армия», «корпус», «легион»), иерархии и атрибутики, а также их функциональным предназначением.

Крупнейшими из указанных структур должны стать Корпус свободы США, организованный по инициативе администрации президента, а также Корпорация национальной общественной службы (КНОС), созданная Конгрессом США. Данные учреждения координируют деятельность двух миллионов волонтеров в рамках *Американского корпуса, Корпуса пенсионеров* (или *людей пожилого возраста*) и программы «Учись и служи, Америка».

Особую группу составляют военизированные гражданские организации, предназначенные для продвижения американских интересов в зарубежных странах, представляющие собой аппарат советников и контролеров, нацеленный на упрочение американской гегемонии в странах-сателлитах: *Армия спасения, Корпус быстрого реагирования, Резервный корпус переводчиков (Гражданский корпус лингвистов запаса)*.

Подводя итог, следует указать, что толкование сущности современного гражданского милитаризма специфично, основано на стирании юридических, идеологических и психологических рубежей между политикой и войной, войной и миром, между вооруженными и всеми другими способами и средствами борьбы. Наличие практики спорадического распространения военных принципов и технологий за пределами военной организации государства может способствовать попыткам нарушения правопорядка и политической стабильности со стороны политических сил экстремистской направленности. Одной из задач отечественного гуманитарного знания должен стать поиск адекватных форм и механизмов противодействия милитаристским проявлениям внутреннего и внешнего происхождения.

Список литературы

1. **Курочкин, Ю. С.** Экономическая война / Ю. С. Курочкин. – Новосибирск, 2001. – С. 73
2. **Миллс, Р.** Властвующая элита / Р. Миллс. – М., 1959. – С. 143.
3. **Лиддел-Гардт, Б.-Х.** Стратегия непрямых действий / Б.-Х. Лиддел-Гардт. – М., 1957.
4. **Зудин, А. Ю.** Традиционализация и ускорение политических инноваций: к постановке проблемы / А. Ю. Зудин // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 4.
5. **Марков, Н.** Факторы формирования военно-политической обстановки в мире в XXI в. / Н. Марков // *Зарубежное военное обозрение*. – 2005. – № 1.
6. **Никонова, Ю.** Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период / Ю. Никонова // *Человек и война – война как явление культуры* / под ред. И. В. Наресова и О. Ю. Никоновой. – М. : АИФО-XX, 2001. – С. 376–377.
7. **Крашенинникова, В.** Америка – Россия : холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / В. Крашенинникова. – М : Европа, 2007. – С. 165.
8. **Панарин, А. С.** Агенты Глобализма / А. С. Панарин // *Москва*. – 2000. – № 1. – С. 11

9. **Требин, М. П.** Войны XXI века / М. П. Требин. – Минск : Харвест, 2005. – С. 229.
10. **Месснер, Е.** Всемирная мятежевойна / Е. Месснер. – М. : Вече, 2004. – С. 135.
11. **Гольц, А.** Бремя милитаризма / А. Гольц // Отечественные записки. – 2005. – № 5. – С. 55–66.
12. **Панарин, И. Н.** Информационная война и дипломатия / И. Н. Панарин. – Нижний Новгород : Городец, 2004. – С. 154–155.
13. **Лисичкин, В. А.** Третья мировая информационно-психологическая война / В. А. Лисичкин, В. Н. Шелепин. – М., 1999. – С. 67.
14. **Боуз, Д.** Либертарианство: история, принципы, политика : пер. с англ. / Д. Боуз ; под ред. А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2004.
15. **Бек, У.** Политическая динамика в глобальном обществе риска / У. Бек // Международная экономика и международные отношения. – 2002. – № 5. – С. 10–19.

Цыбаков Дмитрий Леонидович

кандидат политических наук, доцент,
кафедра политологии, государственного
и муниципального управления,
Орловская региональная академия
государственной службы

Tsibakov Dmitriy Leonidovich

Candidate of political sciences,
associate professor,
sub-department of political science,
public and municipal administration,
Orel Regional Academy of Public Service

E-mail: politgmu@mail.ru

УДК 329.75

Цыбаков, Д. Л.

Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе / Д. Л. Цыбаков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 86–91.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Аннотация. В рамках обозначенной проблемы рассмотрена специфика классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ, установлен объем понятия «правовая позиция Конституционного Суда РФ», выявлены отдельные спорные моменты, а также проиллюстрированы наиболее яркие примеры классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: правовые позиции, конституционный суд, законность, конституционный контроль, классификация, толкование, интерпретация, решение.

Abstract. Within the limits of the designated problem specificity of classification of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation is considered, the volume of the notion «the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation» is established, separate points at issue are revealed, and also the most vivid examples of classification of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are given.

Keywords: legal positions, the Constitutional Court, legality, constitutional control, classification, interpretation, decision.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ – это результат государственно-властной деятельности органа судебного конституционного контроля по толкованию Конституции РФ и выявлению конституционного смысла иных нормативных правовых актов, носящих обязательный и устойчивый характер.

Проблема классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ является на сегодняшний день весьма актуальной и затрагивается в научных работах многих российских конституционалистов, которые исследуют данное правовое явление.

Обратимся непосредственно к научным источникам. Н. В. Витрук представляет возможным разделение правовых позиций Конституционного Суда РФ на два основных вида:

- 1) высказанные в результате непосредственного официального толкования Конституции РФ и решения споров о компетенции на ее основе;
- 2) являющиеся результатом раскрытия (истолкования) конституционного смысла положений отраслевого законодательства.

По мнению исследователя, правовые позиции могут быть классифицированы и по другим основаниям: по объекту разрешения конституционно-правовой проблемы (касаются ли они понятий, принципов, норм, институтов); по характеру предмета регулирования (материально-правовые и процессуально-правовые); по сферам общественных отношений (правовые позиции в области прав и свобод человека и гражданина, федерализма, местного самоуправления и т.д.) [1].

Г. А. Гаджиев подразделяет правовые позиции на позиции из толкования конституционных норм и позиции из конституционного толкования нормативных актов. Особая разновидность правовой позиции, по его мнению, – позиция по интерпретации Конституционным Судом РФ общих принципов

права. Позиции при толковании конституционных норм, в свою очередь, классифицируются Г. А. Гаджиевым на относящиеся:

- 1) к истолкованию норм-принципов, составляющих основы конституционного строя Российской Федерации (гл. I Конституции РФ);
- 2) к пониманию общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ);
- 3) к иным конституционным нормам [2, с. 8].

М. С. Саликов полагает, что правовые позиции следует дифференцировать следующим образом: правовые позиции, содержащиеся в постановлениях по делам о толковании положений Конституции РФ; правовые позиции, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности нормативных актов и договоров; правовые позиции, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ по делам о разрешении споров о компетенции [3].

В. В. Бриксон выделяет основные правовые позиции Конституционного Суда РФ, не являющиеся, по сути, интерпретационными положениями и представляющие собой выводы о конституционности либо неконституционности объектов судебного конституционного контроля. Интерпретационные правовые позиции, в свою очередь, подразделяются им на три группы в зависимости от функциональной зависимости:

- 1) содержащие толкование норм Конституции РФ как критериев конституционности;
- 2) содержащие толкование юридических актов как объектов федерального конституционного контроля;
- 3) содержащие толкование юридических актов, регламентирующих порядок осуществления судебного конституционного контроля [4].

Рассматривая проблемы правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов РФ, В. А. Кряжков выделяет следующие их виды:

- 1) по результатам действий суда: связанные с официальным толкованием конституции (устава); связанные с проверкой конституционности законов и других правовых актов субъекта Федерации;
- 2) по отраслям права: в сфере конституционного, административного, трудового, жилищного, земельного права и некоторых других (за исключением тех, которые в соответствии со ст. 71 Конституции РФ составляют предмет федерального ведения);
- 3) по сферам общественных отношений: касающиеся защиты прав и свобод граждан; касающиеся организации государственной власти; касающиеся местного самоуправления и т.д. [5].

Новизна проблемы классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ для российского конституционного права определяет выявление в ее рамках отдельных спорных моментов. Так, например, в разряд дискуссионных попала точка зрения о существовании правовых позиций, которые прямо не выражены в тексте решения Конституционного Суда РФ и не сформулированы должным образом. Б. А. Страшун называет их «подразумеваемыми правовыми позициями» и не подвергает сомнению их обязательность, «поскольку к данной конкретной ситуации она (правовая позиция) применима» [6]. Похожее предположение высказано Л. В. Лазаревым, который утверждает, что не всегда правовая позиция явно выражена в тексте решения, она может незримо присутствовать, быть растворенной в нем [7].

Анализ текстов решений Конституционного Суда РФ показывает, что конкретные примеры «подразумеваемой» правовой позиции имеют место в практике конституционного правосудия, хотя и довольно редко. Смысл «скрытой» правовой позиции иногда может быть понятен лишь после прочтения решения Конституционного Суда РФ целиком. Представляется, что практика вынесения решений, содержащих «подразумеваемые правовые позиции», нецелесообразна. Конституционный Суд РФ должен в любом случае ясно и четко их формулировать, а в противном случае может потребоваться разъяснение его решений.

Выделяя различные виды правовых позиций Конституционного Суда РФ, следует руководствоваться общими правилами классификации.

Под классификацией принято понимать, с одной стороны, логическую операцию, состоящую в разделении всего изучаемого множества предметов по обнаруженным сходствам и различиям на отдельные группы, а с другой – результат процесса логической операции разделения множества явлений по определенному критерию (критериям) – систему соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, используемую как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов. При этом признак, по которому производится разделение определенного множества объектов (предметов, явлений) на классы (группы), в логике принято называть основанием деления [8].

Логически правильное деление должно соответствовать определенным требованиям:

- 1) быть исчерпывающим;
- 2) оставаться неизменным на протяжении всего процесса дробления;
- 3) быть непрерывным;
- 4) члены (элементы) деления должны исключать друг друга [9].

Различают естественные классификации, основания которых – это существенные признаки объектов, и вспомогательные классификации, в которых используются несущественные признаки. Из приведенных выше точек зрения ученых-конституционалистов следует, что основным критерием, используемым авторами в качестве основания выделения видов правовых позиций, является вид объекта интерпретации – Конституция РФ или отраслевое законодательство и иные нормативные акты, проверка конституционности которых входит в компетенцию Конституционного Суда РФ. Как представляется, существенная разница между правовыми позициями проявляется в иной области – в их содержательной направленности.

В зависимости от содержания правовые позиции принято подразделять на позиции материальные и процессуальные. Такое разделение присутствует в работах многих ученых, рассматривающих проблемы данного правового феномена. Впервые процессуальная правовая позиция, отличающаяся от собственно правовой позиции, была выделена Г. А. Гаджиевым [2, с. 6]. В книге В. А. Кряжкова и Л. В. Лазарева говорится о правовых позициях материально-правового свойства и правовых позициях по процессуальным вопросам [10]. Вместе с тем до настоящего времени ни в одной научной работе нет определения ни материальным, ни процессуальным правовым позициям, не дается их развернутая характеристика и соотношение между собой.

Классификация правовых позиций в зависимости от их содержания обусловлена неразрывной связью правовой позиции с правом в целом, в чем

выражается ее объективная сторона. Смысл понятий «материальная правовая позиция» и «процессуальная правовая позиция» близок к делению права на материальное и процессуальное, хотя и не тождественен ему. Из теории государства и права следует, что материальное право составляют нормы, регулирующие содержательную сторону общественных отношений, складывающиеся, например, в связи с владением, пользованием, распоряжением имуществом и т.д. [11]. Процессуальное право представляет собой совокупность норм, регулирующих юрисдикционную и иную охранительную деятельность специально уполномоченных государством органов [12]. Они определяют порядок разрешения споров, конфликтов, расследования и судебного рассмотрения, т.е. регламентируют процедурные или организационные вопросы.

В конституционном правосудии под материальной правовой позицией понимается позиция, которая выносится в результате интерпретации Конституционным Судом РФ Конституции РФ и любого предмета конституционного контроля федерального или регионального уровня и непосредственно связана с итоговым выводом Конституционного Суда РФ по существу рассматриваемого дела. Процессуальные правовые позиции, в свою очередь, не объединяются с выводами Конституционного Суда РФ о конституционности или неконституционности объектов контроля. Они определяют движение дела в конституционном судебном процессе, порядок деятельности Конституционного Суда РФ, касаются иных процедур конституционного судопроизводства.

В рамках материальных правовых позиций возможно выделение подвидов, критерием разграничения которых могут стать различные аспекты объекта конституционно-правовой интерпретации. В зависимости от вида объекта интерпретации существуют правовые позиции по толкованию Конституции РФ и конституционного смысла иных нормативных правовых актов. В зависимости от уровня объекта интерпретации, обусловленного федеративной формой государственного устройства России, выделяют правовые позиции в отношении федерального законодательства и законодательства субъекта РФ. В зависимости от предметной направленности исследуемых положений объекта интерпретации различаются правовые позиции по отраслям законодательства – гражданского, уголовного, трудового, гражданского процессуального, уголовно-процессуального и др.

Дальнейшая классификация процессуальных правовых позиций обусловливается положениями Федерального закона «О Конституционном Суде РФ» и логикой конституционного судопроизводства. В зависимости от предметной направленности можно выделить правовые позиции по общим вопросам конституционного судопроизводства; правовые позиции по вопросам подведомственности дел Конституционному Суду РФ; правовые позиции по вопросам допустимости обращений в Конституционный Суд РФ; правовые позиции по вопросам толкования Конституционным Судом РФ собственных решений.

Таким образом, классификация, основанная на логических правилах, служит гносеологической задаче установления объема родового понятия «правовая позиция Конституционного Суда РФ». В него включаются понятия «правовая позиция Конституционного Суда материального характера» и «правовая позиция Конституционного Суда РФ процессуального характера».

Помимо определения объема понятия «правовая позиция Конституционного Суда РФ», логическая операция классификации способствует систе-

матизации позиций Конституционного Суда РФ по приведенным основаниям, что обеспечивает более удобное их использование в практической и научной деятельности.

Список литературы

1. **Витрук, Н. В.** Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н. В. Витрук // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 96.
2. **Гаджиев, Г. А.** Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Г. А. Гаджиев // Северо-кавказский юридический вестник. – 1997. – № 3.
3. Конституционный судебный процесс : учебник для вузов / отв. ред. М. С. Саликов. – М. : Норма, 2003. – С. 179.
4. **Бриксов, В. В.** Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как критерии конституционности объектов контроля / В. В. Бриксов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3. – С. 189.
5. **Кряжков, В. А.** Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика) / В. А. Кряжков. – М., 1999. – С. 111–112.
6. **Страшун, Б. А.** Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Б. А. Страшун // Конституционное правосудие. – 2002. – № 5. – С. 57 – 58.
7. **Лазарев, Л. В.** Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М., 2003. – С. 65.
8. Большая советская энциклопедия / под ред. Б. А. Введенского. – М., 1953. – Т. 21. – С. 363.
9. **Ивин, А. А.** Логика для юристов / А. А. Ивин. – М., 2003. – С. 53.
10. **Кряжков, В. А.** Конституционная юстиция в Российской Федерации / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – М., 1998. – С. 246
11. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 1995. – С. 299.
12. **Лукьянова, Е. Г.** Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – М., 2003. – С. 5.

Горбачева Светлана Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра государственно-
правовых дисциплин,
Нижегородская правовая академия
(институт)

Gorbacheva Svetlana Vyacheslavovna
Candidate of juridical sciences,
associate professor,
sub-department of state law disciplines,
N. Novgorod Law Institute

E-mail: svetlana-g80@rambler.ru

УДК 342
Горбачева, С. В.
Проблема классификации правовых позиций Конституционного Суда РФ / С. В. Горбачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 92–96.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИТОГИ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. В статье представлены результаты исследований зарождения основ земского избирательного права в России в период подготовки и принятия положения «О губернских и уездных земских учреждениях» в 1864 г. Показано, что изучение правовых основ создания и функционирования земских органов актуально, поскольку имеет практическое значение для настоящих органов местного самоуправления.

Ключевые слова: избирательное право, местное управление, самоуправление, выборы, гласные, сословное представительство, земские учреждения, правительственные учреждения, гражданское общество, политические права.

Abstract. In the article researches results of elective district council universal suffrage bases formation are presented during the Statute preparation and adoption «About provincial and district elective council establishments» in 1864. Studying the creation and functioning elective district council bodies legal foundations is shown to be a vital topic as it has practical value for the present self – government institutions.

Keywords: universal suffrage, local government, self-government, public elections, class representation, elective district council establishments, civil society, political rights.

Особое место в развитии и укреплении российской государственности занимает местное самоуправление, являющееся одной из фундаментальных основ конституционного строя России. В последние годы интерес к истории местного самоуправления постепенно возрастает как в российской общественно-политической, так и в научной сфере. Изучение исторического опыта создания земского самоуправления представляется важным для развития современной системы местного самоуправления, а также может иметь неопределимое значение в юридической практике.

Следует отметить, что одной из малоизученных проблем в истории местного самоуправления является зарождение основ российского избирательного права в ходе подготовки и проведения Земской реформы 1864 г. и, как следствие, серьезная эволюция политической системы государства.

Современники пореформенного периода отмечали недостатки губернского управления, которые были настолько очевидны, что даже в дворянской среде почти открыто говорили о необходимости серьезных перемен. Министр внутренних дел С. С. Ланской доложил императору об оппозиционных настроениях по отношению к правительственному курсу значительной части дворянства. Его обращения к губернаторам, содержащие требования «усилить влияние на дела и лица, но вместе с тем сократить формальности и ограничения, их стесняющие, расширить размер власти в употреблении денежных средств на предметы общепольные и допустить другие облегчения, не нарушая общего порядка управления», должного эффекта не давали, было необходимо «полное переустройство государственного здания» [1, с. 14].

К началу реформ даже в крупных городах, по данным Министерства внутренних дел, органы самоуправления существовали только на бумаге.

Крупный историк и видный политический деятель того времени А. А. Корнилов довольно емко и точно охарактеризовал настроение общества того времени: «Либералы и консерваторы, демократы и крепостники, западники и славянофилы – все одинаково желали коренного изменения существовавшего административного строя. Одни желали, чтобы строй этот был реформирован по образцу западных европейских государств, взоры других обращались к русским старинным обычаям и порядкам; одним хотелось, чтобы реформа была совершена на аристократических принципах, другие, напротив, мечтали о преобразовании в более демократическом духе. Но все сходились, безусловно, в одном – в признании убыточности, вреда и полной непригодности бюрократической опеки, все искренно желали, чтобы преобразование системы управления совершилось на началах самоуправления общества. Идея самоуправления сделалась в это время самой популярной идеей. Введение самоуправления многим казалось тогда панацеей от всех зол...» [2].

Как отметила В. А. Нардова, «все законодательство в целом, весьма запутанное и неопределенное, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны, становилось тормозом в организации городского хозяйства» [3]. В итоге повсеместно выборные лица попадали в полную зависимость от губернской администрации. При этом даже дворянство на деле не могло иметь почти никакого влияния на местное управление, а голоса других сословий ничего не значили. По официальным справкам, направленным в МВД в период подготовки городской реформы, значилось, что представительных учреждений в городах нигде не существует, кроме вновь учрежденных в столицах и Одессе [4].

Идеологической основой для проведения Земской реформы 1864 г. стала общественно-хозяйственная теория самоуправления, наиболее яркими представителями которой в России были В. Н. Лешков и А. И. Васильчиков. Стержнем этой теории являлось утверждение, что в силу несовпадения интересов общества и государства местные органы имеют право на организацию местных дел, а правительственные учреждения должны заведовать только государственными делами.

Накануне и уже в ходе проведения Великих реформ развернулась сложная, полная противоречий борьба, во многом обуславливавшая непоследовательность и двойственность правительственного курса. Несмотря на очевидную сложность проблемы, авторы реформы все же сумели посредством норм избирательного законодательства решить двуединую задачу: создать широкую социальную опору для органов местного самоуправления и одновременно с этим обеспечить преобладание в них местного дворянства. Представляется вполне справедливой мысль о том, что законодатель, с одной стороны, расчетливо использовал «естественную неподготовленность только что освобожденного от крепостной зависимости крестьянского сословия к принятию решений, относимых к ведению земских учреждений», с другой – действительно озаботился созданием «благоприятного социального психологического фона» [5].

Следует признать, что оправдалось и предположение о том, что «с устранением повода к подозрению сами крестьяне большую часть гласных будут избирать из местных землевладельцев уже потому, что не найдут на местах других лиц, способных быть с пользой для избирателей, представлять их в земских собраниях. Избранные крестьянами землевладельцы вместе с глас-

ными, избранными самими землевладельцами, будут составлять неминуемо большинство сих Собраний». Действительно, выбор кандидатов в гласные из крестьянской среды оказался невелик. Одной из причин явилась их массовая безграмотность. Так, весьма показательными и типичными в этом плане являются данные по Костромской губернии. К началу реформ на всю губернию здесь имелось 253 школы. Соотношение учеников к числу жителей по уездам колебалось от 1 на 100 до 1 на 254 человека. Общая грамотность составляла всего лишь около 16 % [1, с. 57]. Поэтому при широком представительстве всех слоев населения в земских учреждениях России ядро составляли дворяне. Необходимо признать, что их преобладание в земствах обуславливалось не только особенностями земского избирательного законодательства, но и опытом общественной и политической деятельности. Следует согласиться с Б. Б. Веселовским, утверждавшим, что преобладание дворян в земствах обеспечивалось «благодаря более высокому уровню» их «общественного развития» [6].

Таким образом, нужно заметить, что при всей прогрессивности земской избирательной системы 1864 г., связанной с введением «выборного начала» для основных социальных групп, она практически гарантировала правительственный контроль над волеизъявлением населения, оказывала формирующее воздействие на состав земских собраний, гласные которых составляли «политический класс» российского общества.

В конечном итоге такая противоречивость не могла не сказаться на характере реформ в целом и на содержании принятого избирательного законодательства в частности. Представляется, что изучение позиций различных доминирующих политических группировок, имевших возможность реально влиять на ход подготовки законопроектов, будет способствовать уяснению логики законодателя и позволит глубже понять содержание формировавшегося избирательного законодательства.

Нужно иметь в виду, что необходимость законодательного обеспечения крестьянского представительства в земских органах всем была очевидна изначально. Проблема, однако, заключалась в том, что содержание будущего избирательного законодательства определяло качество земского представительства, т.е. соотношение различных слоев населения в органах местного самоуправления.

В связи с вышесказанным следует согласиться с тем, что «земство явилось не в виде уступки каким-то мечтательным либеральным требованиям, а как следствие осознанной правительством необходимости». Историческое развитие страны объективно вело к появлению органов местного самоуправления, в том числе и потому, что к началу проведения земской реформы российское общество стояло преимущественно на либеральных позициях, осознавало неотвратимость введения органов местного самоуправления на принципах выборности, всесословности, демократичности и определенной независимости от центральной власти. Эту же точку зрения разделяли видные представители правительственной бюрократии. К тому же уже имелись реальные завершённые и даже апробированные проекты преобразований, в той или иной мере закладывающие основы избирательного права России.

В мае 1863 г. проект Положения о земских учреждениях был представлен в Государственный совет, где в течение нескольких месяцев тщательно изучался специалистами по местному управлению. Главной целью принятия

этого нормативного акта, как отмечалось в преамбуле, являлась необходимость «...призвать к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных пользы нужд каждой губернии и каждого уезда, местное их население посредством избираемого от онаго лица» [7]. Важно отметить, что законодательство периода реформы 1864 г. впервые в истории Российского государства создавало реальные органы местного самоуправления.

Анализ результатов Земской реформы 1864 г. позволяет по-новому взглянуть на истинные причины последовавших изменений избирательного законодательства, понять ход дальнейших событий. Крупное дворянство, вытесняемое с политической сцены, особенно его реакционная часть, в новых политических условиях сумело подготовить и осуществить реванш.

Анализ состава земских гласных показывает серьезный недостаток, заложенный в самих нормах избирательного права. Дело в том, что в большинстве своем интеллигенция была лишена избирательных прав, поскольку по своему материальному положению не относилась к категории собственников. Это не могло не сказываться на качестве органов местного самоуправления. А. В. Лохвицкий одним из первых указал на изъян в конструкции земских институтов, выразившийся в «недопущении к участию в них наряду с капиталом умственных сил... Такое исключение умственных сил из земских учреждений и предоставление их одной, притом высокой, поземельной собственности не оправдывается ни общими началами, ни ... местными обстоятельствами» [8]. Важно отметить, что состав земств был напрямую связан с их политической активностью.

Необходимо учитывать и то, что в рассматриваемый период земские учреждения функционировали еще вне системы государственных органов. Они в нее не были включены. Служба в них относилась к общественным обязанностям, гласные не получали оплаты за участие в работе земских собраний, а должностные лица земских управ не считались государственными служащими. Оплата их труда производилась из земских средств. Таким образом, как в административном, так и в финансовом отношении земские органы были отделены от государственных.

На двойственность положения земств обратил внимание барон П. Л. Корф. В «Вестнике Европы», посвященном их 25-летию, он писал: «Задачи, осуществляемые земством, имеют, большей частью, чисто-государственный характер, а между тем земство рассматривается как институт гражданского права, ставится на один уровень с частными товариществами или обществами» [9]. Исследователи истории земств отмечали, что это значительно ослабляло их властные функции, но одновременно обеспечивало большую политическую независимость, хозяйственную самостоятельность, демократизм деятельности [10–11].

Именно в этот период, в 70–80-е гг. XIX в., деятельность земств по отношению к правительству становится довольно оппозиционной. Не ограничиваясь только хозяйственными вопросами, они все чаще начинают выступать с требованиями политических преобразований, все отчетливее звучат требования предоставить «народу истинное самоуправление, неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати» [12]. Земства становятся центрами, где генерируются идеи демократизации избирательного законодательства, замены сословного представительства территориальным, расширения контингента избирателей, усовершенствования крестьянского

представительства. Эти идеи обретают реальное воплощение в сотнях земских ходатайств, поданных за первые 25 лет существования органов местного самоуправления.

Несмотря на значительные недостатки Земской реформы 1864 г., общественность в основной своей массе отнеслась к ней с одобрением. Современники отмечали, что «организация земского представительства, в общем, вполне удовлетворяла общественное мнение передовых кругов» [13]. Следует признать, что при всей осторожности и умеренности либеральных реформ Александра II ему принадлежит заслуга привития значительной части российского общества нового политического и муниципального сознания. Представляется вполне справедливым вывод о том, что «земства стали школой политического и нравственного воспитания для всех слоев российского общества». Население действительно стало осознавать свою гражданскую ответственность и значимость своего избирательного голоса, поэтому именно земские учреждения стали главной общественной опорой в борьбе за дальнейшие реформы.

Необходимо подчеркнуть, что с принятием Положения о земских учреждениях 1864 г. значительная часть населения страны обрела избирательные права. Значение этого факта трудно переоценить.

Местное самоуправление сегодня рассматривается как основополагающий принцип осуществления власти в современном государстве. И в соответствии с современными подходами «не может быть демократического государства без местного самоуправления. Именно здесь, на нижних этажах государственной пирамиды, государство становится «своим», доступным для каждого гражданина, поскольку строится на трех основаниях – самоорганизация, самодеятельность, самоответственность... Право гражданина на участие в решении вопросов местного самоуправления, его автономность по отношению к государственным органам являются необходимыми чертами демократического общества и признаны всеми государствами-членами Европейского Совета, который 15 октября 1985 г. принял Европейскую хартию местного самоуправления [14].

В силу вышесказанного можно с полной уверенностью говорить о том, что наличие избирательных прав является, по сути, конституционным признаком. Поэтому конституционный характер земского избирательного права сегодня не вызывает сомнения. Уместно вспомнить следующее положение: «Исходя из значения процессов воспроизводства публичной власти с использованием избирательных технологий избирательное право можно квалифицировать как политическую электоральную конституцию по аналогии с гражданским правом, определяемым как экономическая конституция современного общества» [15]. Важно отметить, что впервые возникла столь значительная сфера общественных отношений, регулируемая уже не волей монарха, не произволом его администрации, а нормами Положения 1864 г. В этом смысле можно видеть в данном положении нормативный акт, имеющий признаки конституционного характера. Следует напомнить и о мнении С. Ю. Витте, который признавал в земстве «организацию, несовместимую с самодержавным строем, конституционную по своему политическому характеру» [16]. Введение земств рассматривалось как переходный период, считалось, «...что в недалеком будущем явится возможность увидеть разрешенным вопрос об «увенчании здания», о водворении в России народного представительства» [17].

Список литературы

1. Материалы, собранные для высочайше утвержденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. – СПб., 1870. – Ч. 1.
2. **Корнилов, А. А.** Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (происхождение земской избирательной системы 1864 г. и ее дальнейшие изменения) / А. А. Корнилов. – СПб., 1906. – С. 27.
3. **Нардова, В. А.** Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика / В. А. Нардова. – Л. : Наука, 1984. – С. 11.
4. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. – СПб., 1877. – Т. I. – С. 212.
5. **Лаптева, Л. Ю.** Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России / Л. Ю. Лаптева, А. Ю. Шутов. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – С. 78.
6. **Веселовский, Б. Б.** История земства за 40 лет / Б. Б. Веселовский. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 203 ; Т. 4. – С. 1, 2, 45.
7. РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 380. Л. 12.
8. **Лохвицкий, А. В.** Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А. В. Лохвицкий. – СПб., 1864. – Ч. 1. – С. 132.
9. **Корф, П. Л.** По поводу реформы земских учреждений / П. Л. Корф // Вестник Европы. – 1888. – № 3. – С. 330.
10. **Лешков, В. Н.** Опыт теории земств по положению 1864 г. января первого / В. Н. Лешков. – М., 1865.
11. **Безобразов, В. П.** Земские учреждения и самоуправления / В. П. Безобразов. – М., 1905.
12. **Захарова, Л. Г.** Земская контрреформа 1890 г. / Л. Г. Захарова ; под ред. П. А. Зайончковского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С. 35.
13. **Градовский, А. Д.** Крестьянские выборы в гласные уездных земских собраний / А. Д. Градовский // Вестник Европы. – 1884. – Кн. 5. – С. 86, 432.
14. Местное самоуправление в России / под ред. В. Д. Полищука. – Саратов : Газета, 1994. – С. 5.
15. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник для вузов / отв. ред. к.ю.н. А. А. Вешняков. – М. : НОРМА, 2003. – С. 7.
16. **Гармиза, В. В.** Подготовка земской реформы 1864 г. / В. В. Гармиза. – М., 1957. – С. 15.
17. **Пажитнов, К. А.** Городское и земское самоуправление. Великие реформы шестидесятих годов в их прошлом и настоящем / К. А. Пажитнов. – СПб., 1913. – С. 86.

Кузин Валерий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра истории российской государственности и права, Поволжская академия государственной службы
им. П. А. Столыпина (г. Саратов)

Kuzin Valeriy Nikolaevich

Candidate of juridical sciences,
associate professor, sub-department
of history of Russian government
and law, Povolzhye Academy of Public
Service named after P. A. Stolypin (Saratov)

Свечников Николай Иванович

кандидат технических наук, доцент,
кафедра уголовного права,
Пензенский государственный
университет

Svechnikov Nikolay Ivanovich

Candidate of technical sciences,
associate professor, sub-department
of penal law, Penza State University

УДК 340.0(09)

Кузин, В. Н.

Политико-правовые итоги земской реформы в России во второй половине XIX в. / В. Н. Кузин, Н. И. Свечников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 97–103.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, политики и права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и доредакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **социология**
- **экономика**
- **педагогика**
- **политика и право**

Стоимость одного номера журнала – 250 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: факс (841-2) 56-34-96, тел.: 36-82-06, 56-47-33; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку на второе полугодие 2009 г. можно также оформить по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ» «Газеты. Журналы» тематический раздел «Известия высших учебных заведений». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 2008 г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись) (ФИО)

Дата «___» _____ 2009 г.